

: СИМ ПОБЕДИШИ!

От редакции

СИМ ПОБЕДИШИ!

Открывая предыдущий номер журнала, мы выражали надежду, что «акт примирения», заключавшийся в снятии прещений со священ. Георгия Кочеткова и двенадцати его прихожан, станет шагом к дальнейшему установлению в нашей церкви столь необходимого ей внутреннего мира. К сожалению, как показывает жизнь, пока этого не происходит. По сути дела ситуация осталась той же, что и до снятия прещений, только теперь она сосредоточилась персонально на о. Георгии.

Об этом красноречиво говорят последние события. О. Георгий уже незаметно удален из тех храмов, в которых патриарх Алексий II благословил ему сослужить до решения богословской комиссии, а со стороны некоторых священников поступила и новая угроза — организовать письмо, в котором московские клирики как бы выразили бы патриарху свой отказ сослужить с «неудобным» священником. А в начале июля в Алма-Ате три священника были запрещены в служении за «ересь неообновленчества-кочетковщины», с двоих из них был сорван крест, после чего все епархиальное собрание пропело: «Анафема». Духовенство епархии подписало «Постановление» с просьбой к предстоящему Архиерейскому собору «дать каноническую оценку практике церковной жизни, имеющей место в московской кочетковской общине»¹. Все это, а также некоторые публикации в СМИ заставляют думать, что и работа богословской комиссии, разбирающей труды о. Георгия, жестко направлена на подготовку таких же решений.

Поэтому мы начинаем этот номер открытым заявлением священ. Георгия Кочеткова, в котором он, во избежание недоразумений, прямо высказывает свою церковную позицию, т.к. произнося его имя, церковные люди сегодня часто подразумевают многое и разное, всегда однако ни в чем не соответствующее действительности.

Делая этот шаг, мы не просто защищаем нашего главного редактора. Ведь, как показали события в Алма-Ате, борьба за анафематствование о. Георгия Кочеткова тут же переходит в осуждение митр. Сурожского Антония и других достойных людей. К сожалению, можно с уверенностью сказать, что и этим дело не закончится: если на Архиерейском соборе (или даже после него) такое осуждение все-таки состоится, это неизбежно откроет дверь наступлению мракобесия на все живое в нашей церкви, а сама она «изнутри» получит тяжелейший удар, от которого еще не скоро оправится.

Большинство других материалов этого номера также внутренне связаны с происходящими событиями. Это несколько проповедей о. Георгия, также отражающих его церковную позицию, и статьи Давида Гзгзяна и Павла Гаврилюка, посвященные развернувшейся в прессе полемике о достоинстве опубликованных о. Георгием трудов.

С сегодняшней церковной ситуацией оказался внутренне связан и раздел «Богословие и философия». Одна из последних работ протопр. Николая Афанасьева «Учение о коллегиальности (со стороны православного)», впервые публикуемая по-русски, помогает увидеть и верно оценить еkkлезиологические сдвиги нашего времени, а статья Семена Зайденберга, посвященная недавним событиям в Санкт-Петербурге, показывает, к чему может в самое ближайшее время привести крайний клерикализм и нечувствительность к тем еkkлезиологическим и каноническим проблемам, исследованию и прояснению которых

посвятил свою жизнь этот великий русский богослов и канонист.

В разделе «Экуменический и нехристианский опыт» мы продолжаем тему «Христианство и история». В отрывке из большой работы известного католического деятеля Патрика де Лобье история предстает перед нами в свете ее конца. Увиденное таким образом, христианство оказывается путем к окончательной победе Христовой, победе Креста.

И здесь мы должны сказать, что, несмотря на сгущающиеся тучи, сквозной темой этого номера неожиданно даже для нас самих стала тема христианской победы. Ее проповедует в самом начале журнала о. Георгий Кочетков, о ней размышляет Патрик де Лобье, ее вы увидите в материале раздела «Духовные размышления», о ней же, наконец, свидетельствует в своем интервью, оказавшимся своеобразным пророческим итогом этого номера, прот. Сергей Гаккель, говоря о происходящих и еще только грядущих в нашей церкви событиях: «Может произойти крестная победа!», «христианство здесь испытывается как путь, и путь к победе».

Мы надеемся, что материалы этого номера помогут всем нам укрепиться в противостоянии внутреннему и внешнему злу и одержать единственную подлинно христианскую победу — ту, о которой говорит Сам Господь: Крестом и Истиной.

Редакция журнала

1 См. «НГ-религии» 28.06.2000, № 12 (58). С. 1—2.

: Свящ. Георгий Кочетков. «КТО ИМЕЕТ УХО, ДА СЛЫШИТ»

От редакции

Свящ. Георгий Кочетков

«КТО ИМЕЕТ УХО, ДА СЛЫШИТ» (Откр 13:9)** Опубликовано в «НГ-религии» 28.06.2000, № 12 (58). С. 3.

В моей христианской жизни серьезные и длительные гонения происходят не первый раз. Они были в 68—70 гг. — от домашних, в 74—77 гг. — на работе, в 83—88 гг. — от охранников госатеизма (исключение из духовной академии и невозможность служить), а потом — от своих: в 93—96 гг. — изгнание из Владимирского собора б. Сретенского монастыря и в 97—99 гг. — изгнание из церкви Успения в Печатниках, когда клирики многих, особенно московских, храмов были обмануты клеветнической пропагандой радио и газеты «Радонеж» и их же кинофальшивкой «Разоблачение». И вот теперь, почти без перерыва, гонения, судя по всему, начинаются снова. Все это вынуждает меня в очередной раз открыто и прямо заявить о своей церковной позиции — в надежде самому быть услышанным и защитить от абсурдных обвинений многих и многих людей. О необходимости подлинного церковного возрождения не однажды говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Приверженцем такого возрождения и обновления церкви, почву для которого подготовил Московский Собор 1917—1918 гг., являюсь и я. И именно такое возрождение в соответствии с церковной

традицией и канонами и должно было произойти. Но в последние годы стало ясно, что 70-летнее советское лихолетье не прошло даром — церковь была не уничтожена, но унижена и ослаблена, поэтому она оказалась отброшенной назад, на уровень проблем конца XVIII века, уже не вмещающая в себя свои же достижения эпохи духовного возрождения вт. пол. XIX—нач. XX в. Ей стала ближе идеология духовного упадка — «охранительного православия» и вытекающего отсюда изоляционизма, национализма, огосударствления, бурсацкой схоластики, магического клерикализма. Также успехом стали пользоваться близкие к этому идеи пребывающей в расколе «карловацкой», или зарубежной, синодальной, «свободной» церкви, которая не только требовала прекратить обновленческую практику церковного управления с помощью нехристианской власти (что само по себе совсем не плохо), но и пропагандировала идеи церковного национализма, церковного монархизма и церковного изоляционизма. Это выражалось в жестких требованиях канонизации бывшего императора Николая II и отхода от межхристианского диалога и общения. У них это связывается и с невозможностью исправления юлианского календаря, как и вообще каких-либо улучшений, особенно в богослужбном чине и языке. Кроме того, во всем мире фундаменталистские (не путать с фундаментальными!), обрядоверные и традиционалистские (не путать с традиционными!) силы стали наступать, реагируя на вхождение человечества в новую духовную, культурно-цивилизационную и социально-экономическую эпоху, называемую сейчас некоторыми «постмодерном», «постконстантиновским временем» и даже «постхристианством». В результате вместо борьбы со всеми осложнениями современной церковной жизни часть церковного руководства, не совладав со страхами и инерцией прошлого, стала отступать от своих же лучших намерений, представлений и принципов. Верх в Русской церкви начали брать многочисленные черносотенные и карловацко-ориентированные идеологизированные организации и движения, опиравшиеся на ненаученность и другие слабости церковных неопитов (их, по оценке специалистов, в нашей церкви и сейчас не менее 70%). Сыграли свою роль также материальные нужды и интересы возрождающихся в своем имперском великолелии церковных структур. Покаяния отпадавшего от Христа и Церкви народа, а тем более — церковных коллаборационистов и конформистов, нигде не произошло, но общественный комплекс вины перед Церковью, страдавшей и мучившейся, был использован вполне, — и часто совсем не теми, кто всерьез сам страдал и мучился «даже до смерти». В то же время еще белее возросли обрядоверие, чудомания и ересемания, и это значит, что сила духа еще более умалилась. Обскурантистские тенденции не встречают более в церкви практически никакого сопротивления. Добрые, мыслящие и ответственные церковные люди спрятались, зарылись в песок — авось пронесет, мол, доживем до светлого будущего. А те, кто не выдерживает, — перестают верить в Церковь, перестают причащаться и посещать храм, или переходят в другие юрисдикции и конфессии. От таких часто приходится слышать: «Я в церкви искал Бога, любви, мира и взаимопомощи, взаимопонимания и поддержки, а нашел обратное, все как в миру». Стоит ли тут удивляться легкой добыче иноконфессиональных миссионеров? Отсюда — лишь один шаг ко всем церковным нестроениям. Исходя из этого, любой здравомыслящий человек не может не задать себе и другим множества недоуменных вопросов. Например, что неправославного в традиционном «чине благословения и резания колача» Сербской церкви? Что плохого в агапах — древнехристианских «трапезах любви», ведь по канонам как раз презирующие их должны быть отлучены от церкви и лишены сана (11 правило Гангрского собора)? Что общего между словами ап. Павла, утверждающего веру в Церковь как «Столп и Утверждение Истины» (1 Тим 3:15), и требованием никогда и ничего в церкви не менять (разве только Столп спутать со столбом или даже пнем)? Какие конкретно «принципы московской кочетковской общины» осуждаются: большая понятность и ясность языка церкви? работа с людьми и взаимопомощь не только в храме, но и на дому? длительная серьезная катехизация? верность всему православному Священному Писанию и Священному Преданию, а не только произвольно выбранным их частям? Наконец, что это за новоявленная «ересь обновленчества и необновленчества» и какой собор постановил, что она уже требует

лишения сана и даже анфематствования? Я могу ответственно заявить, что во всем строго придерживаюсь православной веры и традиции и, значит, всех принципиальных установлений и положений Священного Писания и Предания, писаний святых отцов и учителей церкви, соборов и авторитетных богословов (хотя различаю догматы и теологумы, т.е. саму эту веру и эти традиции и их многочисленные и разнообразные толкования, в которых могут не сходиться не только богословы, но и святые отцы, и которые поэтому не всегда для всех обязательны). Мои статьи и книги, в т.ч. катехизисы, не являются ни для кого обязательными учебниками, подобными «Катехизису» митр. Филарета или «Догматическому богословию» митр. Макария. Они вообще не претендуют быть учебниками догматики, они лишь разъясняют православную веру современным взрослым оглашаемым с учетом их менталитета или помогают сделать это современным катехизаторам, уже знающим догматику и все остальное на уровне среднего или, чаще, высшего богословского образования, для чего нами используются все авторитетные дореволюционные и современные православные пособия. Мы никому не навязываем ни общинной или братской жизни, ни особых домашних встреч или агап, хотя я лично высоко ценю эти древние традиции нашей церкви, как и традицию церковной миссии (а не контрмиссии!) и взрослой катехизации. При этом я всегда был и остаюсь открытым и решительным противником крайнего экуменизма и секуляристского модернизма, подменяющего каноническое и традиционное возрождение церкви лишь внешними псевдоцерковными реформами.

Я всегда безоговорочно крестил и готов крестить детей, которых родители и крестные готовы вырастить в вере, а также взрослых — по их вере, а не по причине прохождения у нас катехизации. Все мы всегда исповедовали принцип верности Богу и Церкви и, значит, Русской православной церкви и ее священноначалию, никогда не поддерживая никаких параллельных церковно-иерархических структур. Для себя я никогда ничего не хотел, кроме возможности в церкви учить народ исключительно в рамках пастырских даров и ответственности. Да, я могу все это подтвердить и подписать. Но те, кто сейчас в церкви ищут не милости, а жертвы, вряд ли хотят что-либо понимать и слушать. И если так, то в нашей церкви будет продолжаться беснование, пока не придет тот примиритель, который скажет со властью всякому бесноватому: «Замолчи!» и произнесет анафему всякому духу лжи и тьмы, изгнав его вон и освободив ныне страждущих от него.

: О христианской победе. Слово в день св. вмч. Георгия Победоносца (05.05.2000 г.)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков. Из проповедей после вечерней молитвы. О ХРИСТИАНСКОЙ ПОБЕДЕ

Слово в день св. вмч. Георгия Победоносца (05.05.2000 г.)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Сегодня замечательное совпадение субботы, т.е. последнего дня Светлой седмицы, и

празднования памяти великомученика Георгия Победоносца, а также мученицы царицы Александры и еще двух мучеников — Анатолия и Протолеона.

Мы начинаем это празднование, как обычно, накануне вечером, и это замечательно, что праздник Победы (а Пасха — это именно праздник Победы) завершается для нас воспоминанием этих святых и, прежде всего, Георгия Победоносца. Сейчас для нас не так важно, что память этого святого сыграла огромную роль в истории нашего города, нашего народа, нашего государства, нашей земли, как и сегодня она играет огромную роль в судьбе наших многочисленных именинников, — не это самое главное, дорогие братья и сестры, хотя это тоже, конечно, вещь не пустая. Важнее всего то, что мы утверждаем, что такой человек, как великомученик Георгий, или такая женщина, как царица Александра, не были бы причастны Победе, не будь Воскресения Христова, — именно силой Христа, силой его Креста и Воскресения, силой Нового Завета эти люди побеждали и побеждают! Эта сила побеждает и наши страсти, и нашу ограниченность, и нашу слабость, и наши страхи. Все, что мешает человеку в этой жизни, может быть побеждено силой Нового Завета, силой Христовой!

То, что в этом году память св. Георгия Победоносца завершает Светлую седмицу, для нас, действительно, большая радость и также некоторое знамение. Знамение, которое заключается в том, что Господь нам как бы через них говорит: ваша вера правая, вы победите! Конечно, из этого можно сделать вывод, что и наше дело правое, и мы победим. И, наверное, человеку важно это знать. Наверное, каждому из нас важно не сомневаться в этом, потому что многое из того, что нам надлежит делать, но что не делается, не делается именно потому, что мы не вполне уверены в своем призвании, не вполне уверены в том, что мы победим и что наша вера и наше дело — правые! Мы часто ассоциируем эти слова с известными историческими событиями XX века, мы часто отдаем их на откуп людям, делающим в своей жизни главный акцент на интересах государственных, национальных, идеологических, каких угодно, и при этом как бы забываем, что в первую очередь эти слова должны принадлежать каждому христианину, и мы, действительно, должны побеждать!

Да, у людей есть призвание побеждать, но нельзя победить самому по себе, без помощи свыше. Помните, когда в Апокалипсисе говорится о некоторых животных, что они будут побеждать, говорится именно, что им дано победить. Там это относится к злым силам, и тогда может показаться, что Бог как бы Сам посылает на землю меч или голод, или страх для того, чтобы они победили — победили веру, надежду и любовь в людях. Но мы-то знаем, что Богу нужно обратное! И нам с вами нужно обратное! Нам нужно достичь такой жизни, чтобы по примеру Христа реализовать свое призвание побеждать, чтобы мы никогда не были побеждены ни голодом, ни страхами, ничем. Вот это, может быть, самое главное. Здесь есть большая тайна и человеческой и мировой судьбы: кто побеждает и кто победит в этом мире, где в сердцах человеческих до сих пор дьявол борется с Богом? Кто победит в наших сердцах, кто победит посреди нас и между нами, и в нашей церкви, и в нашем обществе, и в нашем народе, и в нашей истории?

Под нашим народом и под нашей историей я подразумеваю в первую очередь, конечно, церковный народ и церковную историю, а потом уже этносы. Ведь со времен окончания Ветхого Завета этнос уже не имеет священного значения: нет во Христе «ни эллина, ни иудея», нет во Христе ни русского, ни китайца, ни француза, ни американца, ни негра, «но все и во всем Христос», и значит, все составляют один народ Божий! А народ Божий призван побеждать. И если мы причастны к этому народу, то и мы призваны побеждать. Или, лучше сказать, насколько мы ему причастны, настолько мы это призвание и осуществляем. Не случайно в Евангелии мы слышим от Господа Иисуса: «Сия есть победа, победившая мир, вера ваша». Да, вера побеждает весь мир, а не только те или иные мелочные обстоятельства нашей жизни,

недостатки нашего характера, трудности семейного положения и рабочих отношений, трудности государственного или экономического, или социального строительства. Для нас с вами это очень важно, тем более в эти дни, когда мы не очень четко представляем, что ждет нас в ближайшем будущем, как в церкви, так и в государстве.

«Сия есть победа, победившая мир, вера ваша!» Тот, кто является христоносцем и богоносцем, и духоносцем, и крестonosцем, — тот побеждает. Не случайно откровение, данное императору Константину, гласило: «Сим победиши!» — а ведь оно относилось именно к явлению Креста! Потом, к сожалению, имперская власть забыла об этом, она очень полюбила изображать Крест, силы же Креста отверглась. Нам не следует этого делать, дорогие братья и сестры! Хотя и нам часто хочется носить лишь образ Креста, взирать на икону Креста, как и на икону Христа. Быть же христоносцами и крестonosцами мы не умеем, потому что это означает так расширить свое сердце, чтобы оно вместило полноту Любви и Веры, и Свободы, и Истины. Вот об этом мы же забываем: второстепенное выходит на первое место, а главное теряется.

Впрочем, так бывало в истории всегда... пока не наступали гонения! Как только наступали гонения, люди тут же дифференцировались: становилось видно, кто за внешней позолотой христианской жизни сохранил веру и любовь, а кто ее оставил, быв предан лишь христианской культуре и истории и думая победить в них. Но в культуре и истории победить невозможно, дорогие братья и сестры! Культура и история сами спасаются лишь постольку, поскольку они причастны творческому Духу Христа и способны отдать себя, распявшись на кресте!

Вот, дорогие братья и сестры, что значит быть «победonosцем» по-христиански. Мы все должны были бы нести венец победonosца, но вы же хорошо знаете, что, как напомнил нам апостол Павел, «бегущие на ристалище бегут все, а один получает награду», т.е. венец победителя, знак победы, знак первенства получает один. Апостола это не пугало! Он говорил: «Так бегите!» Бегите все, чтобы получить этот венец, этот кубок, это первенство, все бегите!

Интересно заметить при этом, что хотя побеждает всегда один, но и этот один, в свою очередь, побеждает лишь один раз в своей жизни, и этот один раз и является вершиной всей жизни человека! Так вот, будем знать, что каждый верный один раз в своей жизни этот венец получает! Не все и не все сразу, это верно, но жизнь ведь не кончается на промежуточных победах. Конечная и общая наша победа принадлежит Эсхатону, откровению Небесного Царства, но здешние, исторические победы — относительные победы, которые открывают нам путь в Царство Небесное, — могут и должны достигаться сегодня или завтра, так же как они достигались вчера и позавчера. И каждый верный, который бежит, достигнет цели. Не бойтесь, что сегодня вас кто-то обгонит, не бойтесь того, что сегодня вы, может быть, не на первом месте и еще не носите победного венца. Бойтесь остаться без победы ко дню Второго пришествия Христова!

Итак, дорогие братья и сестры, сегодняшнее совпадение заканчивающейся Светлой пасхальной седмицы и памяти вмч. Георгия Победonosца — это замечательное доказательство того, что каждый человек может достигнуть победы, если он верен, если для него на первом месте стоит Христова победа на Кресте и в Воскресении, с одной стороны, и победа в явлении Духа и силы, с другой. Так будем радоваться этому, будем благодарить за это Бога и будем знать, что это потребует от нас всех сил. Будем спокойны, не будем ни завидовать, ни унывать, если вдруг кто-то нас честно обойдет, постараемся так же честно достичь победы в будущем, — пока есть день, пока есть время, пока течет история, пока звучит призывающее нас к Отцу и Жизни вечной Христово слово!

Будем, дорогие братья и сестры, и дальше благодарить Христа воскресшего и прославлять Его. Будем знать, что Он, и только Он, раздаёт победные венцы. Не начальство, не власти, не силы

венчают нас, а Сам Христос, как это обычно и изображается на иконах, где мученикам дается венец, но дается он — свыше!

Пусть же сегодняшний праздник и воспоминание о великих мучениках и святых укрепит нас в нашем призвании побеждать, удалит от нас всякое сомнение и всякий страх, пусть наполнит нас чистым смыслом и ясным духом, который открывает нам Тайну — Тайну Веры, победившей мир и ставшей нашей победой!

Аминь.

: Покров Божьего милосердия. Слово в Неделю прп. Марии Египетской (16.04.2000 г.)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков. Из проповедей после вечерней молитвы.

ПОКРОВ БОЖЬЕГО МИЛОСЕРДИЯ

Слово в Неделю прп. Марии Египетской (15.04.2000 г.)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры, христиане! В этом году Господь, как и всегда, дает нам Свои знамения. И среди многих знамений, явленных нам Великим постом, есть одно, по-видимости не очень заметное. Сегодня, как и обычно в пятую неделю Великого поста, мы празднуем память святой Марии Египетской. А совсем недавно, в четверг, на утрени положено было совершать Великий канон св. Андрея Критского с чтением жития этой святой. Интересно, что на эту же неделю, буквально на следующий день, на пятницу, попала еще особая, «под числом», память все той же Марии Египетской. Получается, что в этом году мы три раза подряд празднуем ее память: в четверг на утрени вспоминали ее житие, в пятницу под определенным числом была ее минейная память, а теперь, в субботу вечером и утром в воскресенье, в пятую неделю Великого поста, мы снова совершаем ее память. Такое совпадение бывает не часто, но так как в этом году Пасха поздняя, то оно произошло. И я подумал: значит, что-то надо сегодня сказать об этой святой.

Сначала я затруднялся: что же о ней сказать, ведь мы, кажется, все основное уже сказали. И вот сегодня утром, во время крещения младенцев, мне пришлось говорить о самом главном в нашей христианской жизни – о том, что все христианство сводится к самым простым вещам, к тому, чтобы любить Христа и искать Царства Небесного. Любить Христа — значит любить Бога и человека, ибо Христос — Богочеловек. Искать Царства Небесного означает искать его начатки уже на земле и стремиться к тому, чтобы это Царство Небесное распространялось. К сожалению, мы с вами часто забываем об этом, о том, что есть самое главное в нашей жизни, а

вот Марии Египетской Господь дал и такую память, и такое удивительное свойство — быть человеком, который после своего покаяния никогда об этом не забывал. Мы же, когда произносим имя этой святой, очень часто вспоминаем о чем угодно, только не о самом главном: мы вспоминаем ее житие, мы размышляем, а могла ли она оторваться на метр от земли или не могла, могла ли она столько времени жить под палящим солнцем обнаженной и почти без пищи или нет, т.е. мы вспоминаем обо всем том, что, вообще говоря, никакого значения не имеет. Иногда еще мы вспоминаем о ее веселой жизни, о ее грехах, и, может быть, это уже немножко лучше. Вам может показаться странным: почему же лучше? Да потому, что именно из большой глубины греховной Господь воззвал ее, эту простую женщину, и помиловал ее. И вот поэтому память преподобной Марии Египетской — это память милосердия Божьего, бесконечного Божьего милосердия!

Мы можем спросить: зачем установлено переходящее празднование этой святой на пятой неделе Великого поста, в самом его конце? Ведь следующее воскресенье — уже Вербное, перед ним — Лазарева суббота, потом — Страстная седмица, потом Пасха, Светлая седмица — и значит, в это время уже не может быть никаких отдельных памятей, и правильно. И следовательно, в последнее воскресенье святой Четыредесятницы мы как бы уже завершаем отдельные воспоминания святых, и оно посвящено святой памяти преподобной Марии Египетской! Почему? Для меня это было загадкой — до тех пор, пока я не увидел это совпадение в этом году. Я слышал много разных гипотез, богословских домыслов — умных, красивых, которые объясняли, зачем церковь, установила этот порядок, но они меня всегда не удовлетворяли своей отвлеченностью, своей какой-то внешней красотой. Но вот когда я вдруг почувствовал, что для нас-то это ведь великое утешение и радость — в конце поста почувствовать милосердие Божье на примере преподобной Марии, для нас это — такая радость, такое веселие духа, такой свет, то понял, что этот пример действительно достоин завершить воскресные дни святой Четыредесятницы!

Сегодня же мы празднуем Воскресение: даже Великий пост не отменяет праздника Воскресения Христова. И как раз воспоминание Воскресения Христова, отверзшего нам токи благодати, давшего нам возможность воспользоваться милосердием Божиим, любовью Божьей, и память святой Марии Египетской, показавшей нам, что Бог нелицеприятен, — это прекрасный повод для духовного размышления. Нам нужно научиться размышлять над своей верой. Я боюсь произносить здесь слово «медитация» (хотя «размышление» и означает «медитация», а «медитация» означает «размышление»), потому что со словом «медитация» у нас часто связываются совершенно другие ассоциации, вызывающие в памяти какие-то часто полумистические, полуэкстрасенсорные, полуязыческие аскетические практики, именно поэтому я не буду произносить этого слова, хотя само по себе оно ни в чем не виновато, в нем, самом по себе, нет никаких языческих коннотаций.

Так вот, дорогие братья и сестры, возрадуемся и возвеселимся, когда у нас есть такой пример действия Божьего в мире, во Христе и через Христа, в Церкви и через Церковь. Возрадуемся и возвеселимся тому, что нет такого греха, нет такой степени падения, от которых Бог не мог бы нас восставить! Много раз я говорил вам, что мы не можем унывать. Может быть, уныние — один из самых тяжелых грехов, и не случайно он вошел в число смертных, — именно потому, что у христианина вообще нет оснований для уныния, или он не христианин! Унывающий человек — это человек как бы с испорченным духом. Это человек, который не умеет благодарить Бога, который не видит, за что благодарить. Ибо благодарящий человек никогда не унывает, благодарят-то ведь за что-то, благодарят за какое-то благо в жизни, а человек, живо пользующийся жизненными благами, не может унывать. Только гордый человек и человек, не умеющий благодарить, а также не имеющий духовной трезвости, совсем не могущий жить по благодати, может унывать. Поэтому поспешим с вами, дорогие братья и

сестры, от этого греха, от этого соблазна, который подстерегает каждого человека. Будем, дорогие братья и сестры, пользоваться милосердием Божиим, зная, что мы тоже не будем исключением из этого правила.

Ни один из нас не может быть Богом осужден, потому что у Бога якобы не хватило на нас милосердия. Будем это знать и будем за это благодарить. Церковь, церковная традиция специально показывает нам в житии преподобной Марии все возможные грехи и самые тяжкие состояния, — не потому, что это точное описание жизни конкретного человека, а как раз для того, чтобы мы не могли сказать: «Ну, она еще хорошо отделалась, а нам-то хуже!» Нет, дорогие братья и сестры, мы не можем так сказать. Будем об этом помнить, и пусть сила Божия, которая так явно являет себя, так явно открывает себя Великим постом, пусть сила Божия восставит нас от всякого греха и уныния, пусть она покажет нам, что мы, каждый из нас, — тоже под покровом Божьего милосердия, и поэтому мы не можем коснеть в грехах, какие бы они ни были, какими бы ни были наши привычки, взгляды, какими бы ни были наши болезни. Что бы ни было с нами, мы не можем коснеть в страстях, мы должны их преодолевать, с одной стороны, милостью Божьей, а с другой стороны, силою служения, самоотдачи, самопожертвования и послушания воле Божьей.

Аминь.

: О борьбе со страстями. Слово в Неделю о блудном сыне (26.02.00)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков. Из проповедей после вечерней молитвы. О БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ Слово в Неделю о блудном сыне (26.02.2000 г.)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Вы хорошо знаете, что сейчас идут подготовительные недели к Великому посту, и как обычно мы вспоминаем при этом те конкретные места из Священного писания, которые помогают нам совершить эту подготовку, это приуготовление. Ведь к каждому духовно значимому событию в нашей жизни мы должны готовиться. Мы должны готовиться к каждому таинству. Когда мы идем совершать таинство Евхаристии, мы готовимся. Когда человек принимает таинство Крещения, он готовится к нему длительно и всерьез, особенно если это человек взрослый, сознательный. Если мы собираемся каяться, участвовать в таинстве Покаяния, то мы также должны готовиться.

И вот, приближается время Великого поста, и церковная традиция предлагает нам вспомнить знаменитую евангельскую притчу о блудном сыне. Сегодня вы слышали, как на эту тему пелись прекрасные стихиры и, наверное, вы уже вспомнили содержание этой притчи. Я не буду ее пересказывать, здесь наверняка все ее знают.

Что же мы с вами должны сделать сейчас, когда наступила Неделя о блудном сыне, т.е. воскресный день, посвященный воспоминанию именно этой притчи? Как нам воспринять ее:

тем, кто первый раз в жизни вступает в полноте в Великий пост, и тем, кто далеко не первый раз в жизни собирается проводить великопостное время? Наверное, нам, особенно нам, не только как членам Православной христианской церкви, но именно как братству, которое неформально совершает свое служение Богу и Церкви, поддерживая все то живое, что Господь нам дает увидеть, нужно взглянуть на притчу о блудном сыне как бы с самого ее начала.

Часто, говоря об этой притче, христиане думают прежде всего о ее конце, т.е. о милосердии отчем, об объятиях отчих, которые готовы открыться перед каждым, о прощеном грешнике. Но нам, наверное, сейчас важнее вспомнить начало этой притчи.

Блудный сын уходит от отца. Почему? Неужели ему было плохо в отчем доме? Наверное, нет. Наверное, ему было совсем, совсем не плохо. Но он уходит. Уходит для того, чтобы наполнять свое чрево рожками, для того, чтобы проводить время с блудницами. Он выбирает этот путь тогда, когда уже имеет в своем распоряжении дом отчий, пусть еще не как хозяин в этом доме, но как наследник, как сын. Но он предпочитает взять часть, лишь небольшую часть своего наследия, он спешит взять эту часть, пренебрегая большим. Естественно, как все половинчатое и частное, это наследие, изъятое им у отца, ничего ему не дает, оно быстро проходит, как слава этого мира. Так почему же он стал блудным сыном, почему же он уходит?

Дело, конечно, не только в том, что человек имеет свободу выбора. Да, не имея он этой свободы, он бы не смог уйти, но тогда он не был бы и сыном и наследником в доме отца своего. Но все-таки, имея свою свободу, он ведь мог бы выбрать лучшее, а выбирает худшее. Мы знаем, дорогие братья и сестры, что так в жизни бывает. Это всегда приводит к трагедии, но, увы, так бывает. Когда недавно мы с вами праздновали праздник Сретения и говорили о братской жизни, о церковной жизни, об общинной жизни, вы, может быть, обратили внимание на то, что пришлось формулировать, пусть и очень традиционно, но резко то, чего прежде, в прежние годы мы всегда избегали: мне пришлось говорить о страстях. И блудного сына из отчего дома увели именно страсти. Они его победили, они заставили его изъять часть своего имени и прокутить его, и питаться суррогатом вместо полноценной пищи, и вместо любви предаваться распутству. Страсти увлекли сына, ставшего блудным.

Мы плохо понимаем, что значит страсти. Мы очень часто думаем, что страсти — это лишь что-то внешнее, что это эмоции, что это что-то очень плотское, связанное лишь, может быть, с плотскими грехами, и забываем о том главном, что отличает страсть от всякого греха.

Почему святые отцы-аскеты говорили нам, что нужно бороться со страстями, и борьбу с грехом они понимали в этом смысле? Святые отцы вслед за Спасителем и апостолами говорили о том, что «всякий делающий грех есть раб греха», говорили о том, что страсть — это то, что порабощает человека вплоть до такого состояния, когда он начинает делать то, чего не хочет.

Помните, апостол Павел в одном месте отобразил этот свой ветхозаветный опыт: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». «Кто избавит меня от сего тела смерти?» — восклицает он, имея в виду под телом не просто тело, не только, скажем, физическое тело. Страсти страшны тем, что это явление, в первую очередь, не плотское, а духовное. Каждая страсть — это своего рода бес, который старается как бы ввинтиться, войти в душу человека так, чтобы уже не выйти, как бы сродниться с ней, когда человек хотя поначалу еще и ощущает в себе что-то чужеродное, но уже сделать ничего не может.

Страстей бывает много. Страсти часто воюют против нас, и мы должны бороться с этими бесами, иначе мы также рискуем покинуть Отчий Дом, святую Церковь. Разве этого никогда с нами не происходит? Увы, происходит. Иногда мы теряем своих братьев и сестер во Христе только потому, что вовремя не помогли им освободиться от их страстей, которые ввергают их

то в гордыню и честолюбие, то в уныние и депрессию, которые заставляют их то завидовать, то настаивать только на своем, то даже отстаивать свою правду против правды Божьей. Зависть — такая же страсть. Нетрезвенность, неумение различать духи и смыслы — такая же страсть. Ведь нетрезвенность — это такое духовное (вместе с душевным) фантазерство, когда человек теряет почву под ногами. Обиды, когда человек обижается и обижает, — это страсть. Неумение простить, подать руку ближнему, осуждение — всё это страсти. Вы знаете, как они могут завладевать человеком, вы знаете, как трудно человеку бороться даже с завистью, как трудно ему бороться со сребролюбием, с желанием устраивать только лишь земной свой дом. Не будем забывать и того, как трудно человеку бороться и с плотскими страстями. Не случайно многие и многие люди, даже искренние и очень неплохие христиане, не могут с ними справиться и даже постом не могут ограничить просто брачные отношения, тем самым разрушая пост. Почему? Потому что они подвержены страстям. Мы очень часто отказываем ближним нашим в доверии, в любви, в примирении, также вследствие действия страстей.

Великий пост был когда-то установлен в церковной практике для того, чтобы помочь просвещаемым, т.е. оглашаемым второго этапа оглашения. Но позже акценты были перенесены, и Великий пост стал временем борьбы со страстями, временем борьбы за Бога в человеке, за образ Божий в нем и за высоту и святость человеческого призвания, которые должны проявиться еще на земле, в земной человеческой жизни, которые не должны относиться куда-то за облака и, тем более, в какой-то загробный мир.

В наше время мы часто исполняем лишь внешнюю оболочку, лишь форму поста, забывая о главном его содержании. Ну, конечно, счастливы просвещаемые, они не могут забыть о том, что они входят в Церковь, что они близки к своему воцерковлению и крещению, как счастливы и те, кто им в этом помогает, катехизаторы, крестные и т.д., потому что они тоже вовлечены в этот процесс и понимают, как важно при этом преодолевать свои грехи и страсти. Но очень часто те, кто уже как бы отошел от этого процесса, об этом забывают. Такие люди часто погрязают в страстях и не борются с ними даже тогда, когда меняется их диета, когда они перестают есть мясо, молоко, яйца, рыбу. А чего в этой диете особенного? Мы живем в странном мире, когда она означает лишь более здоровое питание, и все. Но разве это пост? Это еще никакой не пост. Если мы не отдаем своего сердца Богу и ближним, то мы не постимся. Если мы не вырываем у нашего противника по духу то, что в непостное время ему удалось захватить в нашей душе, в нашем сердце, в нашей жизни, то какой же это пост? А ведь бывает так, что как раз в постное время человек еще больше отдает себя этому врагу. Он начинает раздражаться, злиться, он начинает предьявлять претензии к тем, кто его не понимает, не понимает «великих задач поста».

Как важно нам, дорогие братья и сестры, не забывать о главном, борясь со своими страстями и помогая в этой борьбе своим близким. Ведь всем известно, что человек более успешно борется со своими страстями, когда имеет в себе силу послужить ближнему, особенно в той же самой борьбе. Хотите удачно провести пост, — тогда не только организуйте свою жизнь в это время, не только определитесь, что для вас самое главное во время этого поста, но еще посмотрите вокруг себя внимательнее, пристальнее: где непорядок, кто страдает, кому надо помочь? Что надо сделать, где человека надо духовно поддержать молитвой или каким-то скромным делом? Если мы с вами этого не сделаем, то мы лишь добавим к своим старым грехам новые грехи.

Вот поэтому чтение притчи о блудном сыне, которое вы завтра услышите в храмах на литургии, имеет огромное значение. Мы должны прежде всего ужаснуться тому, что и мы, имея свободу воли, можем сделать в один прекрасный год неверный выбор и уйти из Отчего дома. Мы должны ужаснуться и тому, что это — реальная опасность в жизни каждого из нас. Мы должны сделать все, чтобы эта опасность не реализовалась ни в нашей жизни, ни в жизни наших

ближних. Тогда это будет пост. Тогда мы будем готовы провести это время достойно, плодотворно.

Я думаю, вы понимаете, что хоть в какой-то степени это доступно всем, от детского возраста до самой глубокой старости, независимо ни от каких внешних состояний и положений, какой бы дар человек ни имел, какое бы служение он ни нес, какой бы работой он ни занимался, где бы он ни находился, как бы он себя ни чувствовал. Это доступно всякому, и здесь не может быть оправданий: я не сделал, потому что не мог. Если человек и не смог ничего сделать, то лишь в силу своих страстей, в силу того, что они побеждают его снова и снова. Других ситуаций быть не может. Все большие посты — это время самопроверки, налаживания того духовного механизма, который через две тысячи лет после евангельских событий так легко разлаживается, потому что не всегда вовремя обновляется, не всегда вовремя приводится в соответствие с реальными задачами нашей жизни и нашего времени.

Если нам нужно каяться (а нам нужно каяться!), то нам нужно каяться и в своих грехах, и в грехах своего народа, и в грехах своей церкви, и в грехах своих общин, и в грехах своих родных и близких, живших до нас и живущих ныне. Мы очень часто об этом забываем, мы резко снижаем требования к себе, и поэтому каемся, каемся, а раскаяться не можем. Именно поэтому мы не можем взойти на ту духовную высоту, которая была свойственна многим и многим христианам в прежние века, именно поэтому мы не имеем тех примеров духовной жизни в покаянии, которые бы воодушевили нас и подняли на этот подвиг. Но будем знать: Бог верен, и Церковь, как и Христос, — всегда одна и та же. Поэтому мы должны делать ради Господа все, что нам предстоит, не боясь никаких препятствий, не оборачиваясь назад, независимо от своего духовного опыта, от своих духовных даров и сил, независимо ни от каких обстоятельств.

Будем же, дорогие братья и сестры, это знать, об этом помнить и будем очень внимательны к себе и к своим ближним, к своей жизни и к ее результатам. Не будем самонадеянны и легкомысленны, не будем думать, что если нам дана вера и добрые намерения, то мы уже достигли всего, то мы уже спасены и нам не о чем больше беспокоиться. Еще апостол сказал: «Если праведник едва спасается, то грешник где явится?» А праведник едва спасается, потому что мы живем в агрессивной среде. Но уходить из нее нам не заповедано. Христос не хочет, чтобы мы уходили из мира, как Он не хочет и того, чтобы мы прикрывали трудностями жизни в этом мире свои страсти и свои грехи. Нам нельзя себя оправдывать. Если и будет нам в чем-то оправдание, то лишь от Бога.

Не будем же забывать и о просвещаемых, и об оглашаемых. Вы знаете, как сильно изменился состав просвещаемых и оглашаемых за последние десять—двадцать лет. Я вспоминаю, какими были группы оглашаемых в семидесятых годах. Разница огромная: сейчас, с одной стороны, возможности резко увеличились, но с другой стороны, каждому человеку, приходящему в Церковь, приходится пройти значительно больше трудностей. Больше дано, больше и спрос: никуда не деться. И сейчас каждому человеку, проходящему оглашение и прошедшему его, важно об этом помнить, чтобы не заблудиться, не обольститься, не поддаться внушению духов легкомыслия. Я это особенно подчеркиваю, потому что сегодня здесь много и просвещаемых, т.е. тех, кто начал на втором этапе оглашения свой путь к просвещению, и тех, кто недавно окончив оглашение, выходит из особого духовного состояния, которое мы называем «пустыней», и с которыми здесь сегодня после чтения запретительных молитв будет проведена особая встреча, особая беседа.

Я думаю, что то, что я сейчас сказал в проповеди, может помочь вам и в вашем покаянии, в вашей подготовке к завтрашней Евхаристии, завтрашнему служению на литургии. Так как сегодня здесь много просвещаемых и заканчивающих свои искушения в «пустыне», то,

наверное, этого слова будет достаточно для того, чтобы вы, придя домой, помолились за этих просвещаемых и за этих выходящих из «пустыни», ведь им скоро начинать первый в их жизни полный Великий пост. Помолитесь и о себе, и друг о друге, и о братстве нашем, и о школах, и о нашем институте, помолитесь о друзьях и о врагах, о родных и о дальних, если вам что-то известно о них, тревожащее душу, помолитесь и о детях, и о людях немощных в связи с их большим возрастом, помолитесь о том, чтобы ни один человек не попал в ситуацию искушений сверх своих сил. Господь никогда не дает такого искушения людям, но к сожалению, люди не всегда слушаются Господа, не всегда ищут воли Божией, а утверждают волю свою. Не всегда любят правду Божию и заповеди Божьи, а утверждают правду свою и свои правила жизни. Поэтому будем трезвенны, будем воспитывать себя в этой духовной трезвенности, чтобы ощущать и всю трудность христианской жизни, и всю ее благодать, всю ее радость, всю, если хотите, ее вечность. Не будем унывать, не будем ничего бояться, будем верными людьми Бога и ближних своих.

Аминь.

: Свящ. Георгий Кочетков. Из проповедей после вечерней молитвы. Слово в Неделю о мытаре и фарисее (19.02.00).

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков. Из проповедей после вечерней молитвы. СЛОВО В НЕДЕЛЮ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ (19. 02. 2000 г.)

Во имя Отца и сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Чтобы как следует проводить нашу духовную, христианскую жизнь, нам нужно прийти к изначальной точке, нам нужно прийти к воскресению Христову, которое совершается и в наших сердцах, которое совершается и на земле и на небе. И наши сердца должны принадлежать небу и земле, потому что нам надлежит наследовать и то и другое!

Сегодня удивительное сочетание разных праздников. Вот сейчас мы говорили о главном из них, о празднике Воскресения Христова. Субботний вечер и воскресное утро — это всегда празднование малой пасхи, это всегда для всех христиан радость о Воскресшем, независимо ни от чего, даже если идет Великий пост, даже если как бы нет сил, даже если в жизни все трудно.

В то же время продолжается празднование Сретения Господня. Сретение — это великая радость встречи и единения, встречи и общения — человека с Богом, верных людей друг с другом. Без такого общения невозможно вместить свет воскресения Христова, но для того, чтобы это общение людей осуществилось, для того чтобы оно было полным, нужно много потрудиться. Между людьми очень много перегородок, очень много таких вещей, которые или отделяют людей друг от друга, или, если не отделяют, то омрачают их общение. Потому что есть грехи, грехи против самого себя и грехи против ближних, которые так же существенны, как и грехи против Бога и мира Божьего.

И еще сегодня — первая подготовительная неделя к Великому посту, Неделя о мытаре и фарисее. Завтра на литургии оглашаемых во всех храмах будет читаться соответствующее Евангелие с притчей о мытаре и фарисее, и сегодня мы уже слышали соответствующие стихиры. Да, дорогие братья и сестры, эта притча говорит нам о том, что можно внешне, формально исполнить все и при этом не угодить Богу. А можно жить так, что, кажется, еще чуть-чуть — и падешь настолько, что уже нет никакой надежды на спасение, и в то же время найти лучший путь и лучшее оправдание.

Всем нам известна притча о мытаре и фарисее, все мы знаем, как нежелательно верующему человеку оказаться тем, в ком есть закваска фарисейская, от которой так предостерегал нас Господь, потому что она есть лицемерие, она есть духовное и церковное, религиозное ханжество. Как говорил о. Сергей (Савельев): «Что часто происходит среди верующих и в наших храмах? Люди соблюдают формочку жизни, а о духе не заботятся». И тогда все теряет смысл. Да, дорогие братья и сестры, плохо человеку грешить, плохо бы ему оказаться среди тех, кто отвергается народом Божиим как грешник, но еще хуже, когда человек попадает в фарисейскую среду и охватывается духом лицемерия.

Для нас, православных, очень непросто разрешить эту проблему, потому что мы особенно акцентируем свое наследие и свою историческую задачу сохранить полноту предания. Мы хотим быть наследниками отцов, потому что помним слова Ветхого завета: «Благословен Ты, Господи, Бог отцов наших», мы хотим привлечь внимание людей к покаянию, и не случайно в наших храмах постоянно звучат ветхозаветные слова о Боге как Боге кающихся, но мы иногда забываем о том, что предание церковное должно обладать качеством целостности и что в нем все должно быть уравновешено: писание и предание, внешнее и внутреннее, покаяние и радость о спасении, смирение и дерзновение, и если мы возьмем что-то одно, но забудем о другом, то окажемся как раз менее всего верными Православию.

Неделя о мытаре и фарисее напоминает нам, что не следует унывать ни в какой ситуации, даже если кто-то, как мытарь, грешен во всем, потому что Господь Милосердный найдет для него путь покаяния и спасения! Нам нужно помнить, что Господь хочет от нас покаяния для того, чтобы мы очистились и возрадовались, и если нет этих плодов покаяния, то такое покаяние вызывает вопрос: а может быть, это просто форма мазохизма или садизма, желание обличать себя или других во всем, потому что это доставляет нам или кому-то еще удовольствие? Ведь сейчас мы так хорошо знаем, что стоит за этими тяжелыми комплексами человеческой психики... Начиная готовить себя к Посту с Недели о мытаре и фарисее, мы думаем о том, как избежать соблазна фарисейства в нашей православной вере и жизни, но мы думаем и о том, как научиться «глаголам смиренным», которые смог найти даже столь грешный человек, как тот мытарь из притчи.

Еще сегодня мы слышали отрывок из 20-й главы книги Исход, в которой говорится об одном из самых главных моментов ветхозаветной истории. Бог учит Свой народ десяти заповедям, выделяя из множества, из сотен правд, данных свыше, десять основных. Бог учит Свой народ прежде всего им, потому что если не будут исполнены эти десять заповедей, то не будет и народа Божьего как такового: если народ Божий не вместит хотя бы этого, он не будет достоин называться Церковью — ни ветхозаветной, ни новозаветной, никакой. Потому что человек, нарушающий эти заповеди, начинает внутренне разлагаться и разлагать других.

Если человек забудет о едином Боге, если он подвергнется соблазну идолопоклонства, если он потеряет благоговение пред именем Божиим, если он не сможет уделять времени, сил и средств для служения Богу здесь на земле, если он не будет почитать благочестия прежних поколений и прежних святых, своей духовной родины, если он начнет убивать, не ценя даров Божьих, данных другим людям, или прелюбодействовать, предавая любовь, которая всегда —

дар свыше, если он начнет красть, заботясь лишь о себе и своем и не думая ни о ком другом, не умея поставить нужные границы своим похотям, если он начнет лжесвидетельствовать на ближнего, если он начнет даже лишь желать всего этого, то этот народ — еще или уже не народ Божий.

Мы с вами хорошо знаем из нашей русской истории и современности, к чему приводит нарушение десяти заповедей, которое сейчас стало повальным. Мы должны осознать это, ведь мы тоже подвергаемся агрессии зла. Когда наши соседи, а иногда и наши дети, родные, близкие, друзья, знакомые оказываются грешны в этих грехах, мы должны трезво понимать, что мы сами подвергаемся большой опасности, потому что человек так устроен, что он не может жить лишь своими внутренними установками, убеждениями и принципами, он всегда смотрит на свое окружение, он всегда зависим от среды, в которой живет. И если эта среда порочная, человек может не устоять в любви и Божьей правде и потерять свое христианское призвание и звание. Мы должны очень хорошо понять, что все, что касается десяти заповедей, — это не частное дело людей, это не вопрос того, как устроится личная жизнь того или другого человека, как нам это долго внушали и, увы, внушили. Это не только вопрос частной или семейной жизни, или личного благочестия, т.е. вопрос интимный, это самый главный и общий вопрос: может ли существовать Церковь Божия, если концентрация греха в обществе и верующем народе превосходит всякую меру? Мы знаем из Священного писания, что бывало так, что лишь кто-то один оставался верным Богу. Но так бывало и позже в Новом Завете. Не случайно св. Василий Великий говорил: «Кто не со мной, тот не с истиной!» Он говорил это от безысходности, не потому, что хотел себя утвердить, а потому, что ему в его христианском звании было одиноко. Мы же часто еще недооцениваем нужды в покаянии всего народа и, значит, каждого из нас.

Мы с вами, все здесь присутствующие, включая даже оглашаемых, уже, наверное, покаяться в своих личных, индивидуальных грехах, действительно интимных грехах, но мы очень редко находили в себе силу для покаяния в грехах народных. Мы продолжаем сваливать на других страшные грехи нашего народа. Да, грехи народа нашего страшны! Один XX век чего стоит, а ведь народ наш живет не один век, и этот черный шлейф грехов и пороков тянется за нами уже столетиями! Нам известна не только история святости и Святой Руси, нам известна и другая сторона медали, которая заставляет нас скорее молчать, когда находятся люди, слишком часто упоминающие о святости Руси!

Нам нужно освободиться от фарисейского духа, проявляющегося тогда, когда мы не видим своих грехов и страшных язв, а все смотрим вокруг, на кого бы показать пальцем и сказать: «Я не такой, как он или она, или они!»

Наверное, самые счастливые — люди, которые проходят путь оглашения, потому что они как раз похожи на тех, которые принимали манну с небес, но которые сами почти не трудились, — ведь их труды малы, незначительны. Им дается манна благодати даром, они играют этим светом, этой радостью и, наверное, правильно делают: если уж тебе дается манна свыше, то бери ее и ешь! Питайся ею и веселись, и радуйся, но знай, что придет день, когда манна падать перестанет, и тебе самому придется добывать хлеб, может быть, лишь небольшое время в начале еще пользуясь той пищей, которую скопили для тебя или вместо тебя другие. И если ты не будешь готов к этому духовному труду на протяжении всей своей земной жизни, то умрешь, снова умрешь от духовного голода.

Слово Божие учит не только оглашаемых, но и всех нас, когда говорит о том, что весь народ Израильский у горы Синайской «видел гром и пламя и звук трубный и гору дымящуюся. И увидев то, весь народ отступил и стал вдали», потому что исполнился страха Божьего и благоговения. И вот, Писание нас учит тому, как жить дальше. Тогда, на Синае, люди сказали

Моисею: «Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть». Они согласились слушать людей от Бога и слушаться их. Они поняли, как много еще нужно потрудиться, чтобы быть рядом с Богом или жить в Боге, и если восхитить себе этот дар без подготовки, то можно сорваться и умереть. Тогда в древности Моисей сказал народу: «Не бойтесь». И сейчас мы говорим это всем, проходящим к Богу: «Не бойтесь!» Если вы будете бояться так, как вы боялись прежде, — всего и всех, — то вы так же умрете, вы так же лишитесь духа и жизни. Не бойтесь, идите вперед, как бы вас ни пугали обстоятельства, болезни, семейные условия, недостаток средств к существованию, здоровье, условия жизни, труда на работе и жизни в обществе. Не бойтесь ничего и никого! «Бог к вам пришел, дабы испытать вас и дабы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили». И мы также должны сказать себе и друг другу, и особенно — проходящим к Богу: «Вы пришли к Богу, но более вас и первее вас Бог к вам пришел, чтобы испытать вас». Испытание, в переводе на древний язык, — это искушение, которое дается для того, чтобы вы стали искусными в жизни, потому что прежде не были таковыми, и чтобы страх Божий был пред лицом вашим, дабы вы не грешили. Потеряете страх Божий — и снова соблазн греха постепенно смутит вас, и узлы греховные поработят вас.

Итак, с одной стороны, не бойтесь ничего внешнего в этом мире, никаких препятствий на духовном пути, с другой же стороны — бойтесь Бога, чтобы не грешить!

«И стоял весь народ вдаль», послушав Моисея, «а Моисей вступил во мрак, где Бог», — т.е. он пошел дальше своей дорогой, согласно своему призванию, призванию пророка. Моисей вступил туда, где была возможность богообщения, для чего нужно было пройти сквозь мрак, который тоже есть искушение. Людям ведь трудно проходить сквозь мрак даже к свету, даже когда они точно знают, что найдут в конце мрачного тоннеля свет. Человек, неся в себе древние, еще зоологические корни, зоологически боится мрака. Он бежит от него так же, как бегут животные. Помните, как ведут себя, например, птицы при затмении солнца?

Моисей пошел дальше, но он научил народ благоговению, смирению, послушанию и тому пути, который избавляет людей от греха!

Вот, дорогие братья и сестры, будем же стараться жить в соответствии со своим призванием, с одной стороны, избавляясь от своих грехов и грехов своих предков и, может быть, еще не нашедших Бога современников, с другой же стороны, — живя в поисках света, будучи готовыми идти к этому свету даже через мрак, мрак непонимания, мрак гонений, мрак богооставленности. Пусть никто из нас не отступит в сердце своем от своего христианского призвания, пусть никто из нас не усомнится в том, что Бог — Спаситель и Защитник наш во всех обстоятельствах. Пусть каждый знает, что траектория его пути — вперед и вверх, подобно Моисею, но что в условиях мира сего это еще означает способность спуститься вниз, в самые низины этого мира, прийти к больным, нищим, бедным, страждущим, к тем, кто подобно мытарю ничего не находя в себе доброго, может лишь взывать в надежде на благодать Божию.

Аминь.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Мой путь к Богу и в Церковь

Н.«А ЛЮБОВЬ — БОЛЬШЕ...»

Написать о Любви я давно мечтала, но не об обыкновенной любви, которая называется земной и которая бывает очень разная: любовь к дому, любовь к детям (материнская), любовь к искусству, любовь к деньгам (богатству), любовь к своей работе, любовь к природе... Очень много любви. И вся эта любовь может сгореть, не остаться в сердце, перейти из одной в другую: сегодня ты любишь одно, а через некоторое время — другое.

Я желаю написать не о земной любви, а о Той, которая выше и больше всего на свете, которая не сгорает в наших сердцах даже тогда, когда мы умрем: Она остается вместе с душой. И чем больше этой Любви в душе, тем душа чище и светлее. Да, я пишу о Христовой Любви, но ее не каждый может понять. Эту Любовь надо испытать, почувствовать всем своим сердцем. Я еще младенец во Христе, и почувствовала эту Любовь своим младенческим сердцем, а оказывается, я давно знала и слышала о Ней.

Да, да, еще маленькой девочкой, еще школьницей. Тогда была еще жива моя бабушка, она часто брала меня к себе, а когда я выросла — сама ходила к ней. Бабушка мне всегда говорила о Боге, о Его Сыне Иисусе Христе, мы вместе читали Евангелие и другие книги. Я всегда удивлялась бабушкиной памяти, как она могла знать, на какой странице находится тот или иной отрывок из Евангелия, и даже прочесть этот отрывок наизусть. И все время она говорила мне о Любви. «Надя, надо любить, но свою Любовь не показывать на вид, а любить всем сердцем, т.е. откладывать свою Любовь в сердце своем...», — учила меня бабушка. Я тогда много не понимала, да и не задумывалась о том.

А спустя много лет, когда сама почувствовала, испытала на себе такую Божию благодать, Самое Его Любовь в своем сердце, вот тут-то я вспомнила и свою бабушку, и то, о чем она говорила мне не один раз. А говорила мне она о Христовой Любви, о Самой большой Любви на Свете. Какая Эта Любовь чистая и неугасимая! Ради Нее можно и нужно перенести страдания и терпеть все невзгоды в жизни, какие только появляются на нашем пути. Но чтобы приобрести такую любовь, надо быть готовым на разные испытания, болезни и иметь огромное смирение.

Бог любит смиренных сердцем, их Он не оставит без Своего внимания, — Он все время будет пасти людей из Своего стада, пасти и наказывать, исправляя их пути.

Надо покаяться в своих грехах, потому что грехи и большая Любовь — несовместимы: там, где грехи, не может быть и настоящей Христовой Любви. Чем раньше мы покаемся, тем чище и светлее будет наше сердце, тем оно будет свободнее для Любви, которая займет место, оставленное грехами, прощенными Богом. А для этого надо видеть свои грехи и стараться больше не совершать их. Не только видеть, но и искренне раскаяться, а Христос, как Добрый пастырь, как Сама Любовь, простит нас. Все зависит от нас самих, от того, каково наше сердце и с какими мыслями и желаниями мы идем к покаянию.

Если человек познал, что такое Христова Любовь, он должен много терпеть и страдать любя, прощать и смиряться. И другим людям помогать делать то же, а не идти путями широкими, пышными, с мыслью: «Это только мое и только мне». А в этом поможет нам Большая Любовь — Христос. Она и утешит нас во всем печальном и грустном, будет помощницей нам в наших добрых делах, которые мы совершаем, будет радоваться вместе с нами, что у нас с Ней появилось много единомышленников, что мы не одни. Она будет нас охранять от всего темного и страшного. И все невзгоды и печали обойдут нас стороной.

Сердца наши будут жить, потому что в них — Христова Любовь, которая пронизывает их.

Сердца будут стучать любовью к Богу и к ближнему, а это является одним из главных, первых законов.

Со Христом в сердце на все смотришь по-другому, душа наша просвещается, все кругом становится светлым, легким, прозрачным. Ко всем окружающим чувствуешь дружеское расположение и Любовь, даже самих врагов любишь и охотно прощаешь, и мщения сами собой отпадают.

Как хорошо, что с нами Христос — Большая Любовь!

Поблагодарим Бога за то, что Он послал Своего Сына на землю, чтобы спасти нас, грешных, и даровать нам Свою Любовь!

Аминь.

С.П.«Я УЗНАЛА О НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ И ГЛАВНОЕ — ПРОСТИЛА ВСЕХ»

Я росла в атеистической семье. В своем детстве помню много антирелигиозной пропаганды: в поликлинике — страшные плакаты о вреде крещения для детей (якобы много болезнетворных микробов в святой воде), фильмы, высмеивающие службы. До подросткового возраста я как будто была в плену тьмы: постоянные ночные кошмары с привидениями, страх перед церковью, потому что звон колоколов, черная одежда ассоциировались со смертью, с похоронами. В старших классах, изучив историю развития мира по учебникам, убеждала свою верующую бабушку, что Бога нет. Мама на это сказала мне: «Когда ты вырастешь, сама во всем разберешься, все поймешь».

Однажды для меня свершилось чудо: гостя у бабушки в Загорске, в трапезной церкви Лавры я услышала хор, который все перевернул в душе. С этого момента исчез страх и начался мой долгий, сложный путь к Богу. К сожалению, рядом со мной не было людей верующих, которые помогли бы понять, ответить на многие вопросы. Все происходило «по наитию»: приходи в церковь, решение креститься в 20 лет, венчание с мужем. Мне хотелось быть ближе к Богу. В то же время церковь, люди, которые находились в ней постоянно, службы — все было как незнакомая, иная жизнь. Многие оставались непонятным. К своему стыду, я не знала даже об исповеди. В течение пяти лет жила размеренной жизнью: заходила иногда в церковь, но так и не имела представления, как должен жить христианин.

Когда после рождения второго сына муж серьезно увлекся другой женщиной и ушел из семьи, весь мир для меня рухнул. Я сама себя толкала в пропасть: дикая обида, боль, злость, отчаяние и мольба у Бога о мести для мужа и этой женщины. Все новые грехи уводили меня с истинного пути: поиск замены мужу; огромное желание, как навязчивая идея, узнать будущее, которое привело к гадалкам и гаданиям. С другой стороны, я чувствовала силу, которая защищала меня: неожиданно для себя во все церковные праздники ноги сами приводили меня в церковь, на службу, хотя я ничего не знала об этих днях. Во мне как будто бы боролись два человека: злой, тянущий вниз, в пропасть, и добрый, зовущий к Богу. Я благодарна Богу за то, что он послал мне двух людей, сумевших остановить меня. Подруга, прошедшая оглашение, и друг находили время выслушать, посоветовать, поговорить. Мне вдруг стало страшно за своих детей, родителей, родных, что мои грехи падут на них. Но я чувствовала, что пока не изменю свою жизнь, не смогу пойти на оглашение. Только через два года, отстояв с подругами на Пасху всю ночную службу, увидев просветленные лица людей, любовь, свет от их лиц, я решила пойти на огласительные встречи. За год оглашения моя жизнь во многом изменилась: появился смысл

жизни, нет желания знать свое будущее, меня окружают добрые, хорошие люди, я много узнала о настоящей жизни, а главное — я простила всех, кто серьезно обижал меня, и раскаиваюсь во зле, которое причинила людям.

Я знаю, что только в самом начале Пути, и об одном буду молить Бога: чтобы Он не оставлял меня, был со мной рядом, помогал преодолевать все препятствия на пути к Нему.

: Павел Гаврилюк. Рецензия на книгу свящ. Георгия Кочеткова «Идите, научите все народы. Катехизис для катехизаторов»

Миссионерство и катехизация

Пункт патриаршего Указа, касающийся создания богословской комиссии, которая должна засвидетельствовать, что «публикуемые о. Георгием Кочетковым богословские труды не противоречат православному святоотеческому учению и не нарушают традиций Русской Православной Церкви», уже вызвал самую оживленную реакцию в СМИ, Интернете и т.п. К сожалению, в большинстве случаев эта реакция выразилась в срочном поиске в опубликованных о. Георгием катехизисах неких «ересей», чтобы «облегчить» работу комиссии. Что же это за «ереси»? Например (что весьма характерно для сегодняшнего уровня богословской мысли в фундаменталистских кругах Русской церкви), наибольшему обсуждению (и осуждению) подверглось то место из Катехизиса для катехизаторов, где о. Георгий пишет, что в сотворении жены «из ребра» человека, описанном во второй главе книги Бытия, можно видеть «любственное соитие Адама с женской особью, в чем-то себе подобной («человекообразной») призванной стать при этом человеком — «женой»». Почему-то «любственное соитие» было под общее улюлюканье признано «вопиющим кощунством», что показало, что наши «защитники православия», мягко говоря, не утруждают себя чтением святых отцов (а такую трактовку можно найти, например, в неоднократно в последнее время переиздававшемся в России «Пире десяти дев» св. Мефодия Олимпийского, или Патарского). Что же касается согласного заявления: «Мы знаем только один род «человекообразных»», то оно лишь обличает, что его авторы не читали даже беседу прп. Серафима Саровского с Мотовиловым...

Все это вызывает тем большее сожаление, что подобное «обсуждение», обличающее лишь злонамеренность и невежество его участников, направлено только на то, чтобы «с чистой совестью» закрыть те насущные вопросы миссии и катехизации, которые поставлены о. Георгием и его общиной. Более того, это «обсуждение» мешает обсудить те места катехизисов о. Георгия, как и принципы выработанной им системы оглашения в целом, которые действительно содержат в себе новые по отношению к исторической традиции катехизации моменты, а потому нуждаются в церковной рецепции.

В качестве примера такого трезвого и компетентного обсуждения мы и предлагаем вниманию нашего читателя рецензию на Катехизис для катехизаторов специалиста по истории катехизации профессора Павла Гаврилюка (Американская православная церковь).

Павел Гаврилюк

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СВЯЩ. ГЕОРГИЯ КОЧЕТКОВА «ИДИТЕ, НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ. КАТЕХИЗИС ДЛЯ КАТЕХИЗАТОРОВ» .

Катехизис священника Георгия Кочеткова «Идите, научите все народы» открывает новую и совершенно оригинальную страницу в отечественной богословской литературе. С одной стороны, с первых же страниц ясно, что перед нами не богословская азбука, составленная в жанре безнадежно устаревшего «Закона Божия». С другой стороны, книга не предполагает значительных богословских познаний у читателя и рассчитана на широкие слои мирян, не имеющих доступа к академическому образованию. Как о том свидетельствует само название, книга предназначена в первую очередь для катехизаторов.

Уже само по себе это обстоятельство весьма необычно, так как, насколько мне известно, специально для катехизаторов, т.е. тех, кто проводит огласительные занятия со взрослыми, у нас в России никто учебников не писал. В святоотеческой практике прямые аналоги пособию для катехизаторов также найти не просто. На память приходит только один пример, а именно письмо бл. Августина «Об оглашении необученных» (*De catechizandis rudibus*), в котором святой дает диакону, катехизатору одной из церквей Карфагена, подробные советы о том, как проводить огласительные беседы с язычниками, которые попали в храм впервые.

Следует сразу оговориться, что катехизис о. Георгия предназначен для проводящих второй этап оглашения, заканчивающийся для «просвещаемых» принятием крещения (с. 11). В своей огласительной практике о. Георгий следует трехэтапной системе оглашения, окончательно сформировавшейся в древней церкви к началу IV века. Следует отметить, что о. Георгий заимствовал древнюю систему отнюдь не механически, но творчески ее переосмыслил и ввел в нее одно существенное изменение. Согласно дошедшим до нас катехизисам св. Кирилла Иерусалимского, Феодора Мопсуэстийского и бл. Августина, на втором этапе катехизации «просвещаемые» должны были весьма досконально изучить церковную догматику. Катехизис нередко представлял собою подробный комментарий на Символ веры, с которым оглашаемые знакомились в течение нескольких недель перед крещением. Третий этап катехизации, длившийся не более недели после крещения, был посвящен по преимуществу объяснению смысла таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии и связанных с ними церковных обрядов, от чего этот этап и получил название «тайноводственного», или «мистагогического».

В системе о. Георгия термин «таинство» используется в расширенном значении, включающем в себя как главные церковные обряды, так и догматы¹. В связи с этим второй этап оглашения о. Георгий отводит для изучения Священной истории и лишь предварительного знакомства с догматами Церкви, тогда как третий этап, — по его терминологии «тайноводственный», — должен быть посвящен как традиционному изучению таинств в обычном смысле слова, так и нетрадиционному для этого этапа объяснению догматов (с. 6). Подобное деление, как мне кажется, может привести к постепенному стиранию рамок между вторым и третьим этапами оглашения. Время и последующий опыт покажут, насколько оправдано столь значительное увеличение третьего этапа оглашения по продолжительности и содержанию.

«Катехизис для катехизаторов» является плодом непосредственного опыта работы с людьми, ищущими Христа в сегодняшней Православной церкви. В книге хорошо прощупывается духовный пульс современного мыслящего человека, с его сомнениями и вопросами. Автор нередко вполне сознательно прибегает к языку разговорному (напр., рекомендация: «Главное в этой теме — не увязнуть в деталях, особенно естественнонаучных», с. 59) — прием, несомненно оживляющий изложение.

Книга разделена на шестнадцать глав, или тем. Помимо традиционных тем катехизиса, затрагивающих Священную историю, Декалог и Нагорную проповедь, читатель найдет также

рассуждения о природе Божественного откровения (тема 2), о Священном Писании и Предании (тема 4), о богослужении (тема 10), о жизни в Церкви крещеного христианина (тема 16), об отношении церкви и государства (тема 14), а также об отношении Православия к другим христианским конфессиям (тема 14), основным религиям и сектам (тема 12). Отметим, что и традиционные темы обсуждаются с нетрадиционной остротой. Так, например, приложение к третьей теме, «Сотворение человека», содержит ряд научных сведений к обсуждению вопроса о том, «в чем библейско-христианское учение о жизни и человеке совпадает и чем отличается от современных биологических и антропологических научных теорий и нехристианских представлений» (с. 104—105). «Катехизис для катехизаторов» приглашает к диалогу между христианской антропологией и популярными научными и религиозными представлениями о человеке.

С дидактической точки зрения особенно удачным следует признать раздел «Рекомендации катехизатору». В этих рекомендациях автор суммирует содержание данной главы, что позволяет катехизатору выделить главное и правильно расставить акценты в своем изложении материала. Так, представляется весьма оригинальной и говорящей сердцу каждого человека рекомендация, которую автор приводит в конце шестой темы, посвященной, в частности, Десяти заповедям Моисея: «В дополнение к Декалогу можно попросить каждого [катехумена] написать свои личные, перед Богом и от Бога, «десять заповедей» (число их может быть больше или меньше, но в среднем около десяти), т.е. «добавить» к ветхому закону еще то в этической сфере отношений к Богу, миру, обществу, себе и ближним, что требует срочного разрешения в индивидуальном порядке» (с. 220). Естественно, автор отнюдь не преуменьшает моральное значение Десяти заповедей Моисея, которые перед этим катехумены должны выучить на память. Составление «личных десяти заповедей» отнюдь не заслоняет собою Декалог, но наоборот, способствует более конкретному и сознательному выполнению заповедей библейских.

На центральных темах катехизиса автор останавливается подробно, нередко цитируя значительные части из Библии, а также прибегая к толкованию отдельных глав Священного писания, стих за стихом, как это обыкновенно делается в библейских комментариях. Здесь возникает методологический вопрос: насколько оправдано в катехизисе изложение Страстей Господних в виде комментария на Евангелия от Луки и Матфея, без систематического сопоставления их с Евангелиями от Марка и Иоанна? Разделение земного служения Иисуса на три этапа, к которому прибегает автор, допустимо, хотя и несколько искусственно. Очевидно, что и «подготовительный», и «благовестнический» этапы были также «искупительно-спасительными» (как у автора называется третий этап), ибо искупительным и спасительным было Боговоплощение в целом, а не только последние несколько недель пребывания Спасителя на земле.

Более условным и произвольным является не деление на этапы, а изложение первого этапа преимущественно по Евангелию от Марка, второго — по Евангелию от Матфея, а третьего — по Евангелию от Луки. С чем связана подобная избирательность? Изложение материала стало бы более полным и сбалансированным, если бы катехизаторы пользовались изданием, в котором тексты четырех Евангелий разбиты тематически и расположены параллельно друг другу.

То обстоятельство, что Евангелие от Иоанна практически полностью исключено из обсуждения и никак не комментируется, также требует объяснений. Автор называет Евангелие от Иоанна «гностическим» (с. 279) и «христианско-гностическим» (с. 385) и относит его к тому же «типу новозаветной письменности», к которому он причисляет апокрифические евангелия от Фомы, Египтян, Филиппа, Иуды и т.д. Отметим, что классификация Евангелия от Иоанна как гностического спорна и не поддерживается большинством современных библеистов на том

основании, что в четвертом Евангелии и в корпусе Иоанновых посланий есть следы анти-гностической и анти-докетической полемики (Ин 1:14; 1 Ин 1:1,5; 4:2). Здесь не место обсуждать различия (условные и темные) между дохристианским, иудейским, еретическим гностицизмом и гностическими тенденциями у некоторых святых отцов. Более существенно то, что тайноводство как этап катехизации² у святых отцов ничего общего не имело с гностицизмом или христианском гнозисом. Повторю, что на тайноводственном этапе новокрещеным объясняли смысл таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии и связанных с ними обрядов. Раздельное изучение синоптиков на одном этапе катехизации, а Евангелия от Иоанна, как «гностического», на последующем этапе, не встречается ни в одном из дошедших до нас святоотеческих катехизисов. Насколько мне известно, не знает подобного деления и вся последующая история катехизации. Как я уже упомянул, столь значительное нововведение нуждается в подробном разъяснении с канонической, богословской и дидактической точек зрения. Также желательно, чтобы все ссылки на святых отцов и практику древней церкви были кратко документированы в сносках.

Весь материал книги построен в той последовательности, в какой проходят огласительные занятия в Свято-Филаретовской высшей православной школе. В этом вопросе автор более следует личному катехизическому опыту, нежели традиции. Обыкновенно такие темы, как природа Божественного откровения (тема 2) и отношение Священного Писания к Священному Преданию (тема 4), принято выносить в начало учебников по догматике, так как они относятся к вопросам о богословском методе. Излагая темы 1, 3, 5—9, 11, 13, 14 и 15, автор в целом придерживается традиционной последовательности изложения Священной истории. В связи с этим изложение было бы более непрерывным, если бы эти темы следовали друг за другом и завершались обсуждением богослужения и таинств (тема 10). Что же касается вопросов апологетических, таких, например, как отношение Православия к другим конфессиям (тема 14) и отношение христианства к другим религиям (тема 12), то их было бы уместно поместить после изложения Священной истории. Каждый катехизатор должен будет решить для себя сам, излагать ли ему материал в той последовательности, которую предлагает автор, или модифицировать ее, согласно более традиционному варианту.

В заключение отмечу, что «Катехизис для катехизаторов» является во многом уникальным опытом построения огласительных занятий для взрослых в постсоветской России. Книга полна находок, как богословских, так и дидактических, которые помогут сегодняшним катехизаторам раскрыть перед «просвещаемыми» новый и непривычный мир библейского откровения и распахнуть перед катехуменами врата церковной жизни.

* Проф. Павел Гаврилюк, магистр богословия

Perkins School of Theology

Southern Methodist University

Dallas, USA.

[1] См. свящ. Георгий Кочетков. «Таинственное введение в православную катехетику». С. 97. Латинское слово *sacramentum* встречается у свв. отцов Западной церкви в широком смысле

церковного обряда вообще и даже в применении к Символу веры и Молитве Господней. Так, например, у бл. Августина находим выражения *sacramentum salis*, *sacramentum catechumenorum*, *sacramentum symboli* (Проповеди 228.3). В Средние века в целях большей ясности термин «тайнство» стали использовать исключительно в узком значении семи главных церковных обрядов (точное число которых является предметом споров между различными конфессиями).

2 Термин «тайноводство» может употребляться и вне контекста катехизации, как, например, у Максима Исповедника. Но и в этом случае, то обстоятельство, что «тайноводство» связано с христианским гнозисом, далеко не очевидно. Общие ссылки на церковные авторитеты, которые автор приводит на с. 111 «Тайнственного введения в православную катехетику», нуждаются в подкреплении конкретными цитатами.

: Семен Зайденберг. Церковь без епископа и епископ без церкви. События в Санкт-Петербурге: вместо послесловия

Богословие и философия

Как уже сообщали средства массовой информации¹, в Вербное воскресенье с.г. в Санкт-Петербургской духовной академии произошел беспрецедентный случай. Ректор Академии еп. Тихвинский Константин в нарушение Устава духовных школ, по которому кандидат на рукоположение хиротонисует епископом не раньше, чем его кандидатура будет утверждена Воспитательским совещанием Академии, совершил обряд ранее отложенной Воспитательским совещанием хиротонии иерод. Игнатия (Тарасова), студента III курса Академии и помощника проректора по воспитательной работе, во пресвитеры.

Хиротония была отложена в связи с тем, что, по мнению многих студентов и преподавателей, нравственные качества иерод. Игнатия делают ее канонически невозможной. Когда накануне стало известно, что хиротония все-таки состоится, епископ был предупрежден о растущем недовольстве студентов, о их несогласии с хиротонией вследствие имеющихся препятствий к рукоположению в священный сан и о том, какую реакцию может вызвать эта хиротония. Была высказана просьба об отложении хиротонии и проведении расследования относительно нравственных проступков иерод. Игнатия (Тарасова) и превышения им своих должностных полномочий.

Тем не менее, еп. Константин принял решение совершать хиротонию. После возгласа «Повелите!» студенты стали возглашать «Анаксиос!» (недостойн). «Аксиос!» (достойн) пели только находящиеся в алтаре и несколько человек из хора. Епископ приостановил хиротонию и, выйдя на амвон, заявил: «Я не Понтий Пилат, чтобы слушать толпу. Что намечено, то будет исполнено!».

Таким образом, под возгласы «Анаксиос!» обряд был завершен.

Впоследствии еп. Константин назвал поведение студентов «обычным бурсацким хулиганством», а преподаватель Академии дьякон Александр Мусин, подозреваемый в том, что именно он научил студентов петь «Анаксиос!», и студент 3 курса Андрей Пинчук были

исключены из Академии.

Семен Зайденберг

ЦЕРКОВЬ БЕЗ ЕПИСКОПА И ЕПИСКОП БЕЗ ЦЕРКВИ

События в Санкт-Петербурге: вместо послесловия

Происшедшее в Санкт-Петербургской духовной академии вызывает справедливое возмущение. Однако нельзя воспринимать его просто как еще один произвол администрации и очередное пренебрежение голосом церковного народа. Все случившееся обнажает серьезнейшие эkkлезиологические сдвиги в нашей церкви и ставит перед ней вопросы, без скорейшего разрешения которых мы рискуем оказаться перед лицом кризиса еще более глубокого, нежели кризис последних лет, проявившийся в известных событиях в Москве, Пскове, Херсоне, Томске, Екатеринбурге и даже Алма-Ате. Все те проблемы эkkлезиологии, каноники и сакраментологии, которым в последнее время уделял большое внимание наш журнал, сходятся в этой единственной точке. В результате под сомнение попадает сама действительность совершающихся в нашей церкви таинств, а это уже всерьез ставит ее на грань раскола.

В самом деле, студенты и их сторонники приводят каноны, согласно которым подобное рукоположение, совершившееся без свидетельства народа, и даже более того — вопреки ему, не может считаться действительным; об этом же свидетельствует и сам чин рукоположения. Более того, каноны также утверждают, что епископ, рукоположивший без должного исследования ставленника, на которого поступила жалоба, должен быть извержен. В этом отношении реакция епархиального руководства поражает своей антиканоничностью и жесткостью. Но был ли у него другой выход? Попробуем представить себе, что какой-нибудь из канонов этого ряда был бы применен сейчас на практике. В этом случае рукоположение было бы признано недействительным, а еп. Константин — извержен. Это, особенно последнее, маловероятно, т.к. означало бы революцию в отношениях епископата и мирян: даже самые дерзновенные люди не предполагали такого исхода дела. Представим себе, что до этого бы не дошло, и после возгласения «Анаксиос!» хиротония была бы остановлена и расследование начато. Это значило бы, что в нашей церкви в ближайшее время не состоялось бы ни одной нормальной хиротонии, т.к. в сегодняшних условиях разделения церкви на противоборствующие и часто непримиримые группировки практически невозможно было бы прийти к согласию относительно многих и многих кандидатов на рукоположение. Можно было бы даже ходить на хиротонии оппонентов большими группами и возглашать там «Анаксиос!» В этом случае церковь превратилась бы в бесчисленное количество комиссий, месяцами исследующих нравственность и чистоту веры ставленников. В результате (согласно канонам) или ставленники были бы отвергаемы, или миряне в грандиозных количествах отлучаемы (т.к. каноны, ревнующие о том, чтобы в церкви не было никаких интриг, заговоров и оговоров, предполагают соответствующую ответственность жалобщиков). Какую демонстрацию могло бы устроить, например, общество «Радонеж» при рукоположении одного из бывших алтарников о. Георгия Кочеткова («Радонеж» уже прославился организацией хулиганства в храмах), или наоборот — сколько членов его общины пришло бы возглашать «Анаксиос!», если, не дай Бог, дошло бы дело до возведения в епископскую степень архим. Тихона (Шевкунова)? Другими словами, в церковной жизни наступил бы тяжелейший кризис.

Очевидно, что каноны принимались не с целью создавать в церкви кризисы. Так может быть, раз большинство древних канонов не работает, вообще отбросить их за ненужностью?

Чтобы понять, почему каноны, направленные на нормализацию жизни церкви, могут работать против нее, и что в этом случае делать, надо понять, о чем говорят нам эти древние каноны, что они защищают.

Таинства, совершающиеся Богом по молитве Церкви, совершаются Им в Церкви и для Церкви. Особенно это, естественно, касается таинства Служения самой Церкви, таинства Священства: «Священство совершается в Церкви и для Церкви», — пишет о. Николай Афанасьев в опубликованной выше статье, делая существенное, как мы сейчас увидим, уточнение: «т.е. в местной церкви». Соответственно, практически все церковные каноны на эту тему обеспокоены защитой именно этой реальности. Каким образом?

О. Николай Афанасьев писал², что всякое церковное литургическое таинство необходимо должно включать в себя три момента. 1. Откровение воли Божьей. В таинстве Хиротонии оно канонически (первоначально) происходит через избрание ставленника местной церковью. Такое откровение воли Божьей может действительно совершиться через избрание местной церковью только в том случае, если она является, по выражению о. Николая, «манифестацией Церкви Божьей». Это и значит, что таинство совершается для Церкви. 2. Собственно таинстводействие. Оно начинается с того, что вся местная церковь свидетельствует («повелевает») о своем избрании возгласом «Аксиос» (достоин), а предстоятель свидетельствует, что это не просто человеческий выбор: «Божественная благодать... проручествует...». После чего он призывает народ к молитве за ставленника. Таким образом, таинство совершается в Церкви. 3. Наконец, в древней церкви был еще и момент рецепции Церковью совершившегося таинства. Каждый член церкви давал ему целование мира, после чего он служил на Евхаристии в своем новом чине. Через это и происходило свидетельство того, что таинство действительно совершилось в Церкви и для Церкви: Церковь принимала новопоставленного клирика как своего служителя. В конечном счете именно этот момент в таинстве решающий, т.к. в принципе Церковь может свидетельствовать, что рукоположение совершилось в ней и для нее, даже если формально это было сделано и не по выбору местной церкви и не в ее собрании. Из истории мы знаем случаи рецепции тайных рукоположений. В конечном счете, молчаливая рецепция практически всех сегодняшних клириков РПЦ так или иначе состоялась: мы принимаем нашу иерархию, хотя часто ее поставление не выдерживает никакой канонической критики. Насколько такая рецепция по-настоящему церковна, это другой вопрос. В отношении же иерод. Игнатия (Тарасова) и такой рецепции у значительной части его местной церкви на сегодняшний день нет...

Если хоть одно из этих положений не соблюдается, таинство считается не совершившимся. Соответственно, в нормальном случае не может считаться совершившейся хиротония без избрания Церковью и молитвы Церкви. Например, по канонам, если в выборе ставленника участвует государственная власть (т.е. таинство совершается не для Церкви), или рукоположение совершается тайно (т.е. не в Церкви) и т.п., то таинство не может считаться совершившимся. Таким образом, согласно этим правилам, даже если канонический епископ формально верно совершит обряд хиротонии, таинство не считается совершившимся, если не соблюдены эти условия.

Повторим, наши древние каноны предполагают, что именно местная церковь (т.е. «народ, к которому избираемый имеет быти поставлен») и является манифестацией Церкви Божией — Единой, Святой, Соборной и Апостольской, и именно поэтому может и выбирать ставленника, и за него молиться, и о нем свидетельствовать. Теперь вернемся к печально известной петербургской истории.

Возникает вопрос: могут ли студенты и преподаватели какого-либо учебного заведения быть названными такой манифестацией Церкви? По букве канонов, скорее всего, — нет. Все эти

люди — или члены определенной корпорации, или студенты, находящиеся здесь временно. Мало того, и сам епископ находится здесь временно, как и, возможно, ставленник. То есть нельзя сказать, что рукоположение происходит в местной церкви и для нее, даже если все присутствующие согласны на него. Вообще же в строгом смысле слова сейчас местной (поместной) церковью может быть названа только вся епархия, а в самом строгом смысле слова — только вся Русская Православная Церковь.

Могут ли студенты представлять всех мирян Русской церкви? Очевидно, нет. Более того, если исходить из того представления о Церкви, которое стоит за буквой и духом древних канонов, то не только рукоположение Игнатия (Тарасова), но практически все (!) современные рукоположения неканоничны и, значит, недействительны. Ведь почти все они совершались без выбора и свидетельства «народа, к которому избираемый имеет быть поставлен», и без его участия, т.е., строго говоря, «тайно». И если подвергать сомнению действительность хиротонии Игнатия (Тарасова), как того требует буква приводимых канонов, из-за того, что некие люди спели ему «Анаксиос!», то надо подвергать сомнению и те хиротонии, на которых «Аксиос» пел не народ церкви, а обычно совершенно не знающий ставленника, да часто и неверующий хор. Сколько было в нашей церкви рукоположений, на которых практически никто из участников не знал ставленника?

Почему же наша церковь пришла к этому? Почему же в истории миряне были практически отстранены от участия в совершении этого важнейшего для внутренней жизни церкви таинства? Только ли из-за антиканонических действий «епископов-клерикалов»? Парадокс в том, что это отстранение было, как это ни странно, по духу (хотя, конечно, не по букве) каноничным, т.к. было призвано защитить таинство от профанации. Ведь со временем, после того, как во времена императора Константина произошло размывание границ Церкви и падение церковного сознания верных, стали возникать обоснованные сомнения: действительно ли Божья воля открывается через собрание мирян, которое действительно все больше и больше стало превращаться именно в толпу, на которую легко влияют разного рода околицерковные, внецерковные и даже просто антицерковные силы? Но от такой толпы таинство должно было быть защищено. Воля Божья стала открываться через тех людей, которые сохранили большую церковную ответственность, а это и был клир. В этом отношении поведение еп. Константина вполне понятно, т.к. собравшиеся в тот день в храме не были для него Церковью, а были именно толпой, почему с его точки зрения в его словах не было никакого оскорбления, — неужели никто из нас не видел в наших храмах именно толпу людей — ненаученных, легко подверженных влиянию духов и сил мира сего и обладающих церковной ответственностью в самой малой степени? Кто как не духовник ставленника может в такой ситуации свидетельствовать о его достоинстве? А он дал свое согласие на рукоположение, к тому же и находящиеся в алтаре пели «Аксиос!» Так в чем же дело?

Все бы ничего, но из такого положения епископа родилось целое богословие, утверждающее, что совершающий обряд таинства как бы «передает» ставленнику дары благодати (а не Бог дает их ему). Такие вещи, как откровение воли Божьей, молитва всей Церкви и, тем более, церковная рецепция, были прочно забыты. Народ и его молитва оказались здесь как бы и не нужны (как «не нужны» они и при преложении св. Даров во время Евхаристии). Таинство превращается уже не просто в онтологический, но почти в магический акт... Проблема остается лишь в том, что наша церковь сохранила свои древние чины, в которых зафиксировано совсем другое, более раннее понятие о совершении таинства. Но практически эта проблема почти никогда не вставала, т.к. не было того народа, который мог бы церковно заинтересованно и ответственно о совершении таинства свидетельствовать³. (Рассказывают, что в прежние времена в той же Академии во время рукоположений студенты и преподаватели пели себе под нос вместо «Аксиос! Аксиос! Аксиос!» (Достоин! Достоин! Достоин!) —

«Посмотрим... Посмотрим... Посмотрим...», — что было печальным, но по крайней мере честным признанием невозможности свидетельства.) Хор же послушно пел «Аксиос», символически изображая народ Божий... Настоящий ужас в том, что, судя по всему, еп. Константин был свято уверен, что именно он (а не Бог по молитве Церкви) совершает таинство («передает благодать»), и что согласие народа — лишь разрешение на совершение рукоположения, а не часть самого таинства, без которой оно может и не состояться, даже при верном совершении обряда, т.к. Бог в этом случае свободен слушать народ больше, чем епископа...

Теперь, беда в том, что после семидесяти лет рукоположений, согласованных не просто с государственной, а чаще всего с преступной и безбожной властью, многие епископы потеряли то внутреннее (и, по крайней мере по духу, каноническое) право выступать от лица Церкви, которое все-таки было у их предшественников (хотя в синодальное время и тут не все было чисто), именно поэтому и развивается сейчас как компенсация этого потерянного внутреннего права тот беспредельный внешний клерикализм, аналогов которому в Православной церкви, кажется, еще не было. Слова еп. Константина, брошенные студентам, пришедшим к нему после литургии: «Мне этот Тарасов не нужен! Впрочем, как и все вы», — прекрасно это показывают. Напротив, те, кто собрался в тот день в храме и кричал «Анаксиос!» Игнатию (Тарасову), судя по всему, толпой как раз не были, и их действия не были политикой или расправой с неудобным, но именно заботой о Церкви Христовой. Но, во-первых, практика давно на стороне епископа, а во-вторых, встает главный вопрос: на каких канонических основаниях мы можем сейчас отличить толпу от собрания церкви? Другими словами: кто может свидетельствовать о достоинстве или недостоинстве ставленника? Кто может возглашать ему «Аксиос!» или «Анаксиос!»? Все это вопросы, на которые канонического ответа сейчас нет. Рукоположение не может совершаться для Академии. Оно не может совершаться и для прихода: может ли сегодняшний приход, в котором часто даже неизвестно, кто его члены и что это значит — быть «манифестацией Церкви Божией», выбирать себе священнослужителей? Если же такой приход появится, то он должен быть признан местной церковью и во главе его должен стоять уже не пресвитер, а епископ, со всеми вытекающими последствиями... Если же оно совершается для всей епархии, то кто может представлять всех верующих этой епархии (еп. Константин получил же свидетельство духовника, что канонических препятствий для рукоположения нет)?...

Сложность момента в том, что вступили в противоречия две исторически оправданные эkkлезиологии, два видения Церкви. «Епископ в церкви и церковь в епископе», — гласит древний принцип. Повторяем, жизнь сложилась так, что реальным стало только второе, а подчас церковь и сводилась к епископу. И вот, двухтысячный год начался с того, что в Санкт-Петербурге неожиданно ожил призрак первого принципа как тень еще сохранявшегося в богослужбном чине. Как в древней сказке, если сейчас дать этому призраку выпить крови, то он грозит превратиться в принцип абсолютный и, в отместку за долгое унижение, уничтожить второй. Еще неизвестно, что хуже. Ап. Петр заповедует епископу не господствовать над церковью, и такой епископ — не епископ, но если церковь начинает господствовать над своим епископом, то также церковь ли это? Это не фантазии: в последнее время мы могли наблюдать в нашей церкви и те силы, которые успешно диктуют свою волю иерархии, и те страшные плоды, к которым это приводит. Возможно, чтобы предотвратить развитие этой тенденции, Поместный собор и заменен очередным Архиерейским. Мы наблюдаем страшную картину: епископы боятся мирянского движения, т.е. не считают свою церковь за церковь, а церковь, в свою очередь, хочет так или иначе освободиться от их подчас разрушительной власти, т.е. не считает их за своих епископов.

Очевидно, что на сегодняшний момент мы находимся в тупике. То, что произошло в

Петербурге, — лишь один по чьему-то неразумию вырвавшийся на поверхность язык того пламени, которое разгорается в недрах нашей церкви. Ветхие мехи уже не выдерживают молодого вина. Что из этого может выйти, мы хорошо знаем: пропадет и то, и другое⁴. Церковная жизнь может войти в страшный разворот. Уже сейчас мы находимся в тяжелейшем положении. Кто может ответить на вопрос: рукоположен ли во пресвитера иерод. Игнатий (Тарасов)? По мнению одних — да, по мнению других — нет. Церковь оказывается разделена в тех вопросах, в которых это недопустимо. Это, кстати говоря, еще одно положение, которое защищают каноны: если ты заявляешь, что ставленник недостоин, то извергнутым оказывается либо он, либо ты. Третьего не дано. (Скоро мы будем свидетелями канонизации Николая II, которое будет насилием над совестью большого числа церковных людей, и это будет еще одним разделением в тех вещах, в которых церковь разделяться не должна.) Если так будет продолжаться, этот внутренний раскол может, действительно, вылиться в очередной внешний, и наша церковь получит новую незаживающую рану. Нас может ожидать, как выход из невыносимого для церковной совести положения, либо «бессмысленный и беспощадный» церковный бунт, внешняя лишь «реформа», очередной этап секуляризации, после которого вопрос о границах Церкви будет просто неактуальным, либо, как это уже и происходит в жизни многих ближних стран, пришествие нового авторитаризма, который положит конец церковному беспределу нецерковными методами. Что хуже — неизвестно.

Что же делать? Канонически выход, как нам представляется, только один. Принять новый устав РПЦ, который по возможности учитывал бы все тенденции церковной жизни, достигая разумного и возможного на сегодняшний день компромисса между ними, и служил бы преодолению внутреннего разделения. Две части церкви должны не бороться за власть в церкви, в которой, как любил повторять о. Николай Афанасьев, нет иной власти, кроме власти Любви, а помочь друг другу стать самими собой⁵. Иерархия должна иметь дело не с неразумной и безответственной толпой и не с своекорыстной и агрессивной «мафией», а с народом Божиим, а для этого — поддержать стремление многих мирян стать подлинно таким народом, в ту меру, в которую это на сегодняшний день возможно. Народ Божий должен, в свою очередь, получить возможность выбирать свой клир, т.к. только через это он может обрести в церкви ответственность и поддержать иерархию в том добром, что она хочет делать. Если, как и в нашем случае, речь идет о дьяконах и пресвитерах, то это, как правило, приходское духовенство. Значит, приход должен получить право и возможность, конечно, совместно со своим епархиальным архиереем, выбирать себе клириков, а для этого он должен знать всех своих членов, ответственность которых, чтобы это было подлинно церковным действием, была бы ясно канонически определена.

Другими словами, жизнь опять показывает нам, что альтернативы возвращения к опыту и решениям Собора 1917—1918 гг., давшего пример такого «работающего» эклезиологического канонического компромисса, на сегодняшний день у нашей церкви нет. От того, все ли поймут это сейчас, зависит и ее и настоящее, и ее будущее.

[1] См. например, «НГ-религии» от 31.05.2000, 14.06.2000 и 28.06.2000.

2 См. Протопр. Николай Афанасьев. Таинства и тайнодействия // Православная община, 1999. № 54 (6). С. 64—84.

3 О различии аутентичного, т.е. отраженного в богослужебных чинах, понимания таинства Священства и поздних богословских спекуляций см. в статье Виктора Зайцева о книге Н.П. Аксакова «Предание Церкви и предания школы» // Православная община. 1999. № 50 (2). С. 60—76.

4 К сожалению, реакция на петербургскую историю уже дает основания для подобных опасений. Например, в статье «Уроки петербургской Академии» («НГ-религии» 28.06.2000. С. 3) свящ. Петр Исаков пишет: «Если мы хотим исправить ошибочные или греховные поступки тиранически настроенных (а отнюдь не всех) епископов, то должно делать это совершенно анонимно (чтобы не повредить себе) и максимально публично (чтобы добиться результата)... пока нам никто ничем не обязан, то и мы взаимно свободны от ненужной и опасной жертвенности». Комментарии излишни...

5 В работах современных православных богословов неоднократно говорилось о необходимости освобождения епископата от зависимости от спекулятивной богословской «онтологической системы сакрально-священного чина» и возвращения его в общинный и экзистенциальный контекст и о том, что для этого необходимы совместные усилия всей церкви. См. например, Никос Ниссиотис. Харизматический аспект священства епископа // Православная община. 1999. № 52. С. 34—62.

: Протопр. Николай Афанасьев. Учение о коллегиальности (со стороны православного)

Богословие и философия

Мы продолжаем публикацию материалов из архива о. Николая Афанасьева, любезно предоставленных нам его сыном А.Н. Афанасьевым. Предлагаемый сегодня вниманию нашего читателя доклад, разрабатывающий уже неоднократно поднимавшуюся на страницах нашего журнала тему происхождения и сущности епископского служения, относится к последним годам жизни этого замечательного богослова, когда он особенно пристально вглядывался в те сдвиги в еkkлезиологии в Католической церкви, которые проявились в ней в связи со Вторым Ватиканским собором. Но если предыдущие статьи, опубликованные на страницах «Православной общины», были написаны в преддверии этого собора, то настоящий доклад — уже по первым результатам его работы.

Как следует из его текстов, этот интерес о. Николая был двоякого рода. С одной стороны, видя и приветствуя в Католической церкви стремление к сближению с православной еkkлезиологией, он, тем не менее, считал своим долгом показать и все реальные трудности этого пути, которые католическая сторона часто не замечала и до сих пор часто не замечает. Эти трудности, по мнению о. Николая, проистекают из неразличения евхаристической и универсальной еkkлезиологий, а значит, — и канонических (юридических) и мистериальных (евхаристических) границ Церкви, а иногда — и их подмены.

С другой стороны, по мнению о. Николая, когда мы начинаем анализировать эти проблемы католической еkkлезиологии, мы лучше видим аналогичные проблемы еkkлезиологии православной, которые, в виду отсутствия у нас соборов, аналогичных Ватикану II, часто остаются от нас сокрытыми.

Парадокс заключается в том, что, как показывает о. Николай, сущность епископского служения коренится не в его «священстве», которое тождественно с пресвитерским, а именно в его юрисдикционной власти, из которой вытекает и его «право» совершать хиротонии.

Сейчас же, наоборот, универсальная власть епископа в церкви выводится из его «степени священства», которая может и не быть связана со служением в конкретной местной церкви.

Сегодня, когда становится все более очевиден, наряду с многими другими, кризис епископского служения, все больше и больше отрывающегося от реальной местной церкви, нам необходимо прислушаться к голосу о. Николая Афанасьева, еще в середине XX века предупреждавшего, что этот кризис может быть разрешен только в возвращении к изначальному для церкви видению епископского служения, укорененного в предстоятельстве в конкретной евхаристической общине и в попечении о конкретной местной церкви, каждая из которых на своем уровне есть «манифестация Церкви Божьей».

Протопресвитер Николай Афанасьев

УЧЕНИЕ О КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ

(со стороны православного)*

1. Учение о коллегиальности епископата является событием в истории католической богословской мысли. Если оно будет окончательно принято, оно, несомненно, вызовет более или менее глубокие изменения в церковном устройстве католической церкви. Каково бы ни было это значение для самой католической церкви, особенно для задачи объединения церквей, само по себе это учение является положительным фактом как свидетельство творческой энергии католической мысли. Православные богословы с симпатией встретили это учение, но они далеки от энтузиазма католических богословов. В той форме, в какой это учение предложено, оно не существует в православном богословии, хотя некоторые его элементы в нем и имеются. Если через эти общие элементы православная и католическая мысль встретятся, то это откроет широкие перспективы для экуменической работы.

Я далек от мысли критиковать это учение. Все, что я хочу предложить вашему вниманию, это несколько замечаний относительно этого учения или, точнее, несколько сомнений, которые входят в мое сердце. Эти замечания, собственно говоря, имеют характер вопрошаний, которые я ставлю самому себе в надежде, что мои коллеги помогут мне найти на них ответ и устранить мои сомнения. Они имеют личный характер, и я не хочу и не могу ангажировать никого.

2. Учение о коллегиальности очень просто и ясно. Оно покоится на двух идеях. Апостолы образовали коллегия, главой которой был апостол Петр. Эту коллегия Христос облек высшей властью в Церкви во всех ее областях. Эта высшая власть над всей Церковью от апостолов перешла к епископам, которые образуют, в свою очередь, коллегия во главе с Римским епископом. Мы имеем полный параллелизм: с одной стороны, «коллегия апостолов», а с другой — «коллегия епископов». Правильность этого тезиса зависит от вопроса о существовании коллегия апостолов и коллегия епископов. В этом вопросе историк находится в необычайно трудном положении. С большими оговорками еще можно признать, что апостолы образовали из себя коллегия, хотя предпочтительнее этого термина не употреблять. Во время земной жизни Христа они составляли отдельную группу Его учеников, в которой действующим лицом был Сам Христос. Как коллегия эта группа, собственно, не выступала, да она и не могла выступить отдельно от своего Учителя. Если отдельные апостолы выступали (главным образом, апостол Петр), то эти выступления ограничивались теми или иными пожеланиями или исповеданием веры. Отношение между Христом и апостолами были тождественны с отношениями равнина с его учениками.

Со времени реализации Церкви на земле на день Пятидесятницы «Двенадцать» продолжали оставаться отдельной группой не только в Иерусалимской церкви, но и после их рассеяния. Правильно ли к ним в это время применять наименование коллегии? В Иерусалиме они входили в состав церкви, хотя и на особом положении. Существование внутри Церкви особой коллегии, по крайней мере для первых времен, абсолютно исключается. Кроме того, существование коллегии предполагает, что она может выступать как целое, т.е. что она может, во всяком случае спорадически, иметь собрание членов коллегии. Мы действительно знаем, что в Иерусалимской церкви имел место «собор» апостолов. Всем известно, какие еkkлезиологические трудности вызывает 15-я глава Деяний апостолов. Оставим это в стороне, но отметим, что ни о каком другом соборе апостолов мы не знаем. Да его и не могло быть, так как миссия апостолов заключалась в созидании местных церквей. Если бы было другое собрание апостолов, то, несомненно, в церковном сознании сохранилась бы память о нем. Известно, каким ореолом был окружен Иерусалимский собор. В так называемой псевдоапостольской литературе он выступает как носитель высшей власти в Церкви. Ему приписывается издание канонических и литургических норм. Интересно отметить, что каждый апостол выступает отдельно с предложением тех или иных предписаний. Позднее апостолам на соборе было усвоено составление Апостольского символа веры. Все это, конечно, легенда, но сама по себе она показательна. Возвращаясь к поставленному выше вопросу, надо признать, что если даже существовала апостольская коллегия, то она конкретно ничем себя не проявляла.

Что касается вопроса о епископской коллегии, то она вызывает еще больше сомнений. Прежде всего, каким образом епископская коллегия вступила на место апостольской коллегии в порядке преемства как носительница высшей власти? Исторически невозможно установить, когда это произошло. Впрочем, исторически невозможно также установить, когда апостол Петр сделал своим преемником Римского епископа. Однако оба случая не тождественны. Во втором, при всем скептицизме, мы не можем категорически отрицать возможность епископства Петра в Риме. В первом случае такого рода передача совершенно исключается.

Если мы примем этот факт в порядке веры, то этим еще вопрос о коллегиальности епископов не снимается. Как конкретно выражалась эта коллегиальность епископата в первые века христианства? Единственным выражением коллегиальности епископата является собрание епископов, т.е. собор епископов, осуществляющий высшую власть в Церкви. Собственно, наши сведения о соборах начинаются с эпохи Киприана Карфагенского, который был создателем соборного института в той форме, в которой он существовал после него. До Киприана мы почти не имеем сведений о соборах. Те сведения, которые имеются, настолько неопределенны, что использовать их мы не можем. К тому же соборы Киприана имели местное значение. Ему не приходила мысль, в силу фактического положения Церкви, что возможно собрание всего епископата в общеимперском масштабе. Когда оно произошло, то фактически оно не было общим собранием всего епископата, а только частичным. Церковное сознание восприняло Никейский собор как вселенский (не будем говорить об истинном значении этого термина), но это в значительной степени легенда. Заметим в скобках, что в истории единственным вселенским собором и по замыслу, и по размерам мог бы быть Ватикан II, если бы не было разделения. Если мы спросим себя, выразилась ли в эпоху Никейского собора коллегиальность епископата, то мы, к сожалению, ответить должны отрицательно. Если она даже существовала, то не была общей, а групповой; фактически до собора и во время, и после собора епископат был разделен на враждующие группы, к которым надо прибавить группу, почти не разбирающуюся в сложных богословских вопросах. Несомненно, что каждый епископ на соборе чувствовал личную ответственность за судьбы Церкви, но вряд ли это можно рассматривать как выражение коллегиальности епископата. Она существовала и может существовать и без идеи коллегиальности, и даже вопреки ей. Начиная с эпохи Константина,

идея коллегиальности могла, казалось бы, найти свое полное выражение. Серия вселенских соборов, которая начинается с Никейского собора 325 года, не свидетельствует о коллегиальности епископата, а о разъединении его, не говоря о том, что сам по себе вселенский собор не может рассматриваться как носитель высшей власти в Церкви ввиду нерегулярности вселенских соборов. В лучшем случае их можно считать высшей инстанцией для решения догматических вопросов. Причем догматические решения собора, окончательные в принципе, почти всегда сопровождалась борьбой в среде епископата. Почти всегда в результате борьбы вокруг постановлений соборов в них вносились некоторые коррективы. После разделения церквей невозможно говорить о епископской коллегии, во всяком случае о единой епископской коллегии. Если настаивать на идее коллегиальности епископата, то надо признать существование в состоянии разделения церквей двух коллегий, враждующих между собой. Как ни прискорбно, но история свидетельствует, что очень часто епископат был причиной разделений в Церкви. Я отлично понимаю, что историческая неудача той или иной идеи не означает еще неудачу самой идеи. В истории идея коллегиальности оказалась некоторым идеалом, который не нашел в ней своего выражения. Может ли коллегиальность в настоящее время или в ближайшем будущем стать реальностью? Вот то первое сомнение, которое входит в мое сердце.

3. Вторая группа моих замечаний имеет эkkлeзиологический характер. Как выражается в учении о коллегиальности епископа та идея апостольского преемства, которая является основной в учении о Церкви? В этой области мои сомнения особенно значительны.

В учении о коллегиальности преемство выражается через преемство одной коллегии другой. Если апостольское преемство Римского епископа продолжает сохранять личный характер, то по отношению к остальным епископам она приобретает коллегиальный характер. При поставлении епископа он входит в коллегию епископов, которая является носителем апостольского преемства. Таким образом, целью поставления епископа является ввести поставляемого в коллегию епископов. Идея личного преемства исчезает. Я не решаюсь утверждать, что такая форма апостольского преемства не существовала в истории. Самое большое, что я могу утверждать, что такая форма апостольского преемства мне неизвестна. Учение об апостольском преемстве недостаточно определено. В наиболее обычной форме оно выражается в том, что епископ через свою церковь является преемником того или иного апостола, а не вообще апостолов. В такой форме она появилась как результат стремления местной церкви связать свое образование с именем апостола как основателя местной церкви или непосредственного ученика апостола. Обычно во главе списка епископов стоит апостол.

Несмотря на исторические трудности, которые вызывает эта форма апостольского преемства, она твердо держится в церковном сознании. Сомнительно, чтобы церкви, особенно основанные апостолами или считающие себя таковыми, отказались бы от этой формы, особенно на Востоке, в пользу коллективной формы преемства, которая имеется в учении о коллегиальности епископов. На Западе дело обстоит несколько иначе. Кроме Рима там не имеется церквей, основанных апостолами, если не считать легендарных сведений. Кроме того, на Западе апостольское преемство Римского епископа как бы поглотило преемство других епископов. Коллективная форма апостольского преемства имеет то преимущество, что освобождает это учение от его легендарного характера, но зато его трудно эkkлeзиологически обосновать.

Надо иметь в виду, что на Западе, а может быть и на Востоке, существовала иная форма апостольского преемства, которая, по моему убеждению, была первоначальной. Некоторые сведения об этой форме мы находим у Киприана и, может быть, у Тертуллиана. Всем известно учение Киприана о «*cathedra Petri*» («кафедра Петра»). В Церкви имеется одна кафедра, это — кафедра Петра, которую занимает весь епископат. Из этого следует, что каждый епископ,

сообща с другими, занимает эту кафедру и является преемником Петра. Согласно Киприану, Римский епископ особым образом занимает эту кафедру, так как она, по убеждению Киприана, была в Римской церкви. Я не имею возможности давать объяснение этой формы апостольского преемства. Я могу только указать, что она проистекает из факта, что первую кафедру в первом евхаристическом собрании в Иерусалимской церкви занимал апостол Петр. Все, которые занимали и занимают кафедру в любом евхаристическом собрании, являются его преемниками по кафедре. Если позволительно делать вывод из этого учения, не только каждый епископ, но и апостолы, когда они предстоятельствовали на евхаристическом собрании, также занимали кафедру Петра. Может быть, теперь могут быть понятны мои сомнения относительно коллегиальной формы апостольского преемства.

4. Наконец, мое последнее замечание, точнее недоумение, относится к вопросу об отношениях епископской коллегии и Римского епископа. В схеме «De Ecclesia» указано ясно, что папа входит в коллегия епископов как глава этой коллегии. Поэтому коллегия не может действовать без своего главы. Если бы она могла сама по себе действовать, то епископской коллегии не было бы. В частности, из этого следует, что вселенский собор, в котором конкретно должна найти выражение коллегиальность епископата, не может иметь место без папы. Но на этом ясность кончается. Что означает, что собор не может быть без папы? Значит ли это, что папа входит в состав собора, хотя и в качестве главы епископов, как и все остальные епископы? Если это так, то может ли собор принять решение вопреки мнению папы? Мы знаем, что в истории этот вопрос ставился. В настоящее время это предположение явно невероятно, тем более, что Иоанн XXIII ясно указал, что все решения собора подлежат утверждению папы, что соответствует *Codex Juris Canonici*. Не означает ли это, что вселенский собор состоит при папе, а не папа входит в него? Но это не всё. Может ли папа действовать самостоятельно, как носитель высшей власти и полной власти над всей Церковью, без епископской коллегии, т.е. «ex sese» (из себя — ред.)? Если он не может, то его высшая и полная власть окажется значительно ограниченной в пользу епископской коллегии, которая также обладает высшей и полной властью. Здесь лежит необычайная трудность, которая, насколько я знаю, пока не разрешена. Эта трудность проистекает из признания двух субъектов высшей власти в Церкви. Вероятно, и даже больше чем вероятно, между учением двух субъектов не будет конфликтов, но говоря чисто теоретически, исключить навсегда это невозможно. До некоторой степени неизбежно, что одна из двух властей должна стать в зависимое положение от другой. Согласно теперешнему католическому богословию, нет никаких сомнений, что высшая власть коллегии епископов должна быть в зависимости от Римского епископа.

Я перехожу здесь из области экклезиологической в практическую область.

5. Сейчас еще рано говорить о всех практических последствиях учения о коллегиальности епископов. Несомненно, что понадобится особый декрет о приложении этого учения. Тем не менее, уже сейчас можно говорить о некоторых практических последствиях коллегиальности. В этом направлении были высказаны некоторые мнения на Соборе. Было высказано мнение о необходимости наличия около папы некоего совета епископов, выбранных из разных стран, в котором обсуждались бы, совместно с папой, наиболее важные вопросы, касающиеся всей Церкви. Это предположение было направлено против римской Курии, но оно имеет свое значение помимо его полемического характера. Для православного уха это предложение звучит как нечто очень знакомое. Это не что другое, как синоды при восточных патриархах и при главах автокефальных церквей. Православные могут только радоваться, если католическая церковь готова заимствовать все ценное, из того, чем обладает православная церковь и что восходит к нашим общим источникам. В вопросе о синодах при патриархах православные имеют многовековой опыт, который далеко не всегда может рассматриваться как

положительный. Об этом — несколько позже. Сейчас я хочу поставить вопрос, вытекает ли проект создания епископского совета при папе из учения о коллегиальности епископов? Участие в этом синоде пяти, десяти или больше епископов может ли выразить коллегиальность епископов и может ли ангажировать всю коллегию епископов как преемницу коллегии апостолов? В этом совете папа услышит мнение отдельных епископов, а не всей коллегии. Если я правильно понимаю учение о коллегиальности епископов, то ее ценность заключается в том, что коллегия должна действовать как единое целое, а не в виде разрозненных частей. Возвращаясь к синодам при древних восточных патриархах, начало которых падает на IV или V век в форме так называемого «синодос эндимуса», надо отметить, что начало подобных собраний было чисто случайным, так как они состояли из случайно находящихся в Константинополе епископов, очень часто не находящихся в курсе тех дел, которые им предлагались к обсуждению. Затем эти синоды стали постоянными при разной системе назначения епископов в синод. Как показывает история, они легко подпадали под разные влияния. Либо они были игрушками в руках патриархов, либо они находились в конфликте с патриархом. Что касается Синода Русской церкви, учрежденного в начале XVIII века, то он имел совсем особое положение. Это был «коллективный патриарх», всецело находящийся в руках императора. Другой недостаток синодов заключался в том, что епархиальные епископы на долгое время отрывались от своих епархий, так как они переставали быть тем, чем они должны были быть, т.е. предстоятелями своих церквей. Надо заметить, что возникновение постоянных синодов несколько не уменьшило административного аппарата. Константинопольский патриарх имел свою курию, необычайно могущественную. Другие патриархи — в гораздо меньшем размере. В XII веке Вальсамон приравнивал константинопольских архонтов к кардиналам Римской церкви. Один из них, хартофилак (первый министр при патриархе), занимал по чести место выше митрополитов. Существование курии в каком-то смысле неизбежно в церковной жизни, пока церковь или церкви представляют из себя огромное административное целое. Эмприз (состав — ред.) курии может быть уменьшен только в порядке децентрализации административного управления.

Вторым последствием учения о коллегиальности, о котором была речь на Соборе, является проект собрания областных соборов. В самой схеме «О Церкви» говорится о том, чтобы конференции епископов получили каноническую власть. Епископская областная конференция с канонической властью есть не что иное, как областной собор. Установление такого рода соборов знаменовало бы поворотный момент в истории устройства католической церкви за последние столетия. Областной собор может быть построен только на национальном принципе. В противоположность православной церкви, католическая церковь исключила принцип национальности как элемент, входящий в самую природу церкви. Как эмпирический факт он почти всегда, если не считать первых веков, имелся в церкви. Он до некоторой степени неизбежен, пока церковь существует в эмпирической действительности, как неизбежен в ней государственный принцип даже тогда, когда государство отказывается от этого принципа по отношению к церкви. Ни одного, ни другого принципа не содержится в природе Церкви. Вводить национальный принцип в Церковь означает вводить в Церковь то, что в ней не имеется. В истории православной церкви национальный принцип до сих пор играет огромную роль. Любой историк знает, какое отрицательное значение имеет этот принцип. В православном сознании этот принцип часто играет большую роль, чем экклезиологический принцип. Не останавливаясь на этом, я могу ограничиться только указанием, что он если не уничтожает, то в значительной степени ослабляет внешнее единство церкви, которое фактически не находит в ней выражения. Идея автокефальности церквей основана исключительно на этом принципе. Одним из этапов появления автокефальности церкви является областной собор. Не говоря о том, что система церковных областей приводит к уменьшению самостоятельности церковных диоцезов, она ослабляет связи диоцезальных церквей с центральной властью. Неудивительно, что в свое время церковная политика Рима шла в сторону уничтожения церковных областей.

Сомнительно, чтобы в настоящее время Рим вступил на путь, ведущий к их образованию. К этому я могу добавить, что образование областных соборов не связано с учением о коллегиальности епископата, а является, скорее, ограничением принципа коллегиальности.

6. К этим замечаниям я хочу прибавить одно указание общего характера. Учение о коллегиальности епископов находится в линии универсальной экклезиологии, которая в настоящее время является общим достоянием православного и католического учения. Главной темой учения о коллегиальности является вопрос о высшей власти в Церкви или над Церковью, т.е. вопрос, который вполне понятен и законен только в этой экклезиологии. Церковь понимается как единый организм, в котором естественно должна существовать высшая власть. В связи с этим стоит второй пункт резолюции, принятой собором 30-го октября 1963 г., а именно «De episcopis». Я должен признаться, что я не вполне понимаю этот пункт. Во всяком случае, он дает возможность двух толкований. Если его брать в той форме, в какой он был проголосован, то как будто его цель заключается в том, чтобы признать титулярного епископа полноправным членом коллегии, а тем самым — полноправным членом вселенского собора. В течение истории появляются епископы, не имеющие местных церквей в своем управлении. Число такого рода епископов увеличивается, несмотря на некоторое сопротивление. Епископ, по 1-му пункту резолюции, является носителем высшей степени священства. Он может не иметь в своем управлении никакой церкви, но тем не менее, он обладатель высшей власти в Церкви, будучи, согласно 3-му пункту резолюции, членом коллегии епископов. Следовательно, в универсальной церкви возможно существование епископов, которые не имеют непосредственной юрисдикционной власти, но обладают через коллегия епископов высшей юрисдикционной властью.

Однако возможно другое толкование 2-го и 3-го пунктов резолюции, принятой Собором. В момент посвящения епископ облачается не только высшей властью священства, но и сразу юрисдикционной властью в той церкви, для которой он посвящается. Это объяснение маловероятно, так как оно неизбежно приводило бы к отрицанию существования титулярных епископов. В самом деле, мы не можем считать «титулус», получаемый ими, как указание на место их действительного служения. Это есть фикция, а фикции вообще недопустимы в церковной жизни. Никакого покушения на существование титулярных епископов мы не находим на Соборе, а наоборот, они являются членами собора, хотя это до некоторой степени противоречит Codex Juris Canonici (C.I.C VIII, I, 329, §3)

Эта неопределенность в учении о епископе является слабым местом учения о коллегиальности епископов. Возможно, что в схеме «О Церкви», которая мне полностью не известна, имеется точное определение понятия епископа того, что такое епископ. Между тем, нельзя полностью понять учение о коллегиальности без точного определения епископа. Если епископ является первосвященником своей церкви, то это не означает, что он имеет священство, отличное от священства пресвитеров. Как показывает сам термин, он — первый среди священников. Начиная с Ипполита Римского, а особенно с того времени, когда пресвитеры получили особую возможность совершать Евхаристию, базой служения епископа является его служение первосвященства. Он — первосвященник своей церкви, и как таковой он возглавляет свою церковь. Однако это его служение не берется самостоятельно и отдельно от церкви. Оно находит свое выражение только в его церкви. Употребляя современные термины, оно невозможно без его юрисдикционного служения, так как без него его служение первосвященства не находило бы своего выражения. Священство совершается в Церкви и для Церкви, т.е. в местной церкви. Священство представляет из себя одно целое, которое не может быть разделено на части или степени. Или оно есть, или его нет. Я твердо уверен, что без точного и ясного определения служения епископа учение о коллегиальности остается неопределенным и могущим дать повод к разным его пониманиям.

В порядке универсальной экклезиологии можно признать существование епископов, не имеющих непосредственной юрисдикционной власти в своей местной церкви. Это второе объяснение 2-го пункта маловероятно. Таким образом, мы стоим перед некой неопределенностью. Из того, что я сказал, вероятно, ясно, что я, будучи православным, больше склоняюсь к традиционному учению католической церкви, чем к современным учениям о священстве епископа. Я знаю одного епископа, который после посвящения и первой литургии, совершенной им, когда он стал епископом, заявлял, что только ставши епископом, он понял различие между литургией, совершаемой епископом, и литургией, совершаемой пресвитером. Это конечно, курьез, о котором можно было бы не упоминать, но курьез очень показательный. Евхаристия — одна, как и таинство Крещения — одно, но и Священство — одно, кому бы оно ни принадлежало. Мне кажется, здесь я приближаюсь к мнению Дикса.

Различие между пресвитером и епископом, о чем уже ставился вопрос в древней церкви (Иероним и Иоанн Златоуст), заключается не в разных степенях священства, а в том, что епископ возглавляет местную церковь, а пресвитер совершает свое служение в церкви епископа, а следовательно, под его возглавлением. Аргумент, которым обычно пользуется православное богословие в пользу высшей степени священства епископа, что только он может совершать таинство Священства, бьет мимо цели, так как он служит в пользу не его власти священства, а в пользу его юрисдикционной власти. Если бы пресвитер совершал таинство Священства, то оно было бы беспредметным. Оно совершается только тем, кто возглавляет местную церковь и может предоставить служение в церкви.

Когда в силу церковного устройства появились титулярные епископы, не имеющие юрисдикционной власти, а особенно когда в Византии начали ставить, в силу политических соображений, епископов в места, не входящие в состав Империи, куда эти епископы не имели возможности отправиться, то они оказались без всякой юрисдикционной власти или с юрисдикционной властью только лишь в потенции, то, естественно, власть священства отделилась от власти юрисдикции, а это, в свою очередь, повлияло на учение о служении епископа.

Возвращаясь к учению о коллегиальности епископов, надо признать, что оно в значительной степени зависит от понятия служения епископов.

На этом я заканчиваю мое изложение. Как я сказал в начале, моей задачей было не критиковать учение о коллегиальности епископата, а только поделиться моими сомнениями, которые были вызваны этим учением. Я бы не хотел, чтобы осталось впечатление о моем отрицательном отношении к этому учению.

7. Будучи православным богословом, я, естественно, не могу быть союзником тех членов римской Курии, которые находятся в оппозиции к учению о коллегиальности. Я уже говорил, что это учение я считаю событием в истории католической мысли. Оно может быть и должно быть исходной точкой для дальнейшего развития того, что в нем заложено, в сторону возвращения к источникам. Я уверен, что в этом направлении католическая и православная мысль встретятся. Дорога к этому длинная, но сейчас можно сказать, что мы на нее вступили.

Значение учения о коллегиальности заключается в сущности его основной идеи. Обычное католическое учение считало, что епископ получает юрисдикционную власть в своей церкви, или, по нашей терминологии, в своем диоцезе, от Римского первосвященника. В силу этой власти он управляет своим диоцезом. Как таковой он выступает отдельно от других епископов, управляющих своими диоцезами. Он, до некоторой степени, является изолированным от других епископов, не имея права вмешиваться в дела других церквей. Его юрисдикционная власть ограничена пределами его церкви. В силу этого характера он не может иметь никакого

участия в высшей власти над всею церковью. Эта власть исключительно принадлежит Римскому епископу, который осуществляет эту власть не только над универсальной церковью, но непосредственно над каждым диоцезом. Этот основной тезис католического богословия претерпел значительные изменения: Ватикан II отказался от этого учения. Он приобщил епископов к высшей власти над всей церковью, или точнее, он передал эту власть совокупности всех епископов, не ограничивая при этом высшей власти Римского епископа. Епископ перестает быть одним из членов церковной администрации, а становится действительно пастырем Церкви. В этом — сущность учения о коллегиальности епископов, и в этом его огромное значение.

Что касается формы, в которую облечено это учение, то вряд ли можно считать ее абсолютно обязательной и абсолютно единственной. Это относится также к богословским предпосылкам этого учения. Идею об участии епископов в высшей власти в Церкви нельзя полностью обосновать без учения о местной церкви, возглавляемой епископом, как манифестации Церкви Божьей во Христе во всей ее полноте и во всем ее единстве. Я позволяю себе здесь резюмировать несколько моих мыслей, которые я неоднократно излагал. Как епископ местной церкви он является епископом всей Церкви Божьей, так как местная церковь, которую он возглавляет, является манифестацией Церкви Божьей. Все местные церкви, каково бы ни было их множество, являются объединенными между собой. Это есть объединение разных манифестаций Церкви Божьей, или, иначе говоря, объединение Церкви Божьей с самой собой. Из единства местных церквей вытекает единство епископов, из которых каждый является епископом Церкви Божьей. Как местные церкви не могут быть разрозненными, а живут общей жизнью, так и епископы не могут замкнуться в себе самих и ограничиться в своем служении только пределами своей церкви. Если бы это фактически происходило, то епископ все-таки оставался бы епископом всей Церкви, так как то, что происходит в местной церкви, происходит и во всех местных церквах, так как все происходит в Церкви Божьей. Поэтому все местные церкви принимают как свое собственное то, что происходит в каждой из них. Это принятие, или, употребляя более обычный термин, рецепция, не имеет правового характера, а является свидетельством Церкви о том, что происходит в ней, или свидетельством Церкви о самой себе. Оно выражается через епископа местной церкви, который действует, перефразируя знаменитые слова, «*non ex sese, sed ex consensu ecclesiae*». Через рецепцию конкретно выражается единство местных церквей, которые, в свою очередь, выражают единство епископата. Как в эмпирической действительности существует множество местных церквей, которые не нарушают единства Церкви, так и в той же действительности существует множество епископов, которое не нарушает его (епископата) единства. Я не думаю, что к этому единству можно применить понятие коллегии, так как это понятие выражает внешнее единство, а не внутреннее. Может быть, более правильно обозначить его термином Киприана, как «*corpus episcoporum*», но и оно не вполне определяет природу этого единства.

В принципе, каждая местная церковь, а следовательно, ее епископ, принимает участие в рецепции, но обычно она выражалась через наиболее значительные церкви, за которыми следовали другие церкви определенного круга. Значение рецепции местных церквей всецело стояло в зависимости от авторитета церквей. На вершине этой иерархии церквей, основанной на авторитете, стояла Римская церковь. Определить, в силу каких причин Римская церковь заняла особое положение, представляется в высшей степени трудным. Мне представляется, что этот факт мы должны принять как избрание Божие. Этим отпадает сам вопрос, так как спрашивать о причинах избрания Божьего недопустимо. Ввиду особого положения Римской церкви ее рецепция имела решающее значение, а иногда окончательное. Она относилась не к одному определенному кругу церквей, а ко всем местным церквам, т.е. она имеет общецерковный характер.

Таким образом, учение о местной церкви как манифестации Церкви Божьей разрешает два трудных вопроса, которые стоят перед современным католическим сознанием. Оно дает бесспорное, как мне кажется, богословское обоснование участию епископата во всех церковных делах, или, по современной терминологии, она дает ответ на вопрос, каким образом епископату принадлежит высшая власть в Церкви. Затем, оно объясняет отношение между епископатом и Римским епископом. Рецепция, которая через местные церкви принадлежит епископату, не делает излишним рецепцию Римской церкви, как и рецепция Римского епископа не уничтожает рецепцию епископата. По отношению к рецепции епископов она является высшей и в некоторых случаях последней инстанцией в церковных делах. Одно без другого не может иметь место, так как одно предопределяет другое.

Мы сейчас еще очень далеки от учения о местной церкви как манифестации Церкви Божьей, что входит как один из элементов в ту систему экклезиологии, которую я называю евхаристической.

* Речь на Актовом собрании Православного богословского института в Париже 28.03.1965.

[1] «Не из себя, но с согласия Церкви» (лат.).

: Свящ. Георгий Кочетков. О значении братства. Слово перед Сретенской встречей Сретенско-Преображенского братства (12.02.00)

Община и соборность

Свящ. Георгий Кочетков

О ЗНАЧЕНИИ БРАТСТВА

Слово после вечерней молитвы перед Сретенской встречей Сретенско-Преображенского братства (12.02.00)

Дорогие братья и сестры! Вы знаете, что в этом году наше Сретенско-Преображенское братство впервые собирается не только на праздник Преображения, на очередной, одиннадцатый Преображенский собор, но и на праздник Сретения Господня. Эта встреча будет как бы подготовкой к этому очередному собору, который, как мы надеемся, будет уже не просто собранием одного большого Преображенского братства, но собранием более чем десятка малых братств, московских и иногородних, на которые как бы разделилось наше большое Братство. Проблемы и задачи создания и жизни этих малых братств мы с вами и будем обсуждать в ближайшие дни.

Вы хорошо понимаете, что для нас вопросы жизни братства имеют принципиальное значение. Почему сейчас так возросло значение братства? Лет десять назад мы очень мало говорили о братстве. Мы более заботились об общинах. Общины тогда только-только набирали силу, только-только начинали свое рождение, но было ясно, что если наряду с миссией и катехизацией в Церкви не будет рождаться нечто новое, общинное, как нечто живое, ответственное, личностное, церковное, то все труды по катехизации будут снижены во много раз и многие люди, даже пройдя нормально катехизацию, потом, под ударами судьбы и искушений, уйдут, если не внешне — из церкви, из прихода, от причастия, от чтения Священного писания, от молитвы, от общения с братьями и сестрами, то внутренне, потому что мы хорошо знаем, что приход в том виде, в каком он существует сейчас, скорее прицерковляет людей, чем воцерковляет их. Приход необходим, без прихода нельзя, недооценивать приход мы не можем, потому что на приходе совершаются все церковные таинства, и без этих таинств наша христианская жизнь была бы неполна, но все остальные стороны церковной жизни на приходе очень часто страдают, отчего даже само совершение таинств претерпевает сильнейшие искажения, а иногда и профанацию.

Так вот, тогда мы думали именно об общинах, и общины стали рождаться одна за другой. Этот процесс происходит и сейчас, без всякого подталкивания, без всяких призывов, просто изнутри, и уже десятки и десятки общин существуют в пределах лишь одного нашего Преображенского братства, и значит, не только в Москве. И люди поняли, какое это счастье — жить в общине!

Однако за последние десять лет многое произошло. Во-первых, мы узнали, что традиция общинной жизни имела уже раньше, и не только в какие-то древние века, апостольские или святоотеческие, нет, она имела важнейший импульс для своего рождения и существования с конца XVIII в., и особенно в начале XX в., во время Собора 1917—1918 гг. и в ближайшие годы после него. Поэтому, мы стали изучать этот церковный опыт, и тогда увидели,

как мы близки и родственны общинам мечевским или о. Сергия (Савельева), и некоторым другим, о. Анатолия Жураковского, например. Мы знали, что это редкие примеры, но они были, и они никогда не исчезали совсем. Эта традиция передавалась как тоненькая, но важнейшая струйка церковного предания, церковной жизни. И поэтому мы — в некотором смысле и первооткрыватели, и продолжатели этой церковной традиции.

Так вот, когда общин стало много, мы вдруг увидели, что и община сама по себе — это не только некое неполное духовное образование, но иногда и образование неустойчивое. У всякой общины есть один серьезный минус, особенно если в общине не совершаются таинств, у всякой общины есть большое искушение — замкнуться. В общине людям душевно может быть так хорошо, что они могут перестать интересоваться другими, перестать интересоваться теми, кто рядом с ними. Община может замкнуться на себя и тем самым отъединиться от полноты церкви, от других христиан, и как бы индивидуализироваться. И в этом очень большая опасность. Нечто подобное когда-то переживали монастыри, которые в древности тоже несли в себе существенные и здоровые элементы общинной традиции — в те века, когда эта традиция во всей церкви уже начала разлагаться.

Вот, осознав эту опасность, мы и поняли, какое огромное значение имеет братство. Братство помогает воспринять церковную жизнь целостно и открыто. Братство помогает организовать и поддержать служения, в малой общине редко возможные. Братство помогает открыться. Братство помогает вынести штормы исторических судеб церкви, как бы ни строилась жизненная нить каждого отдельного человека.

Раньше мы иногда думали, что в Церкви существует, с одной стороны, приход, с другой, —

община или группа, с третьей стороны — миссия и катехизация, с четвертой — духовное образование, с пятой — братства. Мы понимали, что ей все это нужно. Но в нашей реальной жизни все это было как бы запараллелено, т.е. слишком мало друг с другом связано. И только в последние годы мы поняли важнейшую вещь: как глубоко все эти вещи взаимосвязаны! Как без миссии и катехизации невозможно возрождение нормальной общинной жизни, так и нормальная общинная жизнь невозможна не только без прихода и таинств, но и без братства. А братская жизнь нормальной бывает лишь тогда, когда люди овладевают полнотой предания, например, через духовное образование, — конечно в той или иной степени, ибо каждый вмещает свое.

Тут мы и оказались перед интереснейшим открытием, которое, я думаю, до сих пор многими не осознано. Ведь многие до сих пор считают: «Ну вот, я вместил приход и, может быть, готов еще потратить какие-то силы и время, приложить какие-то усилия в своей группе или в общине, в духовной семье, но вот на братство меня уже не хватает. Конечно, я могу присоединиться к братскому паломничеству или еще к каким-то интересным мероприятиям, которые проводит братство, почему же нет, но не больше». Так, действительно, многие думают до сих пор. Может быть, жизнь давала для этого разные поводы, но это было с самого начала неверно! Люди, которые так думают, люди, которые не чувствуют братства, — а такие люди есть и среди нас, — такие люди все равно вскоре начинают ощущать свою духовную ущербность. Сознательно или несознательно, они несут ее в себе и с собой — так же, как и тот человек, который может быть усердным прихожанином, может исполнять все приходские требования и даже регулярно причащаться, исповедоваться и участвовать в других таинствах, ходить на службы, на акафисты, на вечерни, утрени и т.д., но при этом полноты церковной жизни в себя не вмещать.

Оказалось, что в Церкви могут быть не только миссионерско-общинный приход и, т.е. приходы, поддерживающий миссию, катехизацию и общинную жизнь, и могут быть не только общины и группы, поддерживающие приход и те или иные образовательные или благотворительные христианские учреждения, но, что очень важно, оказалось, что в ней каждая община и приход должны поддерживать то или иное братство, а братство, которое может быть связано не только с одним приходом или с одной какой-то общиной, или с каким-то одним образовательным или благотворительным учреждением, вот такое братство должно поддерживать приходы, общины и эти учреждения. Иначе есть большая опасность и для одного, и для другого. Опасность общинной жизни я назвал, опасность же братской жизни, я думаю, вы легко определите сами. Ясно, что если братская жизнь, организующая служения, будет оторвана от общин и приходов, она может вырождаться во внешний активизм, лишь во внешнюю деятельность, может потерять свои глубокие духовные корни.

Вот для того, чтобы эти вещи научиться прилагать к себе, для того, чтобы понять, зачем нам нужно по-новому устроить жизнь нашего большого Преображенского братства, мы и проводим наше собрание. Оно всем нам совершенно необходимо не только для того, чтобы получить ответы на какие-то конкретные вопросы, хотя и это важно, оно нам нужно, чтобы получить некий новый импульс, чтобы подготовиться к очередному, одиннадцатому Преображенскому собору. Ведь мы уже не можем мыслить себе Преображенское братство по-старому, только как некое бесформенное, аморфное и для многих-многих его членов не очень ответственное братство. Не секрет, что большинство членов Преображенского братства почти ни за что не отвечало. Они только поддерживали главную идею Преображенского братства, которая заключалась в том, чтобы поддержать в нашей стране возрождение Церкви, ее духовное обновление, ибо без обновления духа не может быть никакого возрождения, — сколько храмов ни открывай, сколько хоров ни организовывай, какие переводы ни делай, все это будет никому не нужен. Нам очень важно это преобразование не только из-за большой численности

Преображенского братства— нам важно сделать его более ответственным, более самостоятельным, более, может быть, многообразным. Это требование идет изнутри самой церковной жизни, и нам надо очень хорошо это понять и почувствовать.

Мне много приходится встречаться и говорить с самыми разными людьми и из нашего братства, и не из нашего братства, из других братств Западной, Центральной и Северной Америки Европы и Америки, и я вижу, что везде существуют одни и те же проблемы. Мы с вами каким-то чудесным образом умудрились за десять лет выйти на передний край всех реально существующих в Православии проблем. Те проблемы, которые сейчас решаем мы с вами, точно так же остро стоят перед всем мировым Православием. И они также нигде не разрешены. Иногда даже удивительно, что у нас они разрешаются лучше, успешнее, чем где-то еще, хотя еще десять лет назад мы отставали на век, если не на два или три, потому что были, как вы знаете, сильно отброшены назад разными внешними и внутренними обстоятельствами жизни нашей Русской церкви.

Это очень важно, поэтому сейчас к нам приезжают священники и простые люди не только из других областей России, но и из разных стран — для того, чтобы даже не всегда с нами просто поговорить, а просто пожить, ну хоть два-три дня, при Свято-Филаретовском институте или у кого-то из членов Братства. Они не хотят лишь разговаривать, они хотят почувствовать нашу жизнь. Недавно, приезжали из Белоруссии, из Финляндии, из Казахстана и других стран. Это были священники, но и миряне не меньше интересуются внутренней жизнью Церкви. И пока, слава Богу, ни один не уехал от нас недовольным. Хотя мы с вами ничего и не делаем, приезжающие к нам люди что-то видят и что-то ощущают, я даже не знаю что. Но их что-то радует. Они говорят, что здесь тепло, а в других местах холодно. Нам это иногда странно слышать, потому что нам издалека кажется, что там потеплее, чем у нас. Но — свидетельства есть свидетельства, особенно людей духовно опытных, и пренебрегать ими мы не можем. Это не

повод для какого-то превозношения, гордыни, я об этом даже не говорю, это естественно, каждый из нас это понимает. А если кто-нибудь из нас соблазнится на то, чтобы нести себя перед лицом других как нечто значимое, тот будет далек от всякого братского духа. Я надеюсь, что это ни с кем не случится.

Но что же должно случиться, какой вывод мы должны сделать из сказанного? Вывод один: Господь дал нам служение, и мы не имеем права расточать Божьи дары. Мы не имеем права убегать от лица Божьего «в Фарсис» или еще куда-либо, мы не имеем на это никакого права, если не хотим оказаться «во аде преисподнем» и вопиять уже оттуда. А реальная возможность для этого, конечно, есть, и некоторые наши братья и сестры, увы, уже оказываются в этой черной дыре, что очень страшно

Нам страшно, когда мы слышим, что кто-то слишком интересуется духовно нетрезвенными вещами. Я уже много раз говорил о всякого рода экстрасенсорике и об учениях, которые во имя собственного здоровья люди ставят во главу угла. Сейчас появилось еще какое-то учение Мэгре, т.е. еще одна обычная языческая вещь, совсем не христианская, хотя и благонамеренная. Очень поверхностная, мало культурная. И такого много... Есть «пророчества» некоей Анастасии и т.д.

Почему я об этом говорю? Потому что какие-то волны такого лжемистического, лжеэкстрасенсорного и лжетеософского плана иногда пробегают и среди части наших братьев и сестер. Увы, это есть. Вот кто-нибудь скажет: «Мне Господь открыл: хочешь выздороветь, так поезжай в такой-то монастырь, закажи кучу молебнов и выкупайся в источнике, — и все будет нормально» и, к сожалению, наши люди бывают подчас к этому очень легкомысленно открыты. Я хотел бы, чтобы наша с вами братская жизнь была такой, чтобы у нас эти вещи не проходили в принципе. Я не хочу вводить в нашем братстве никакой цензуры. Читайте что хотите. Но только разберитесь, в чем разница между Православием и тем, что вы берете для чтения, будь то инославные христианские книги или книги нехристианские. Вы все можете читать, так же как вы можете куда угодно ходить. Я далек от того, чтобы кому-либо запрещать ходить к католикам, баптистам, буддистам, мусульманам, иудаистам и т.д. Хотите — ходите. Но только приходя в любое место, где есть и другие духи, и другие традиции, которые в наше время не сводятся без остатка к Православию, вы должны очень хорошо знать об этом различии. Тогда ваш приход будет полезен и вам, и другим людям, а вы действительно будете обретать радость духовного познания, и никакого смещения у вас внутри не будет. Но это — ваша внутренняя работа. Братство должно лишь помогать в этом, потому что многие люди плохо различают духи, слишком плохо, и поэтому оказываются жертвами всякого рода полумагических-полуязыческих обрядов, традиций, учений...

Еще раз повторяю, мы с вами пришли ко Христу как к источнику Любви и Свободы, но эта Свобода не есть произвол и эта Любовь не есть лишь внешний сентиментализм, чего многие ищут и что сами являют под видом любви. Любовью и свободой очень легко злоупотребить, и тогда на первом месте оказываются их подмены, фальшивки, темные двойники. Мы с вами не имеем права на такие ошибки, и чтобы их не было среди новоначальных или не очень разумных людей, не очень духовно внимательных и осторожных, не очень трезвенных, нам нужна интенсивная братская жизнь, не менее интенсивная, чем жизнь общинная или жизнь приходская, или образовательная, миссионерская и т.д. Ведь когда что-то одно из этого умалывается, умалывается и другое.

Вот недавно прошли очередные «открытые встречи», целый цикл. Мы снимали огромный зал для того, чтобы помочь людям, стремящимся ко Христу, прийти в Церковь, к полноте церковной Традиции. Три недели подряд проходили эти встречи, но набрали мы всего немного более 60 человек! Я, конечно, не мог ожидать, что будет снова как когда-то, в начале девяностых годов, когда на такие встречи приходили тысячи людей. Время изменилось, и это зависит не только от нас. И все-таки меня удивила эта цифра, потому что я знаю, что интересующихся и желающих воцерковиться хотя бы просто в той среде людей, которые образуют наше братство, в Москве больше. Безусловно, больше! Значит, мы с вами, ослабив общинную и братскую жизнь, ослабили и миссионерскую деятельность, и катехизационную. Многие стараются привести людей в Церковь побыстрее, забыв о тех печальных результатах, к которым приводит это «побыстрее», чем иногда буквально губим людей.

Постараемся же, чтобы наша предстоящая встреча носила, как и прежде, характер открытого, откровенного разговора. Не хотелось бы болтовни, не хотелось бы пустой потери времени, не хотелось бы пустопорожних споров. Хотелось бы напряженной духовной работы, напряженного духовного поиска, пусть даже и при каких-то частных разногласиях. Нам с вами бояться их не приходится.

: Мы существуем не для наслаждения своими духовными победами

Церковная жизнь

МЫ СУЩЕСТВУЕМ НЕ ДЛЯ НАСЛАЖДЕНИЯ СВОИМИ ДУХОВНЫМИ ПОБЕДАМИ

Интервью с прот. Сергием Гаккелем, членом Попечительского совета Московской высшей православно-христианской школы

— Отец Сергей, Вы служите в Сурожской епархии Русской православной церкви, которая находится в Англии и является неотъемлемой частью Русской церкви. Подавляющее большинство членов вашей епархии и прихода, где Вы служите, — англичане, жители Англии. Насколько они чувствуют, что они — члены именно Русской церкви?

— До некоторой степени они радуются тому, что они члены Русской православной церкви, потому что это какая-то экзотика, что-то особенное. И это даже опасно: не это должно их привлекать, не принадлежность к чему-то романтическому, или даже волшебному, как некоторые считают или считали. И тем более, как мне кажется, им не надо становиться какими-то эмигрантами, такими эмигрантами *goporis causa*, становясь членами РПЦ. Принадлежность сама по себе никак не обязывает их быть русскими по духу, по истории, по мышлению и т.д. Они должны оставаться англичанами, шотландцами, ирландцами, — теми, кто они есть и кем родились. Была, тем не менее, тенденция у некоторых изучать русский язык, особенно любить славянское богослужение, радоваться русской культуре, часто ездить в отпуск в Россию. Раньше это было невозможно, но тем более это привлекало потому, что люди становились членами гонимой церкви и даже «представителями» этой церкви в Великобритании. Это в каком-то смысле отвлекало от ежедневной жизни, от английской, вполне благородной, истории, от их положения в данном обществе. Так что тут был какой-то опасный элемент.

Я помню, было такое голосование в 60-х гг. Некоторые англичане беспокоились, что редко служат на английском языке, особенно в Лондоне, в лондонском соборе. Было такое голосование: какой язык самый стоящий, самый важный, самый красивый. Но подано это было просто — каким языком нам пользоваться? Русские, в том числе моя мать, как я помню, очень великодушно отнеслись к нуждам английского контингента и голосовали за английский язык. А англичане голосовали за славянский язык, что было очень странно. Но все это соответствовало той романтике, что мы, мол, принадлежим к чему-то редкому, изысканному, иностранному, и этим отличаемся от других. Теперь так думают меньше и, может быть, так совсем не думают, но можно такого подхода опасаться, так как раньше он был, и я не хочу, чтобы он являлся важным акцентом в нашей жизни, где на самом деле преобладает английский язык. И в нашем епархиальном уставе¹ даже сказано, что английский язык является официальным языком нашей епархии. Это не говорит о том, что мы отрезаны от России: каждый англичанин молится за патриарха Московского и всея Руси и за его представителя в нашей среде (в прежнее время мы говорили «об экзархе московском», а теперь это — наш правящий архиерей, поставленный Синодом Московского патриархата), у нас даже служит представитель Московского Патриархата, переехавший к нам, бывший правящий архиерей одной русской епархии — Уфимской. Так что мы, конечно, связаны. Но в языковом отношении уже наблюдается некоторое равенство языков, и даже можно считать, что английский является не только официальным, но и богослужебным языком. Почти в каждом приходе все более преобладает английский язык. А если служат по-славянски, то

всегда именно по-славянски, а не по-русски.

— *Где и как часто служат сейчас по-славянски в Сурожской епархии?*

— Все зависит от священника и от паствы. Я бы, например, охотно служил по-славянски, если бы было достаточно прихожан, которые оправдывали бы такое служение. Но мы не можем являться славяноязычной церковью автоматически, независимо от того, кто бы к нам ни приходил. Вот когда присутствует определенный контингент гостей, или в данный день большинство прихожан русские, болгары или сербы, которые понимают по-славянски, тогда — пожалуйста. Но так как у меня, как и во многих других приходах, присутствуют главным образом англичане, для которых славянский язык — или романтика, или что-то лишнее (красивое, но лишнее), я предпочитаю пользоваться английским языком.

Теперь у нас ставится вопрос: каким английским языком мы пользуемся? В течение многих веков службы переводились или для знатоков, или для ученых, или, когда появились православные приходы в Англии, для богослужений — на староанглийский лад. Был такой, можно сказать, шекспировский церковный язык Англиканской церкви, который на самом деле очень красивый. Но именно потому, что он шекспировский, он, конечно, устарел. До недавнего прошлого Англиканская церковь еще пользовалась этим языком, и есть приходы, и даже видные приходы, где только и пользуются службами в переводе или в оформлении XVI века. Пример тому, англиканский храм в Кингз колледж в Кембридже, где я недавно проповедовал. Это один из показательных храмов Англиканской церкви, службы в котором передаются по телевидению и по радио по всему миру на Рождество, на Пасху и т.д., Прекрасный хор, прекрасное здание и язык богослужения тоже не изменился ни на йоту. Это и красиво, и печально. Но теперь это, скорее, исключение.

Но у нас, тем не менее, пользуются переводами XVIII века и, конечно, XIX и XX веков. Трудно от этого отвыкнуть. Я начинал служить именно на таком английском языке, и мне всегда кажется, что современный перевод звучит бледнее. Тем не менее, он нужен, и это признает не только русский православный мир Англии, но и греческий православный мир Англии. Я говорю о греческом мире сознательно, потому что в последние годы был издан прекрасный перевод на современный английский язык, где греческие переводчики пользуются не только прекрасным современным литературным языком, но и переводят все обращения к Богу на фамильярное «Ты», как мы по-русски. Но в современном английском нет никакого «ты», поэтому получилось обращение как бы во множественном числе («you»), хотя на самом деле это и есть «ты». Для многих православных это является соблазном, потому что мы привыкли к такому богослужебному «Ты» (Thou), которого в современном языке нет. Поэтому (я бы сказал: по слабости и по глупости) когда мы сами приступили к новому переводу (у нас есть комитет в епархии, возглавляемый епископом Василием, для которого английская речь — родная), мы решили, что переходим на современный язык, но с этим исключением, — наш народ пока не готов перейти к обращению к Богу на «You». Жалко, потому что, хотя мы и стремимся к естественному языку (и мне кажется, что надо именно естественно обращаться к Богу), отсутствие такого обращения лишает нашу речь элемента интимности, естественности. Но хорошо, что мы вообще приступили к пересмотру перевода, и сейчас у нас в епархии есть перевод, которым мы все и пользуемся.

— *И Вы сейчас служите по этому переводу?*

— И я служу по этому переводу. Но сожалею, что все-таки есть, я бы сказал, фальшивый литературный консервативный элемент. Есть и некоторые другие недостатки. Но в конце концов, это в наших руках, и в течение следующих десятилетий все это будет решено, может быть, иначе. Люди постепенно привыкают к звучанию нового современного перевода, и уже нет (кроме как в названном смысле) никакого принципиального различия между современным литературным английским языком и богослужебным языком.

— *В русском языке — аналогичная проблема. Работая над последней редакцией своих переводов о. Георгий Кочетков тоже очень долго думал (я был свидетелем) и все же оставил звательный падеж в обращениях: «Отче наш», «Царю Небесный» и т.д. Сейчас невозможно сделать так, чтобы «Отец наш» или «Царь Небесный» звучало естественно и привычно...*

— Я думаю, это хорошо. Хотя, конечно, на этом основании нельзя оставить в тексте все те моменты, которые нуждаются в переводе. Но и отнимать у человека любимое и знакомое тоже печально и трудно. У нас, в переводе русской епархии, «Отче наш» осталось так, как это обычно звучит в Англиканской церкви со времени первых англиканских служб, т.е. с XVI века. В новом греческом переводе более дерзновенно: и «Отче наш», и «Символ веры» переведены, что труднее воспринимается, потому что люди привыкли именно к старым формулировкам, особенно в молитве «Отче наш», которая для многих является ежедневной молитвой. Может быть, без «Символа веры» можно обходиться ежедневно, а без «Отче наш» никто не может молиться. Так что мне кажется пастырски оправданным оставлять отдельные места в том виде, как они были.

— *Для ваших прихожан и для членов вашей епархии Православие больше связано именно с Россией или собственно с Христианством? Какие у них господствуют ассоциации, почему они тянутся к Православию?*

— Многие перешли не из неверия, а из какой-то другой веры, из другой церкви. Обычно это англикане, есть и католики, и протестанты. Поэтому иногда получается так, что они отказываются от своего прошлого, что жалко. Я всегда говорю такому человеку, который, скажем, приходит из Католичества: считайте это первоначальной стадией своей православной жизни, ни от чего не надо отказываться, но надо это сплестать со всем тем, что дается теперь. Прежний опыт — это богатство, от которого никак нельзя отказываться, надо использовать свое прошлое, оберегать, почитать его. Но не у всех это получается, и поэтому мало обращают внимание на экуменическое движение, на экуменические возможности в данной новой ситуации, когда они уже православные. В каком-то смысле они, может быть, даже не жалеют своих бывших собратьев в Англиканстве или в Католичестве, которым они могли бы помогать своим новым пониманием своего собственного прошлого. Но и наоборот, общение иногда выходит очень положительным и плодотворным, когда перешедший в Православие из Католичества имеет дело с католиками и т.д.

Например, есть один бывший член Католической церкви, выпустивший недавно перевод греческого текста литургии и других служб, целого молитвослова (мне даже кажется, что он бывший монах Католической церкви). Он — ученый, который отлично понимает историю, духовную жизнь и экклезиологию Католической церкви, поэтому он играет важную роль в межхристианских комитетах и диалогах. Я вместе с ним представляю Православную церковь в Совете церквей Великобритании. Он также представляет Православную церковь на заседаниях Англиканского синода, вернее, собора Англиканской церкви, который дважды в год собирается, чтобы обсудить текущие дела и принять нужные решения. Они по своей скромности и по своей щедрости приглашают и представителей других церквей, чтобы не только присутствовать, но даже и выступать от имени «соседней церкви». Он там и выступает, в частности, по проблемам

перевода. Сейчас идут большие прения, как лучше перевести Молитву Господню на английский язык. Недавно мы издали его статью, где сопоставляются и обсуждаются все возможные варианты перевода, сравниваются с подлинным текстом (конечно, он ссылается всегда на греческий подлинник), как лучше истолковать то или другое не только прошение, но даже каждое словечко. Так что имея опыт католической жизни, он является очень важным собеседником и для католиков, и для англикан, и для других.

И другие так же творчески могут относиться к другим вероисповеданиям. Как, например, епископ Каллист (Уэр), известный ученый, который живет в Англии. Он сам перешел из Англиканства в Православие и не забывает о своем англиканском прошлом. Он очень трезво и мудро может принимать разные решения по отношению к Англиканству и поэтому является ценным членом англикано-православного комитета по богословскому диалогу, в котором он уже работает три десятилетия, с самого создания этого комитета. Все это может не отвечает на ваш вопрос, это скорее о том, кто переходит и как они относятся к своему прошлому.

— Когда люди приходят или переходят в Православие, это связано для них с каким-то большим открытием, с более полным видением именно Христианства, или это больше связано с увлечением Востоком, Россией и т.п.

— Конечно, хотелось бы думать, что для многих это именно открытие полноты, завершение их христианского пути. И многие даже так говорят: «Я пришел домой, я нахожусь там, где в далеком прошлом находилась и моя церковь, которая откололась, отошла от Православия». По поводу Католичества это вполне законно, но и бывшие англикане часто так говорят: «Наконец, я понимаю, что у нас многое находилось в неразвитом, сокращенном, или задушенном виде». Так что да, для них Православие — это скорее обретение полноты, новой свободы и нового дерзновения. Но также это связано с неполноценностью того церковного быта и той церковной жизни, в которой они находились до сих пор.

Для многих это связано с реформами в церкви. Например, многие англикане перешли или начали думать о переходе в Православие из-за того, что было принято решение рукополагать женщин в священство. Для многих это был кризис. Конечно, мы с самого начала решили и говорили, что никто не может переходить в Православную церковь лишь из-за того, что у нас нет женщин среди священников. Это очень мелкий элемент во всей церковной жизни, и надо понимать всю полноту нашей еkkлезиологии, чтобы стремиться к Православию. Но надо сказать, что если даже это обстоятельство явилось начальным толчком для многих, то в конце концов оно привело к более полному пониманию христианской жизни и христианской еkkлезиологии, в том числе и православной, вообще.

То же самое — по отношению к католикам. Например, многие из них были встревожены реформами II Ватиканского собора: отнимался у них привычный церковный язык, лишались они как будто того абсолютизма в области духовной жизни и церковного управления, который раньше преобладал и который многих (не всех, конечно, и слава Богу, что не всех, но многих) устраивал. Так что многие, кто хотел придерживаться полноценной христианской жизни западного обряда (как говорили бы католики) без особенного труда нашли свой путь, поняли, что в православной церкви можно идти по тем же стопам иначе, употребляя уже другой богослужебный язык. Ведь учение отцов, понимание таинств, отношение к иерархии — во многом созвучно, если не идентично. Хотя терминология иная и постулаты иные, но, тем не менее, принципы одни и те же. Однако это в каком-то смысле являлось для них протестом против реформ II Ватиканского собора.

Надо сказать, что II Ватиканский собор принимал многие решения в духе Православной церкви и с помощью православных мыслителей, которые присутствовали на соборе по приглашению

папского престола, — и слава Богу. Но и после II Ватиканского собора, и даже из-за этого Ватиканского собора, тем не менее, переходили в Православие, потому что на соборе Православная церковь была показана с особой, новой, хорошей стороны. Вдруг и западные христиане поняли, насколько они ценят древнее церковное предание, от которого Православная церковь никогда не отказывалась и которое они, и в богослужебном смысле, а не только богословском, начали вновь применять и уважать из-за II Ватиканского собора. Так что этот Ватиканский собор не только дал возможность некоторым недовольным католикам перейти в Православие, но и тем, кто насытился Католичеством и понял нечто большее из-за своего проникновенного участия в католической жизни, дал и им возможность иначе понять и воспринять православную жизнь и поэтому примкнуть к Православной церкви.

Я говорю только о двух церквях. Хотя, может быть, большинство из наших новых православных переходит из этих церквей, но есть и протестанты, и квакеры. У нас есть один дьякон, который перешел в Православие из квакеров. И он тоже, как и католики и англикане, чувствует, что ему не надо отказываться от своего прошлого. Важные квакерские принципы, даже богослужебные и духовные, которые, может быть, ни только созвучны Православию, но еще и недостаточно созвучны реальным православным, можно применять в Православной церкви. Так что квакер приносит в Православие что-то ценное из своего прошлого и помогает нам лучше осуществлять принципы нашего же вероучения.

— Возвращаясь к разговору о богослужебном языке и о богослужении, скажите, насколько, на Ваш взгляд, православные англичане адекватно воспринимают наше богослужение и насколько они участвуют в нем?

— Это очень трудный вопрос, потому что относится к внутренней жизни каждого присутствующего на богослужении. До некоторой степени это связано с языком богослужения, понимают ли они его. К счастью, можно сказать, что большинство действительно понимает его. Также это связано и с тем, до какой степени церковь, т.е. данный приход, служит так, чтобы все было доступно, понятно всем присутствующим (конечно, я говорю о так называемых «тайных» молитвах).

Надо сказать, что наша русская епархия Московского патриархата очень осторожно пошла по этому пути. У нас никто не запрещает чтение «тайных» молитв на богослужении. Поэтому тем более жалко не пользоваться возможностью читать их вслух. Я безо всякого разрешения начал читать «тайные» молитвы, хотя бы на литургии, уже тридцать, может быть, сорок лет тому назад. И читал их вслух даже в присутствии высшего архиерея. Но он, хотя и считает, что это очень важный элемент, сам в своем соборе не пошел по этому пути, что как-то мешает и другим взяться за это дело. Все понимают, насколько это важно, многие даже, наверное, понимают, что это возможно, но не все идут по этому пути.

Как раз в греческой юрисдикции епископ Каллист, например, дает такой пример. Насколько я знаю, на его служениях «тайные» молитвы всегда читаются вслух. Но таких, скорее, меньшинство. Я не бывал на всех службах всех наших священников, но уверен, что есть те, кто регулярно, охотно и разумно, и внятно читает «тайные» молитвы вслух хотя бы на Евхаристии. Но это не решено соборно, о чем можно только сожалеть. Хотя в нашей свободной ситуации, т.е. свободной в том смысле, что есть такая готовность, возможность, жаль, что это не рекомендуется более определенно, и поэтому не развивается, хотя могло бы лучше развиваться. Так что в этом смысле мы немного ограничены. Но еще надо учесть, церкви у нас не такие уж большие. В них все читают, конечно, эти молитвы вслух, даже если и не громко, а в небольших храмах все слышно, если только кто-то стремится слушать «тайные» молитвы, несмотря на то, что одновременно идет какое-то церковное песнопение.

— Все ли здесь целиком зависит от священников? Миряне могут что-нибудь сделать и делают ли?

— Миряне могут оказать влияние своими замечаниями, своими рекомендациями. Они могут писать в церковной прессе. Я призываю к этому.

— И пишут?

— Нет. Такого движения нет. Свобода есть, но мало кто пользуется этой свободой положительно. Тут надо прибавить, что это тем более обидно, что в Англии, может быть, даже слишком много образованных членов Русской православной церкви. У нас очень мало простых людей, которые переходят в Православие, и мы часто об этом жалеем. Появился один священник с запада Англии (west country, как мы говорим), у которого очень роскошный местный акцент. И это большая радость, что человек из простой среды, без особого образования (кончил школу — и все) служит у нас. Обычно же у нас слишком образованные люди и подход к жизни культурный. А нужен бы более разнородный состав людей, чтобы обогатить нашу жизнь.

Жаль, что образованные люди не пользуются своими талантами, чтобы обсуждать все эти вопросы. А обсуждать может каждый. У нас есть епархиальное собрание, на котором представлен каждый приход и, сверх того, каждый член епархии может голосовать и за представителей епархии, которые работают отдельно от приходов (т.е. сами они — члены какого-то прихода, но, кроме того, могут быть и представителями самой епархии). Обычно собирается 40—50 человек. И повестка дня составляется по желанию всех участников, т.е. каждый может предложить какой-то пункт для обсуждения. Может быть, есть и моя вина, что я никогда не ставил этот вопрос открыто; на этом собрании можно было бы обсуждать, не обязательно решать, но хотя бы обсуждать этот вопрос.

Так что у нас есть свобода, у нас есть нужные люди, у нас есть возможность обсуждать эти вопросы, даже письменно. Мы издаем хороший епархиальный журнал, «Сурож», есть и другие журналы, в которых можно было бы обсуждать эти вопросы. Сам я редактор экуменического журнала «Соборность», в котором тоже можно было бы поместить статью по этому поводу. Но этого нет. Правда, лет 30 тому назад (может быть, и больше) владыка Антоний созвал группу интересных людей — ученых, священнослужителей, мирян, — заинтересованных в том, чтобы обсудить вопрос о возможных реформах в нашем богослужении, и предложил составить доклад о том, чем нам заниматься. Я составил доклад по этому поводу, еще один доклад представил второй священник. Но мы обсуждали только один доклад, мой же был забыт. А в своем докладе я как раз говорил о разных исторических переменах в нашем богослужебном порядке. Я предлагал разные возможные реформы, и одним из их элементов как раз был вопрос о «тайных» молитвах, чтобы они читались вслух. Я приводил слова императора Юстиниана, который бранил церковный народ за то, что молитвы читаются именно тайно (это было еще в VI веке или в начале VII века). Но почему-то этот доклад был забыт, и даже мною забыт. Я его никогда не публиковал. Была возможность пустить что-то в ход, но, опять же, все это кончилось. К сожалению, наши собрания редко повторялись и, в конце концов, завершились без особых плодов. Мы могли бы возобновить эти занятия, но не знаю, кто бы откликнулся. Можно сказать, что был хороший исторический момент, и мы его упустили.

— Вы говорите о таких возможностях, действительно, о такой свободе в церковных делах, которая нам здесь, в России, вообще говоря, и не снилась. И будь у нас такая свобода сейчас, еще неизвестно, что бы было. Иногда я думаю, что, может, и хорошо, что такой свободы сейчас нет: это заставляет нас постоянно ее искать и добиваться. Но почему эти возможности не используются в Англии? Может быть, это действительно не нужно, нет

духовной потребности? Скажите, почему ситуация теперь именно такая?

— Я думаю, что духовная нужда есть. Хотя человек может не знать, что у него есть такая потребность, потому что не знает, что есть такие возможности. Я думаю, что многие, если была бы дана им возможность так служить, может быть, пошли бы дальше и требовали, чтобы это все развивалось. Но тут есть, может быть, не только русский православный подход, в этом есть что-то чисто английское: есть свобода действовать так или иначе, но каждый осторожно, на свой лад и своим темпом берется за эти возможности. Это говорит о спокойности английского быта. Каждый «воз» может быть постепенным, осторожным и поэтому более богатым, в конце концов. Потому что никого не толкают, каждому дают возможность в свою очередь пустить в ход то или другое движение, те или иные мысли. Так что в этом подходе есть даже что-то похвальное.

Католики, между прочем, часто жалуются, что хорошие, иногда прекрасные реформы II Ватиканского собора проводились без всякого уважения ранее установленного порядка, т.е. слишком авторитарно. Они теперь пришли к решению, что подход к христианской жизни должен быть менее авторитарным. Для этого каждый епископ должен осторожно относиться к своей пастве, должен содействовать созданию разных епархиальных комитетов. И при каждом приходе должен быть комитет мирян, который помогает священнику принимать различные решения. Тем не менее, авторитарность, господствовавшая в старом порядке Католической церкви, имела свое влияние в методах проведения этих реформ. И многие люди были ранены этим, например, первоначальным полным запретом служить по-латыни. Только теперь католики пришли к более осторожному решению: время от времени каждый священник, который получает на это разрешение, может служить сколько угодно или насколько это нужно и на латинском языке, пользуясь старым обрядом. Но на первом этапе проведения этой реформы ничего подобного не было.

Оказывается, нельзя спешить и с хорошими вещами. Может быть, надо дать возможность каждому священнослужителю, приходу, приходскому совету, всем прихожанам постепенно находить свой путь, чтобы более прочно взяться за реформу, если таковая будет.

— *Отец Сергей, когда Вы говорили, что среди членов вашей епархии, перешедших в Православие из Англиканской или из Католической церкви, часто встречается проблема закрытости к экуменическому диалогу, хотя им и знаком опыт других церквей и они могли бы говорить изнутри и способствовать такому диалогу, я подумал, что мы тоже испытываем подобные трудности. Здесь, в России, мы тоже наблюдаем некоторые крайности. С одной стороны — это крайний изоляционизм, когда христиане других конфессий воспринимаются лишь как раскольники, отколовшиеся от Православной церкви. Об этом в свое время писала мать Мария (Скобцова). Эта идеология изоляционизма нам знакома еще по советскому времени, и теперь она открыто проявляется и в церкви, покуда в нее пришли те же зараженные идеологией люди, может быть, не совсем сознательно став христианами. С другой стороны, в попытке решить проблему исторических расколов быстро, сразу, есть стремление перешагнуть через все проблемы и, например, начать причащаться у православных и у католиков одновременно, не особо оглядываясь на то, как на это посмотрит остальная церковь. Есть, наверное, и другие крайности. Тем не менее, мы знаем, что Русская церковь довольно давно участвует в серьезном экуменическом диалоге, и она очень многого на этом пути достигла. Сейчас, слава Богу, государственные границы открыты, и мы имеем возможность общаться и с католиками, и с протестантами — хоть со всеми христианами. Каким образом следует вести себя, чтобы, с одной стороны, оставаться в рамках своей традиции, понимать все проблемы, которые здесь существуют — исторические, богословские и проч., а с другой, — чтобы быть*

открытым и к другим христианам, чтобы не бояться общения с ними?

— Мы говорим сейчас о российской ситуации?

— *О российской.*

— Я думаю, что наши неправославные христиане только и ожидают от нас, что мы будем проявлять себя вполне как православные, именно это ценно для них. Для диалога, для любых встреч ценно то, что мы в самом деле — представители подлинного Православия. Нам не приходится отказываться ни от чего или менять свои порядки для того, чтобы вступить с ними в настоящий диалог, — не обязательно богословский диалог на высоком уровне, но чтобы встретиться на простом уровне. А встречаться с ними мы можем и должны, потому что если мы представители Правды и Истины, если мы пережили присутствие Христа в нашей жизни, церковной и личной, как нам не делиться этим, как мы можем скрывать от них то, что у нас есть — дар Божий, который нам дается, ведь он посылается не только нам. Считать, что христиане других конфессий в каком-то смысле недостойны, что они за пределами всякого спасения, — это, конечно, не христианский подход, это не подход Самого Христа, Который, например, к язычнику сотнику обращался с полным доверием и уважением, как и к женщине сиропфиникиянке. Мир Христов должен быть доступен всем. Если мы — Его представители, то, конечно, мы не можем скрывать от других, таить дар для себя и только самим наслаждаться своим наследством, своим богатством. Дар Божий должен быть общим достоянием. Это — первый элемент, который должен быть в нашей жизни.

К тому же, как можем мы считать, что никакого Бога, никакого Креста у других христиан нет, что они откололись, и кончено дело? В этой связи я всегда припоминаю слова, которые приписываются часто осуждаемому митр. Сергию (Страгородскому), будущему патриарху Московскому и всея Руси, который, кажется в 30-х годах, говорил: «Мы отлично знаем, где находится Церковь Христова, но мы не знаем, где она не находится». Мы должны допустить, что она находится в сердцах и в церквях других людей. Разве Христос ограничен какими-то границами, порядками, каноническим правом? Поэтому Его можно искать и в чужих сердцах, в чужих юрисдикциях, в чужих традициях. Можно идти и дальше — в других религиях. Разве Христос хоть как-то не присутствует в Его родной религии — в иудаизме? В каком смысле Он отказался от иудаизма, будучи верным членом Своего народа и Своей религии при Своей земной жизни? И так же Его таинственное присутствие чувствуется, я уверен, в других религиях, которые мы меньше понимаем и меньше видим.

Это к слову о христианском экуменизме. Итак, если Господь там присутствует, может быть, есть и в чужих традициях люди и элементы, которые нам созвучны и ценны для нас, и о которых мы, может быть, забыли? Скажем, может быть, в Католической церкви найдутся элементы православного предания, о которых мы по историческим, научным и т.п. причинам, по незнанию или отсутствию литературы забыли. Так что мы должны быть готовы к живому диалогу с представителями других вероисповеданий, к тому, что и у них может быть тоже скрыта какая-то правда, какая-то истина.

Например, часто я это говорю и о квакерах. Это сравнительно не древнее движение, имеющее свои основы в XVII веке. Квакеры отказались от всех других вероисповеданий, считая, что их порядки и правила не созвучны с простым, подлинным христианством. В поисках подлинной религии квакеры отказались от всяких церковных порядков: у них нет таинств, нет служб, нет священнослужителей, так как они считают, что Бог доходит до каждого человека, что каждый есть носитель Святого Духа, имеет особую ценность, и поэтому каждый, крещеный или некрещеный (у них нет никакого обряда крещения), имеет особое достоинство как творение Божие. Был у нас один монах, старец, отец Лев Жилле, который жил в их среде два года,

занимался научным трудом. О. Лев любил и часто посещал их молчаливые богослужения (они особенно ценят молчание, как и наши исихасты ценили его), любил их быт, любил их честность и трезвость, и миролюбие (они пацифисты). Он даже говорил о себе: я квакер восточного обряда, — до такой степени он их ценил. Но не надо ценить только их, и он не только их ценил. И я не только их ценю, хотя знаю, что можно находить Божью правду и в их среде, и с такими результатами, что они нас самих будут вдохновлять и обучать чему-то очень красивому.

Вот это — замечательный плюс в экуменической жизни, где главное — это, может быть, не столько находить, сколько даровать, даровать все богатство православной жизни, которое у нас имеется. Но тем не менее, нужно ожидать таких же откровений и от чужих, иногда в общей молитве, не переступая никаких священных порогов. У нас в Англии никто из православных не причащается у католиков. Католикам же позволено причащаться у нас. В свое время даже и Священным синодом РПЦ это было позволено. Тем не менее, насколько я знаю, католики у нас не причащаются. Но может иметь место общение другого рода, не только когда мы занимаемся взаимной благотворительной деятельностью или обсуждением общих вопросов богослужебного или канонического характера и т.д. А просто, скажем, в молчаливом взаимном признании нашего общего достоинства. Это есть выражение христианской любви. Отказываться же от такой любви, считать, что католиков надо как-то наказывать, обучать, или как-то с презрением относиться к их прошлому и даже к их настоящему — это не плодотворно, но, кроме того, и не по-христиански, потому что в этом нет любви. А именно любовь должна определять наше отношение ко всем.

Многие экстремисты считают, что за пределами канонической церкви нет спасения. Но если за пределами такой церкви нет спасения, тогда и надо спасать тех, которые находятся за пределами церкви, спасать их от гибели, ведь тогда мы тем более несем за них ответственность. Тогда мы должны, в конце концов, отвечать за погибших, за их потерянность, за их блуждание.

Есть одно обстоятельство, которое может препятствовать экуменическим отношениям в российской среде: это давление со стороны государства и партии, чтобы Русская церковь занималась экуменизмом, особенно проявившееся начиная с 1961 г., когда РПЦ официально вступила во Всемирный совет церквей (ВСЦ). После войны ими же это было запрещено. Считалось, что это какая-то западная, даже империалистическая затея, и до некоторой степени это было так, ведь американцы считали, что это важное проявление западного мира. Вот и многие, кто участвовал тогда в экуменическом движении из западного мира, действительно примкнули к нему (это был тогда вообще в большой степени протестантский организм, тем не менее, я бы сказал, достойный, но ограниченный). В 1948 году Русская церковь отказалась от всякого участия в этом движении, но это было сталинское решение. А в 1961 году, уже после Сталина, было принято решение, что Русская церковь должна участвовать в этом движении. (Многие православные церкви тогда уже принимали в нем участие. Здесь стоит вспомнить отца Георгия Флоровского, который с момента основания ВСЦ играл в нем важную и красивую роль.)

Да, в 1961 году по разным нуждам КГБ и правительства Русской церкви разрешили участвовать в ВСЦ. Им этим можно было оправдать свое утверждение о наличии свободы религии в Советском Союзе, ведь в этом движении принимали участие наши представители хорошего характера и хорошего богословского уровня, и как будто свободно делали это. А вот теперь, после распада Советского Союза, многие оплакивают это решение, говоря, что оно было принято ошибочно под давлением партии и т.д., и поэтому, мол, нужно отказаться от экуменического движения вообще. Хотя те, кто был даже принужден вступить в движение, искренне, творчески принимали участие в нем. Конечно, никто не забудет участие в экуменическом движении митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, который,

в свою очередь, стал одним из президентов Всемирного совета церквей (хотя я, например, как раз хотел помешать этому его стремлению стать президентом).

Были и другие прекрасные люди, и они творчески и по-христиански принимали участие в этом движении, хотя как будто бы и не для того они были туда посланы. Из-за того, что была эта государственная (или партийная) роль в их работе, не надо считать, что все это должно быть теперь забыто, что надо отказаться от самой этой работы. Тем более, помня, что и многие другие православные церкви, тоже имеющие свое достоинство, свои глубокие корни и нужды, свой глубокий опыт, до сих пор всерьез участвуют в экуменическом движении. Есть и те (и Константинопольский престол первый из них), которые никогда не были под давлением никакой коммунистической власти и которые участвуют в нем охотно, добросовестно, бескорыстно и даже жертвенно. Тут также можно упомянуть Американскую православную церковь, которая свободна и творчески занимается вопросами экуменического движения.

— Но ведь есть еще и другая крайность. На Западе, или даже здесь, в России, православные часто видят хорошее, доброе отношение к себе, скажем, от католиков. Католики, конечно, их не гонят, на них не кричат, не шумят, не ругают их за то, что они православные. Внешне нет никаких проблем. И православные спокойно идут на диалог, что само по себе не беда, и даже слава Богу, что идут. Но некоторые из них при этом с ними причащаются, а католические священники их причащают. И часто никто не видит в этом проблемы. Что Вы на это скажете? Можно ли причащаться в таких ситуациях или нельзя? И почему?

— Это очень трудный и тонкий вопрос. И, конечно, он ставится, когда человек действительно признает всю полноту Католической церкви, признает то православное, что в ней есть, и пользуется, в обратном смысле, упомянутым позволением Священного синода РПЦ. Если католикам дается право причащаться у православных (в России хотя бы тогда это было), почему мы можем лишаться этого права, будучи у католиков? То есть если они достойны, когда подходят к нам причащаться, тогда и они сами все-таки представители той церкви, к которой и мы можем приступать.

Католики на II Ватиканском соборе, насколько я помню, получили право причащаться у православных, хотя разрешения у православных не получили. Но русский синод, как я сказал, принял такое решение и дал им разрешение.

В конце концов, этот вопрос до сих пор не решен церковной властью, и может быть, для того, чтобы высказываться по этому поводу, этого решения надо подождать. А то получится такое взаимное евхаристическое общение без полного общения двух наших церквей. А мы всегда говорим, что это полное общение на всех догматических и канонических основах должно предшествовать общему причащению, к которому все стремятся.

Вот, например, папа приезжает к патриарху или патриарх приезжает к папе...

— Или не приезжает.

— ...или не приезжает. Но, скажем, патриарх Вселенский приезжает к папе Римскому, — часто есть обмен чаш. Нет совместного причащения, но один преподносит в дар другому чашу — в надежде, что она в один прекрасный день станет для нас общей чашей. Так что у нас есть такое упование, есть такая предвидимая возможность. Но пока этот день еще не наступил, надо считать, и приходится считать, что для нас всех, для простых членов церкви (той или иной) этот момент еще не наступил. Нельзя его и предвирать. И к тому же, я бы сказал, нельзя его ускорить таким причащением в другой церкви, в чужой (покамест чужой) церкви. И тут — самый тонкий момент. Но некоторые считают, что таким общим причащением можно его

ускорить. Если один уже так причащается, то якобы это уже какой-то мост, который переходит в другую церковь, и который дает возможность и остальным переходить по этому мосту. Хотя он еле-еле держится, он все-таки пересекает какую-то пропасть, он есть. Так поступал, конечно, Владимир Соловьев, когда он приобщался в Католической церкви, оставаясь, как он считал, членом вселенской Церкви, только доказывая этим, что Западная церковь не лишилась вселенского значения, что, наоборот, он становится более полноценным членом Церкви вселенской. Так, может быть, поступают и иные люди, сознательно строя этот мост и уже переходя через него. Но это как с рождественскими подарками — они готовятся очень долго, осторожно, но скрываются до праздничного дня. Если ребенок уже открывает свой подарок накануне или за несколько дней до праздника, то что-то теряется в этом праздничном моменте. Может быть, и такое общее причастие еще слишком рано. Я вполне понимаю и принимаю достоинство тех людей, которые так причащаются, но для Тела Христова, а в конце концов мы говорим о Телесном Христовом, это опережает желанный и ожидаемый момент, когда это станет нормой, большой наградой и счастьем для всех. Я надеюсь, что этот день отлагается ненадолго.

Тут есть и другой момент. Если человек находится, как было сказано и Священным синодом, когда им католикам было дано право приобщаться у православных, в уединении, в опасном положении, в духовной нужде, как можно такого человека лишать приобщения св. Тайн? Скажем, русский человек, паломник, умирает в Риме. Нет никакого православного, не говоря уже о русском православном священнике, которого можно было бы найти в такой момент. Разве нельзя ему приобщиться у капеллана данной больницы в последний момент его жизни? Кто может его лишить этого? Имея в виду такие крайности (ну, и менее резко определяемые, — скажем, человек, в одиночестве странствуя и долго находясь в уединении от православных священнослужителей, чувствует крайнюю нужду в приобщении св. Тайн), по пастырским соображениям, мне кажется, это дозволительно, желательно и даже полезно. Это не предательство, не какой-то отход от православного предания и от православной жизни. И опять-таки, как может Христос как бы Сам сказать: не дотрагивайтесь до Меня, не желайте даже подходить ко Мне, Я в этот момент недоступен, потому что тот человек не той юрисдикции, не той формы веры тот, кто в данный момент вас приобщает.

— О. Сергей, я хотел бы, чтобы ответы на следующие один или два вопроса в основном были обращены к нашему Братству. Большинство из нас (наверное, в РПЦ сейчас большинство таких людей) пришли в Церковь в 90-е годы. Таким образом, духовный возраст людей относительно невелик. Так уж случилось (мы не выбирали), что мы были вынуждены сразу же, придя в Церковь, столкнуться с церковными проблемами, и как-то внутренне для себя их решать. И, конечно, это является серьезным искушением, когда видишь, что в церкви часто происходит то же, что и в мире: та же ложь, то же лицемерие. Иногда это воспринимается даже более остро, чем в мире. Как, по-Вашему, можно избежать этих искушений или преодолеть их, и при этом остаться в Церкви, остаться верным Богу, ближним и, кроме того, продолжать свою церковную и духовную деятельность?

— Это очень трудный вопрос, особенно для вас, в вашем трудном положении. Тут надо прибегать к разным элементам в собственном характере и в церковной жизни. Нужно развивать, насколько возможно, то смирение, которое является важным элементом в жизни любого христианина, что и есть особое выражение любви, уважение к ближнему, уважение и к начальству — тут должна быть тоже некоторая щедрость и даже любовь. Я иначе скажу: щедрость и любовь по отношению к самому начальству, которое не всегда в силах делать то, что даже ему, начальству, кажется справедливым или творческим, потому что есть разные причины политического, церковно-политического или социально-политического, характера, которые препятствуют иерархии, начальству действовать по-честному, по-христиански в полном смысле слова. Значит, можно их (начальников, иерархов) жалеть. И если жалеть, тогда

и принимать с терпением, со смирением то, что от них исходит. Но, конечно, надо и развивать в себе (и в конце концов, будем надеяться, во всей церковной среде) новое, т.е. забытое традиционное понимание того, что значит иерарх, что значит епископское, священническое или дьяконское служение в Православной церкви.

Вы сказали, что иногда находишь, что нет особой разницы между тем, что происходит в церковной и мирской среде. Может быть, есть одно объяснение этому: многие наши начальники (я говорю «наши» в смысле начальники в РПЦ) получили свое воспитание и даже свое назначение при советской власти, они имели особое одобрение от советской власти, потому что они были созвучны советской власти. Иногда это и сейчас в них действует, потому что человек, который воспитывался в те времена, подсознательно воспринимал некоторые начала, особенно начальнические навыки, привычки из советской среды, и теперь справляется со своими подчиненными так, как было положено тогда, как это было обычно. Об этом можно сожалеть, но об этом также можно молиться, чтобы это было постепенно изжито в РПЦ. В конце концов, время течет, и этого, может быть, в дальнейшем не будет, но надо всегда и самим стараться, чтобы этого не было. Если каким-то образом можно противодействовать тому, чтобы старое поколение архиереев назначало в этом смысле только себе подобных, это, конечно, нужно делать.

Но и к этому можно смиренно относиться, понимая, что есть исторические причины для некоторых теперешних проявлений такой властности или авторитарности в православной среде. Ведь надо помнить, что и вообще в православном мире есть ложные оправдания этой авторитарности. Есть и в совершенно свободных странах архиереи, которые принимают и применяют архиерейскую власть как будто они какие-то цари, как будто они похожи на светскую власть в том смысле, что имеют над другими абсолютные права. Например, в свободной по своей истории Греции, где я недавно был, есть такие архиереи, которые поступают очень властно, очень авторитарно, не советуясь со своим народом, и даже, в каком-то смысле, презирая его.

Презрение к церковному народу — это ужасно опасная тенденция в жизни любого архиерея, не только постсоветского. Я никогда не был и никогда не буду архиереем, но могу сочувствовать вам в этом. На днях я был на одном собрании, где запрещенный греческий архимандрит (это было не в Греции, а в Англии) жаловался на то, что у нас все архиереи, говорил он, — палачи. Это, конечно, преувеличено, и сам он был человек обиженный, но все-таки он это говорил о греках, как говорят это и о русских. Это не чисто национальный и не чисто политический вопрос. Речь идет об отношении к архиерейской власти, которое воспитывается и которое отражено даже в слове, с которым мы обращаемся к епископу: «владыка». Это слово очень опасное, которое неправильно передает ту кротость и любовь, которая могла бы быть и должна была бы быть у каждого архиерея, который, как это определил в давние времена, кажется, св. Григорий Великий, может быть, и поэтому должен быть, служителем служителей Бога. Пусть же это смиренное служение каждого иерарха будет тем, что мы ожидаем от него, что мы помогаем выращивать в церковной среде нашими ожиданиями, упованиями и молитвами. И пусть будет так, несмотря на все соблазны.

Конечно, властолюбивый человек, который становится епископом (даже архимандритом), может попасть в это искушение очень легко и очень надолго. И в конце концов, никто в его среде не станет его упрекать, поправлять или уличать, если он таков, потому что считается, что так полагается, что это и есть церковный порядок, что это традиция в церковной среде. В конце концов, каждый может стать Никоном или даже папой Римским, в старом понятии этого слова, т.е. абсолютным, беспрекословным начальником в данной среде, что ужасно опасно и антицерковно, потому что против всех любовных начал, против всякой любви. Это именно

антицерковно, потому что антисоборно. Мы же привыкли к тому, что определяющую и важнейшую роль в Церкви должно играть соборное начало.

— *Спасибо большое, отец Сергей. Но все-таки не одно ведь священноначалие грешит в церкви. Часто мы друг против друга грешим, более лично, чем это происходит во взаимоотношениях с церковной иерархией. Мы призваны жить вместе, но все мы не без греха, и это нужно уметь преодолевать. Каким образом здесь сохранять верность и Богу и друг другу? Каким образом продолжать свое служение в Церкви? Как в этих трудных церковных условиях жить?*

— Да, в протестантских кругах это делалось бы просто. Можно привести такой пример, как германская исповедническая церковь. Она откололась от Лютеранской церкви в гитлеровские времена и просто создала особую ячейку, можно сказать, свою церковь. Теперь, глядя в прошлое, мы видим, что это была подлинная церковь, хотя формально существовала тогда в расколе. А официальная церковь потеряла всякий вес и даже справедливо осуждалась после всего того, что произошло. Но это просто при протестантском понимании церковной организации. Я вам не советую и вы сами себе не советуйте такой раскольничий путь, хотя, конечно, и в православной среде бывают такие явления. В конце концов, Зарубежный синод является таким явлением. Они считают, что законным путем ушли из РПЦ, но ведь это было вопреки воле и желанию иерархии в РПЦ. Тем не менее бывают такие решения. Конечно, тогда появляется новый соблазн: отколовшиеся считают себя до такой степени справедливыми, верными и красивыми, что в этой среде торжествует особый род гордыни, что тоже очень плохо и опасно для церковной чистоты, даже когда кажется, что они откололись по совершенно справедливому и красивому причинам. Так что отколоться — это не решение.

Тут надо как-то бороться с самими собой, чтобы не идти по пути самоутверждения. Но также важно, чтобы вы не теряли своего достоинства, чтобы не отказывались от справедливых принципов, чтобы не побеждала чуждая или даже злая сила, которая направлена против вас. А ее побеждать можно любовью, вниманием и признанием достоинства тех, кто грешит против нас. Мы просим ежедневно, чтобы наши долги были оставлены, как и мы оставляем нашим должникам. Это совсем нелегко в ежедневном нашем поведении, но и, может быть, тем более — в делах общецерковных, юридических и законных, когда дело касается канонического права и когда как будто торжествует какая-то сомнительная сила. Не знаю, как ее определить. Но в конце концов это злая сила, т.е. неоправданная, несправедливая и противозаконная сила. Надо знать, что в конце концов всякое зло — это иллюзия. И все-таки ничто не может победить подлинную Церковь, Церковь Креста, Церковь Христа. Будет, может быть, победа, как и крестная «победа», этого мира, земного мира, но, в конце концов, восторжествует Крест, крестная победа, победа над смертью. Он — символ, или знак того, что то же самое может произойти в любой среде, когда и нас теперь побеждают темные и просто земные силы своей административной, денежной, имущественной мощью и т.д. Может произойти крестная победа!

Тут совершенно по новому ставится вопрос о противостоянии злу: не дипломатией, не законным, т.е. на основе канонического или даже мирского права, противостоянием, а таинственной (если ее можно так назвать) борьбой, таинственным противостоянием на основании моральной и духовной чистоты, которая никак не уязвима, даже при такой могучей, преобладающей и побеждающей силе, которая может быть у той или иной церковной или мирской организации. Но победа достигается путем страданий и испытаний, и даже через сомнение, которое возникает у человека, который борется со злом, но всегда с надеждой, что правда Христова победит, о чем свидетельствует и само наше крестное знамение. Христианство здесь испытывается как путь, и путь к победе. Даже если мы эту победу не испытаем в наши времена, есть наше потомство, которое, в конце концов, победит или увидит,

что побеждает праведная сила. Здесь важно помнить аскетическое правило: мы не должны сами измерять нашу праведность, нашу правду, наши деяния. Насколько я помню, есть такие слова у Феофана Затворника, что нельзя мерить себя. Я думаю, что в этом он основывался на более древних высказываниях. Если мы слишком присматриваемся и любимся своим подвигом, мы можем заболеть духовным нарциссизмом. Но принимать то, что происходит, и творчески выпрямлять свой путь вопреки злым обстоятельствам — это в наших возможностях. Хотя это и может привести к духовной радости, ничего такого не гарантируется, тем более, что мы не для того существуем, чтобы наслаждаться своими духовными победами.

Осень 1999 г.

[1] К сожалению, Устав Сурожской епархии до сих пор не утвержден Московской патриархией.

: Патрик де Лобье. ОСАННА В ИСТОРИИ

Экуменический и нехристианский опыт

Подобно тому, как евхаристическое воспоминание о Христе всегда включает в себя воспоминание о Его грядущем Втором пришествии, так и христианскую историю можно по-настоящему вспомнить, т.е. осмыслить, только под знаком Эсхатона, с точки зрения ее конца, ее итога. Часто наши эсхатологические чаяния оказываются своеобразным индикатором нашей веры, надежды и любви, как на ладони показывая устремленность нашего сердца и глубину познания нами тайны Христа и Его присутствия в истории. Это может касаться и исторической трагедии разделения церквей: часто наши подлинные различия становятся особенно отчетливо видны на этом эсхатологическом фоне, но часто именно на уровне эсхатологии мы должны искать и тайну нашего глубинного единства как христиан, т.е. Христовых людей, и основания для того, чтобы это единство стало, в конце концов, реальностью жизни. Это хорошо понимал Владимир Соловьев. Поэтому сегодня мы предлагаем нашему читателю познакомиться с главой из книги католического профессора, специалиста по христианской социологии Патрика де Лобье «Время конца времен. Очерк христианской эсхатологии», посвященный популярной сегодня на Западе эсхатологической идее «цивилизации любви».¹ Это достаточно необычный для нашего журнала материал, поскольку его публикацией мы хотим познакомить нашего читателя именно со спецификой католического эсхатологического видения, надеюсь, что это поможет нам как увидеть наши реальные различия, так и найти лучший путь к реальному единству.

Патрик де Лобье

ОСАННА В ИСТОРИИ*

* Patrick de Laubier. Le temps de la fin des temps. Essai sur l'eschatologie chretienne. Paris, F.X. de Guibert, 1994, chap. IV: L'hosanna de l'histoire, p. 134—166. Ангелы и люди задаются вопросом об особенностях времени конца времен, а ответ может дать сам ход истории, над которой властвует Иисус.

Идея цивилизации любви Почему мы придаем такую важность осуществлению, всего на миг, этого замысла Господа, создавшего человечество в пространстве между двух миров, миром ангелов и миром мертвой материи? Чтобы понять это, требуется иной подход, нежели прогнозирование, даже самое научное; а первый ответ дает молитва, которой Сам Иисус

научил Своих учеников: да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе! Существует целая литература о смысле этого пожелания: то предлагают чисто духовное и мистическое толкование, то воображают новый земной рай, навеянный миллениаризмом². В католической традиции есть взгляды, которые находятся вне этих крайних позиций. Нельзя априори отвергать современные свидетельства друзей Божьих, которым даны личные откровения. С 1966 г. декрет Священной конгрегации по распространению веры (Sub.n°58/16 A.A.S) разрешает публикации записей, относящихся к сверхъестественным явлениям, даже без санкции *Nihil obstat* церковных властей. Мы же будем пользоваться здесь только записями до 1966 г. Разумеется, эти записи не имеют для католиков такого же авторитета, как те, что принадлежат признанным авторам, отцам и учителям церкви, послушным Писанию, передача которого является миссией Церкви. Они были даны для того, чтобы их услышали, а не для того, чтобы их отвергли именем науки, использующей совершенно иные методы. Конечно, существует опасность необдуманного обращения с этими записями, так что они могут подменить для кого-то традиционное богословие и даже Писание. На самом деле, эти записи должны служить Писанию. Приведем запись Мари Севре (1872—1966) с прямыми указаниями. *В конце времен Я перенесусь (если можно так выразиться, ибо передо Мной все есть вечное настоящее время), Я перенесусь к Началу, и прежде, чем завершить Время, Я хочу использовать всю мою мощь Творца! Пусть скажут душам, что Я горю страстным желанием их увидеть, все вместе и каждую в отдельности, занятые разнообразными деяниями в бесконечности Моего Духа. Это будет апофеоз, который Я готовлю на земле, прежде чем завершить Время. Момент сосредоточенности души, даже среди толпы, необходим для того, чтобы Дух свободно мог поработать над нею, не важно где, не важно когда! Затем будет прекрасное обновление, словно всеобщий великолепный концерт, где каждая душа будет петь свою ноту, которой ее научит Дух Света и Любви, Дух божественных преображений. Пусть же души соберутся... пусть рассеют повсюду закваску внутренней жизни! Так приготовим мы великолепное и мирное время, когда всё на земле будет славить Меня, когда всякая тварь на земле обратится ко Мне, как избранные Мои обращаются ко Мне на небе! Я, Творец, Я хочу, прежде чем завершить Времена, Я хочу насладиться, на одно мгновение, Моим прекрасным, блистательным творением. Я хочу взглянуть на его красоту, прежде чем разрушить землю, которую Я образовал (прежде чем ее преобразовать, так как о разрушении, собственно говоря, речь не идет).*³ Этот текст надо воспринимать непосредственно, т.е. как частное откровение, которое предлагает нам ясное видение глубокого смысла цивилизации любви в историческом времени. Христос властвует над историей, поскольку Он всевластен. На каждой литургии происходит поразительное чудо, которое превосходит наше воображение: по слову священника хлеб становится Телом Христа, Бога. Паскаль отклонял возражение маловерного: если Он — Бог, то в чем же проблема? Покидая апостолов в день Вознесения, Он сказал им: Дана Мне всякая власть на небе и на земле (Мф 28:18); это значит, что Он может, с помощью тех, кто верит в Него, сделать то, чего мы не способны даже вообразить. На исполнение этого замысла могут уйти века и тысячелетия — мы этого не знаем. Однако это зависит и от людей. Народ Израиля, призванный покинуть Египет ради земли обетованной, мог бы пересечь пустыню за несколько недель, но когда посланцы Моисея возвратились после осмотра Ханаана, народ, охваченный страхом и безрассудством, восстал, и это обошлось ему в сорок лет блуждания по пустыне (Числ 14:33). Для христиан земля обетованная — это небо, но Царство Божье на земле, т.е. Церковь, новый народ Божий, должна, как и Христос, прийти к определенному исполнению изначального замысла Божьего, и текст, приведенный выше, дает некий ключ к нему. Все вещи сотворены не только Им, но и для Него, и если человеческая свобода выбора необходима для свершения замысла Божьего, то и Он достаточно силен, чтобы повернуть все к Своей славе на небе и на земле. В Евангелии есть знаменательный пример, который подкрепляет наши слова. Это замечательная сцена в Новом завете, рассказанная всеми четырьмя евангелистами: въезд Иисуса в Иерусалим как Мессии накануне Его страстей. Иисус въезжает в город верхом на

молодом осле, напоминая о пророчестве Захарии (9:9): Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. Евангельская картина, исполненная несравненного величия и кротости, представляет множество людей, срезающих ветви с пальм и выходящих навстречу Иисусу. Толпа выходит из Иерусалима и кричит: Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Евангелист Иоанн, описывающий эту сцену как свидетель, приводит в точности слова Захарии и добавляет, что в тот момент ученики не поняли ее смысла и что нужно было дождаться Воскресения, чтобы связь между пророчеством и увиденным стала для них ясна. Действительно, речь идет о событии огромной важности, потому что в этот день в Иисусе признали Мессию и царя Израиля. Замысел Божий словно очерчен на мгновение, перед тем, как переменявшаяся толпа поведет царя Иудейского на смерть на кресте. Раз Церковь должна прожить жизнь Христа, Телом Которого она является, то ей следует пережить в историческом времени этот особый момент, эту историческую осанну, которую мы называем «цивилизацией любви». Она станет возможной благодаря единству христиан, примирению Церкви и Синагоги, когда Евангелие будет возведено всем народам. Так исполнится Молитва Господня, которую христиане повторяют на протяжении веков, не понимая значения этой необыкновенной мольбы. Смысл исполнения плана Божьего, намеченного на время конца времен, определяется не благоденствием примиренного человечества, собирающего плоды своих трудов, ни даже тем, что этот период может стать подготовкой к последующим испытаниям; он определяется прежде всего важностью осуществления того, что было задумано и создано Богом как совершенное и что было отчасти разрушено восстанием твари. Вербное воскресенье — это своего рода Богоявление, в определенном смысле столь же важное, что и в момент Крещения в Иордане или во время Преображения. Это проявление замысла Бога, который осуществляется на деле при стихийном участии толпы, сопровождающей Его въезд в Иерусалим. Еврейскому народу принадлежит здесь особая роль, поскольку Христос — Царь Иудейский. В историческом плане роль еврейского народа, собравшегося в Иерусалиме после рассеяния по миру, означает примирение, открывающее перспективу эры всеобщего братства, о которой Г. Сабан (G. Saban) говорил папе Иоанну Павлу II. Конечно, можно сомневаться в том, стоит ли относиться к этой перспективе иначе, как с верой и надеждой, как это делал о. Сергей Булгаков, или же отвергать любую идею подобного рода и даже осуждать ее как ложную, по примеру К. Барта⁴. Католический подход нашел свое конкретное выражение в социальном учении, раскрытие которого со времен отцов церкви и до наших дней дает надежду на осуществление того, о чем оно говорит. Поэтому надо обратиться к этим текстам, постоянно дополняемым новыми документами, в частности, исходящими от ватиканского Мажистера, для того, чтобы проследить этапы зарождения цивилизации любви. Утопия — это неосуществимая мечта, она может стать мифическим планом масштабного проекта, ведущего в «светлое будущее», которое странным образом омрачается по мере приближения к нему. Христианское социальное учение, в особенности социальная доктрина важнейших энциклик последних столетий, — это нечто совершенно иное. Речь идет об орудии, которое работает на сверхъестественный конец человечества. Рациональный аспект этой доктрины затрагивает собственно человеческую сторону, тогда как пророческий ее план превосходит чисто человеческие возможности. Другими словами, социальная доктрина церкви дает нам структуру цивилизации любви, но этой структуре нужна душа, и ее даст Дух Святой, действующий через упомянутых уже нами апостолов последних времен. Затем наступит примирение между христианами, которые станут едины, и иудеями, которые выйдут из Иерусалима навстречу Христу и вернуться туда вместе с Ним, по пророчеству Захарии. В 1913 г. папа Пий X торжественно отметил годовщину Миланского эдикта (313 г.), позволившего христианам исповедовать их религию после трех веков преследований. Кто мог вообразить себе подобную перемену в пользу христиан? Конечно, Римская империя не стала тут же новым Иерусалимом, она, впрочем, никогда им не стала, но родилась цивилизация, основанная на христианстве,

христианский народ, отличный от Церкви как таковой. Церковь выше любых цивилизаций, однако она может по ходу истории передавать им свой дух, прививая христианские ценности. Это же относится и к цивилизации любви, о которой мы здесь ведем речь, но на ней благотворно отразится духовное созревание, которое продолжается уже два тысячелетия. Не напрасно страдали и трудились святые, нередко отличавшиеся исключительным талантом и к действию, и к состраданию, который продолжал жить в их сочинениях и в их учениках. Для Огюста Конта большую часть человечества составляли мертвые, и он хотел оживить ушедших, взывая к их памяти. Христиане не довольствуются просто воспоминанием, и даже до ожидаемого ими воскресения существует реальное присутствие, своего рода духовная парусия великих живых, какими являются для них святые. Позитивистское сознание довольно часто переходит, как и сам Огюст Конт, от самого крайнего рационализма к самому поразительному иррационализму. Подобные черты встречаются и у Маркса. Эти два выдающихся наследника эпохи Просвещения изначально отвергли сверхъестественное и заменили его утопиями, которых и в самом деле нигде не найти. Так возникла атеистическая цивилизация, и в недрах ее скрыто отчаяние, пусть даже она пытается у нас на глазах, теряя свою душу, завоевать вселенную. Общество составлено собранием личностей, устремления которых проявляются в фигурах политических лидеров и гениев культуры и религии. Пытаясь найти олицетворение общества, которое имеет отличительные черты и выражает их в конкретных индивидах, Макс Шелер говорил об обычной личности, а Дж. Робинсон — о корпоративной личности. Когда святые достаточно многочисленны и влиятельны для того, чтобы обычная личность почувствовала их силу, то это приводит к удивительным превращениям. На языке религиозном это называется «заступничеством», на мирском языке говорят о «людях, имеющих влияние». Пойдем далее. Христос завоевал мир, а зло оставлено для того, чтобы стало возможным высшее благо, для которого не существует препятствий; даже социологические и психологические горы можно сдвинуть с места и сбросить в море: И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите (Мф 21:22). Сначала она может быть лишь с горчичное зерно; так чаще всего и бывало в бесчисленных делах, на которые подвигала благодать на протяжении веков, начиная с создания Церкви, представляющей из себя сегодня внушительный лес разнообразных начинаний и учреждений. Добавим, что этим свершениям непременно угрожает упадок, как только порыв, их породивший, исчезает. То же случится с цивилизацией любви, не предназначенной для вечности, как и все, что существует в историческом времени. Вернемся к аналогии с торжественным въездом Христа в Иерусалим: через несколько дней после этого события Он вновь туда вернулся, чтобы подвергнуться оскорблениям и быть приговоренным к смерти. Так и цивилизация любви придет к конечному испытанию, возвещенному и пережитому Христом. Его Царство не от мира сего, хотя Ему дана вся власть на земле и на небе. Итак, цивилизацию любви надо ждать не как конечное достижение, а как приготовление к концу истории, который переходит в вечность. Это необходимо уточнить, если мы не хотим создать христианскую утопию в дополнение ко всем прочим. Как Царь Иудейский отказался от короны палестинского царька, которую хотел ему дать насытившийся народ, так и сыны Божьи призваны благодатью не менее чем к принятию божественности Того, Кто принял наше человечество (молитва на причастии).

Исторический аспект Чтобы прийти к цивилизации любви, надо не только верить и надеяться, но и как-то представлять ее себе. Этим можно приблизить ее наступление, даже если такое содействие есть условие необходимое, но никак не достаточное. Мы отметили, что социальная доктрина церкви выдвигала идеи, которые могли бы составить основу цивилизации любви. Но хотя доктрина может указывать направление движения, она не может продемонстрировать воплощение этих идей в истории. Для начала мы обратимся к истории, чтобы посмотреть, были ли в прошлом конкретные случаи, благодаря которым наши рассуждения опирались бы на факты, а не только на гипотезы. Обращение Константина и царствование Карла Великого считались в Средние века исключительно важными моментами воплощения Царства Христова

на земле, как на небе. Однако, если и есть период, о котором можно говорить как о несомненном успехе в укоренении христианских идеалов на земле, то это XIII век: исключительные успехи папства, создание нищенствующих орденов и великой схоластики; св. Фома Аквинский и св. Бонавентура преподают в Сорбонне, недалеко от Венсена, где Людовик Святой отправляет правосудие. Историки сходятся во мнении относительно выдающихся достижений западной политики, социальной жизни и культуры в эпоху, когда каменные готические соборы на века запечатлели память об этом редком равновесии под знаком христианской религии. Византийская цивилизация, выглядевшая столь внушительно в тот момент, когда Запад находился в железном веке, в состоянии, близком к варварству, не достигла такого равновесия, и все величие ее тысячелетнего существования было сконцентрировано в основном в столице, а не в объединении народов, как на Западе. А подчиненное положение религиозных властей по отношению к власти политической напоминает, скорее, о древних империях, нежели о нововведении христианства: кесарево кесарю, а Богово Богу. XVI и XVII века на Западе, несомненно, тоже являются исключительными во многих отношениях, но религиозный раскол, происшедший в этот период, разрушил то, что могло бы стать эпохой цивилизации в христианском духе в Старом и Новом свете. Религиозные войны, зарождение национализма, картезианский дуализм — сколько разных движений возвести расколы, определившие характер пост-христианского Нового времени, который в окончательном виде проявится в XIX и XX веках. Европа XIII века отличается прежде всего иерархией ценностей, которая отводит духовности роль регулятора в системе общественных отношений. В таких институтах, как папство, империя, а также монархии, независимые от немецкой Священной Римской империи, политический и религиозный аспекты различались де-юре и де-факто. В Византии, как мы заметили, этого различия не существовало, а в эпоху барокко в Европе появляется принцип разделения и даже противопоставления сфер политики и религии, характерный для новой истории. В XIII веке духовность занимала столь важное место в обществе благодаря глубоко христианскому взгляду на политику, самым ярким представителем которого был Людовик Святой (1214—1270), а необычная судьба германского императора Фридриха Гогенштауфена (1194—1250) ознаменовала временный крах господства политического начала над религиозным. Другим важнейшим элементом стал расцвет университетов, независимость которых гарантировала папская власть. В Париже, где «пекся хлеб христианства», университет пользовался высоким авторитетом благодаря выдающимся святым Фоме Аквинскому и Бонавентуре. Священство, политика и культура — эти три столпа средневекового общества — находили людей, способных внести в них подлинно христианский дух, а также страстность, которая позволяла ему воплотиться. Этот короткий период словно установил хрупкое равновесие разума, поддерживаемого верой. Начиная со следующего века здание будет сотрясаться на всех уровнях: внук Людовика Святого Филипп IV Красивый восстает против Бонифация VIII (Анани, 1303), Вильгельм Оккам (1297—1349) вводит номинализм, а ректор Парижского университета Марсилий Падуанский пытается учредить новый цезаризм, который выльется впоследствии в тоталитаризм. Эта переоценка ценностей, питавших XIII век, оказалась поворотным моментом в тысячелетней истории христианства, которое от этого уже не оправилось. Как удалось достичь этого в XIII веке, и какие силы обеспечили этот краткий успех? Следует сказать, что эти свершения стали возможны благодаря расцвету подлинной святости в рамках мирского существования. Святые были во все времена; даже в ходе самых серьезных кризисов церкви мы видим выдающихся святых. Но в XIII веке святость распространяется, если можно так выразиться, на всех уровнях общества и во всех сферах деятельности. Религия становится живой реальностью среди политиков и интеллектуалов. Хорошо известная жизнь Людовика Святого и труды великих схоластов не являются результатом какой-то случайности. Существует определенное соответствие между политическим и культурным обликом общества и религиозностью народной души. Королем считается прежде всего Христос, и формула церемониала помазания королей Франции совершенно однозначна: Да утвердит тебя Иисус

Христос, Господь наш, Король королей французских, на этом королевском троне и да возьмет тебя править вместе с Собой в Царстве вечном⁵. Св. Бонаventura полагает, что разделение полномочий между духовной властью (папством) и властью преходящей есть следствие первородного греха. Христос, Который по праву является и Царем мира преходящего, отказывается от этой власти, пока полное восстановление мирового порядка не сделает Христа Царем, обладающим всей властью. Этот идеал объясняет теократические устремления, например, Иннокентия III. Папы не претендовали на земную власть во всем мире, но считали, что Христос назначил Петра и его преемников обладателями всей полноты власти, земную часть которой они передают в ведение мирянам под опекой духовных властей. Этот приоритет духовного начала существовал очень недолго и с XIV века превратился в воспоминание, хотя папы продолжали на него ссылаться. Есть здесь уникальный опыт, который, несмотря на всю его непродолжительность и несовершенство, заслуживает упоминания. В конце XIX века к этой идее вернулся Вл. Соловьев, различавший в средневековых устремлениях папизм и папство. Он тоже подчеркивает полноту царской власти Христа, Которому дана вся власть на земле и на небе, и ожидает земного воплощения Царства, названного им «свободной теократией», с признанием верховенства духовного над земным. В XIII веке имеются в избытке и мрачные стороны, идет ли речь о грубости нравов, об инквизиции, о еврейских гетто или бесчинствах во время крестовых походов. Христианский народ в XIII веке состоял из грешников, и в наступившем вскоре крушении проявилась старая причина — развращение нравов. Данте, призывая в «Монархии» (1311 г.) германского императора освободить Италию, объединить христианские народы и отделить политику от религии, анализирует историю провала. Отметим, однако, что великий поэт просит кесаря обращаться к Петру с почтением, с каким старший сын должен обращаться к отцу, чтобы просветленный отцовской благодатью, он осветил земной шар лучами высшей добродетели, для чего он и поставлен Тем Единственным, Кто управляет всеми вещами духовными и земными⁶. Близящаяся цивилизация любви, результат встречи изобилия благодати и свободного общения людей, наученных столькими испытаниями, должна усвоить уроки истории. Политика есть одна из высших форм человеколюбия, а культура определяет общественное сознание на протяжении целых эпох. Только благодаря святым станет возможно изливание Духа на современное человечество, материально объединенное средствами коммуникации, но в остальном разделенное более, чем когда-либо. Иоанн Павел II продемонстрировал в Ассизи и вообще в ходе своих многочисленных поездок, как он видит свою роль посреди религий и народов, разделяющих сегодняшней мир. Но мир кажется таким далеким от идеала цивилизации любви, что она рискует показаться еще одной утопией, ведущей к новым иллюзиям. Отчаяние нашего мира очень человечно; христианские чаяния гораздо глубже и в этом мире, и в мире ином, несмотря на гонения: А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный (Мф 14:24). Затем, между тремя и шестью часами утра, посреди ночи, Иисус приходит по водам и говорит им: «Не бойтесь» (Ин 6:20). Тогда Петр выходит из лодки, тоже ступая по воде, а потом пугается из-за маловерия. Иоанн указывает, что апостолы собирались принять Иисуса в лодку, но тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли (Ин 6:21). Мы в том же положении, что и апостолы; можно представить себе, как смешались их мысли и планы с появлением Иисуса, Который успокоил море и положил конец плаванью. Он требует от близких лишь доверять Ему. Надо признать, что с человеческой точки зрения современные условия неблагоприятны ни для Церкви, ни для установления цивилизации любви, — ветер противный. Но нельзя и просто смотреть на небо, как апостолы сразу после Вознесения, до того, как им сказали, что сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо (Деян 1:11). Значит, говоря о цивилизации любви, надо думать и о непредсказуемых событиях, которые могут привести к тому, что сегодня и вообразить невозможно. Только упомянутые выше знаки могут служить нам ориентиром, но ведь мы говорим о надежде, а не о вероятной эволюции. Вероятность движется в том же направлении, что и ветер, противный Церкви. Действие — лишь одна из форм необходимой реакции, а есть также молитва и вообще

вся духовная и мистическая жизнь, представляющая собой, в конечном счете, суть человеческого вклада в творение Божье. Исключительная важность осуществления на земле, в историческом времени, замысла Божьего, изначального плана, разрушенного грехом, практически недоступна нашему пониманию. Как правило, мы не придаем этому особого значения. Христианская вера возвещает нам вечную жизнь, которая превосходит все, что человек способен себе представить: видеть Бога таким, какой Он есть. Однако Иисус молился своему Отцу: на земле, как на небе. Говоря о желании включить замысел Божий в историю, приведем для примера поразительный текст из письма Маргариты-Марии Алакок матери-игуменье Сомез (июнь 1689 г.), касающийся двора Людовика XIV: У Него есть величайшие замыслы, которые могут исполниться лишь благодаря Его всемогуществу, способному совершить все, чего Он пожелает. Итак, Он хочет, как мне представляется, войти со всей пышностью и торжественностью в дом принцев и королей, чтобы Ему оказали там почести в меру того, как Он был оскорблен, обижен и унижен во время Страстей, и чтобы, глядя на великих мира сего, униженно склонившихся перед Ним, Он получил удовольствие в меру той горечи, какую Он чувствовал, будучи брошен к их ногам. И вот какие слова я услышала о нашем короле: «Скажи старшему сыну Моего Священного Сердца, что поскольку его земное рождение свершилось благодаря поклонению благим делам Моего детства, постольку он обретет свое рождение в благодати и в вечной славе, посвятив себя самому Моему божественному Сердцу, которое хочет восторжествовать над его сердцем и тем самым над сердцами великих мира сего. Он хочет царствовать в Своем дворце, быть изображенным на Своих знаменах и выгравированным на Своем оружии, чтобы они победили всех Его врагов, повергнув к Его ногам их горделивые и спесивые головы, чтобы Он восторжествовал над всеми врагами святой Церкви⁷. Некоторых смутило то, что показалось им смесью (исполненной пафоса) политики и мистики, со всей ее потенциальной опасностью. И действительно, в XX веке послание из Паре-ле-Моньяля подчас использовалось в частных интересах. Однако письмо — перед нами, и оно показывает нам, что Христос, говорящий с женщиной-мистиком, желает, чтобы двор оказал Ему почести и обещает принять участие во внешней и внутренней политике Людовика XIV при условии ее полезности для Церкви, для которой Франция — старшая дочь, а ее король — старший сын. При Людовике XIV просьба эта не была исполнена; на нее откликнулся Людовик XVI, когда в августе 1792 г. его отправили в Тампль. Было слишком поздно: просьбу следовало исполнить в королевском дворце, а не в тюрьме. В 1925 г. энциклика *Quas Primas* по-своему сформулировала просьбу Христа к Маргарите-Марии. Приведя текст Льва XIII (*Annum Sacrum*, 25 мая 1899 г.) о том, что империя Христова охватывает все человечество, будь то христиане или нехристиане, энциклика заявляет, что не только отдельные люди, но и целые сообщества призваны признать царскую власть Христа, и далее утверждает, без каких-либо уточнений, что главы государств не смогут отказаться от оказания публичных почестей — от своего имени и вместе со своими народами — в знак уважения и преклонения перед верховной властью Христа; сохранив при этом все свои полномочия, они будут, таким образом, трудиться ради развития и процветания своих народов... Если бы люди признали царскую власть Христа в своей частной жизни и в государственной, то все общество непременно получило бы невообразимые блага — законную свободу, порядок и спокойствие, согласие и мир. Надо подчеркнуть тот факт, что это удивительное увещание обращено ко всему человечеству, а не к монархистам, тоскующим о связи между тронem и алтарем. Как известно, в следующем году движение *Action française*, которое в духе позитивизма проповедовало возврат Франции к монархическому строю, было подвергнуто безоговорочному осуждению. Таким образом, праздник Христа-Царя установлен для того, чтобы приготовить всемирное царство Христово в сердцах, умах и плоти. В заключение папа добавляет, что Богу угодно,.. когда люди, живущие вне Церкви, ищут и принимают ради своего спасения легкое бремя Христа. В этот момент пришел к власти Муссолини, Сталин укреплял свои позиции после смерти Ленина (1924 г.), а вышедший из тюрьмы Гитлер только что опубликовал *Майн кампф*. Все решилось менее чем за десять лет. Призыв Пия XI не нашел отклика, и вскоре на мир

обрушились незабываемые и ужасающие катастрофы, а для начала — экономический кризис 1929 г., который обрек на безработицу миллионы трудящихся. Энциклика *Quadragesimo anno* (1931 г.), можно сказать, дополнила *Quas Primas*, определив принципы евангельского учения и, в ряде случаев, конкретное их применение. Во избежание противоположных крайностей либерализма и социализма была даже предложена определенная форма негосударственного свободного корпоративизма. Но в условиях тяжелого кризиса реформа в этом направлении была уже маловероятна. Шесть миллионов немецких безработных вскоре последовали за новым канцлером, который решил проблему, дав Германии работу в рамках подготовки к войне; в это же время в Москве в ходе Больших процессов уничтожались противники Сталина, получившего абсолютную власть. Именно в этих условиях Маритен в своем знаменитом труде *Подлинный гуманизм* (*L'humanisme integral*, 1936 г.) предложил конкретно-исторический идеал светского христианства: Мы полагаем, что исторический идеал нового христианского народа, нового христианского земного уклада, будучи основан все на тех же принципах, что и средневековое христианство, должен включать светскую христианскую концепцию, а не сакральную христианскую концепцию земного уклада⁸. Развивая эту идею, Маритен настаивает на плюрализме, на самостоятельном значении земного и общественном характере нового христианства. Автор подробно изучает возможности ее осуществления и подчеркивает необходимость использования чистых средств, которые должны быть очень простыми. Война разбила эти надежды, а наступившая затем холодная война разделила мир на два лагеря. Только с приходом папы Павла VI конкретно-исторический идеал, основанный на христианских принципах, обретает имя «цивилизации любви», а социальное учение Иоанна Павла II постоянно развивает возможности, заложенные в этой идее. Последняя обширная энциклика — *Centesimus annus* — так определяет вклад, который может внести церковь: У церкви нет своей модели. Подлинные и действительно эффективные модели могут зародиться только в рамках определенных исторических ситуаций благодаря усилиям всех ответственных лиц, которые занимаются конкретными проблемами во всех их видах, в социальной, экономической, политической и культурной сферах, тесно взаимосвязанных между собой. Учитывая эти проблемы, церковь предлагает в качестве необходимого идеального ориентира свою социальную доктрину (43). Итак, не следует ждать от церкви описания общества завтрашнего дня, пусть даже вдохновленного христианскими идеалами, однако социальная доктрина церкви обеспечивает точную настройку, безошибочный выбор направления на основе естественного закона и Заповедей блаженств. Что мы понимаем под естественным законом? Он противоположен закону джунглей, подчиненному чистому инстинкту, тогда как естественный закон подчинен разуму. Понимание естественного закона отчасти субъективно, оно дано сознанию непосредственно, через наши задатки и восприятие главных принципов: делать добро, уклоняться от зла; с другой стороны, этот закон проявляется в самой общественной жизни и истории, показывающих губительность определенных действий для цивилизации. Заповеди блаженства восхваляют то, чего мир совершенно не ценит: бедность, кротость, чистоту и т.д.; тем не менее, это первоосновы, которые делают общество человеческим еще до того, как сделать его христианским. Эти замечания не вполне отвечают на вопрос о реальной возможности возникновения такого общества в мировом масштабе. Мы не знаем, как осуществится замысел Божий; он является предметом наших надежд. Однако в противоположность утопии, представляющей из себя человеческую идею без шансов на воплощение, христианское ожидание цивилизации любви основывается на Духе Святом, способном все совершить, не ущемляя человеческой свободы, которая должна содействовать осуществлению замысла Божьего. Когда под влиянием Параклита люди, по отдельности или в составе какого-либо сообщества, открывают божественное в самих себе и в своей жизни, они могут освободиться от самых разных зависимостей, возникающих, главным образом, из-за материалистических основ мысли, практической деятельности и ее методов. В наше время этим основам удалось проникнуть в самое сердце человеческое, в святилище сознания, куда Дух Святой непрерывно изливает свет и силу новой жизни в меру «свободы чад Божьих».

Зрелости человека в этой жизни препятствуют условности и давление, оказываемое на него структурами и механизмами, господствующими в различных сферах общества. Можно сказать, что во многих случаях социальные факторы отнюдь не способствуют развитию и раскрытию человеческого духа и приводят к отрыву его от истинного смысла его существования и его жизни — о которой заботится Дух Святой — и к его подчинению «князю мира сего»⁹. Этот замечательный текст показывает, что проблема заключается именно в темноте нашего мира и что наш скептицизм связан с материалистической обстановкой, мешающей верить и надеяться на силу Духа Святого, как жаловался Серафим Саровский. Далее энциклика утверждает, что в великом юбилее 2000 года содержится идея освобождения через вмешательство Духа Святого. Как сказать еще яснее о том, что цивилизация любви возможна и что она будет творением Бога и Духа Святого, призываемого и действующего на каждой Евхаристии? Христианский ответ на бесконечные возражения, которые ссылаются на разум и историю, на опыт современности и психологию, сформулирован в терминах веры и надежды, с опорой на тысячелетнюю традицию церкви и ожидание исполнения молитвы Сына Божьего: да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Для одних это ожидание цивилизации любви является иллюзорной и материалистической формой христианской надежды, для других — побегом в спиритуализм, уклонением от поступка. В обоих случаях мы рискуем впасть в то же заблуждение, что и современники Христа, ожидавшие блистательной эры, прихода Мессии, который вступит во владение Своей империей. В действительности речь идет о кратком периоде благодати в историческом времени, об одном из плодов Царства Божьего, которым является Церковь, неразделимо духовная и институциональная, видимая и невидимая. Этот исторический период благодати готовит наступление конца истории и мира как такового. Христа во время торжественного въезда в Иерусалим приветствовали как Сына Давидова, словно показывая, как Израиль должен встретить Мессию. В конце времен наступит период мира, показывающий, каким должен быть отклик нового народа Божьего после стольких веков евангелизации. Это одно из значений праздника Христа-Царя, учрежденного Пием XI в 1925 г. (Quas Primas). Такая перспектива представляется необходимой для развития социальной доктрины церкви, так как ей грозят две опасности: либо рационализм, который учитывает лишь то, что предсказуемо с человеческой точки зрения, и не занимается сверхъестественным концом времен; либо глобальное знание, которое ради краткосрочных целей отказывается от христианских ожиданий и тоже не занимается сверхъестественным концом времен. Цивилизация любви, как мы ее здесь понимаем, целиком устремлена к этому концу и занята конкретной его подготовкой, ожидая от благодати осуществления того, что людям кажется невозможным. Рационализм и глобальное знание представляют собой элементы Нью эйдж, тогда как цивилизация любви есть плод истории Церкви, иначе говоря, истории Царства Божьего на стадии странствия. В тот момент, когда рационализм вновь входит в силу в самых различных формах, христианское учение выступает в защиту разума, признавая его границы и укрепляя его верой. Ведь сегодня одним лишь разумом невозможно обеспечить приход цивилизации любви. Человечество выглядит неспособным сопротивляться одолевающим его страстям. При этом надежда на мир и справедливость на земле является требованием разума, а мнение о ее неосуществимости в истории справедливо, если иметь в виду только человеческие возможности. Цивилизация смерти, развивающаяся на наших глазах, имеет определенную логическую основу, в том смысле, что она обуславливает наше поведение. Христианство, как религия спасения, не подчиняется никакому историческому детерминизму и возвещает немислимое, т.е. не что иное, как стремление воплотить цивилизацию жизни при помощи благодати не только в сверхъестественной, но и в обычной жизни. Человечество состоит не из обреченных на смерть, а из живых, которые всегда могут сделать выбор между цивилизацией жизни и цивилизацией смерти.

Духовный аспект Через три века после Пареле-Моньяля женщина-мистик из Польши, сестра Фаустина (1905—1938), недавно причисленная к лику блаженных (1993 г.), передала

милосердное послание о последних временах, которое заслуживает всяческого внимания¹⁰: Это знак последних времен. За ним последует Судный день. Сестра Фаустина получает указание написать икону Христа Милосердного, чтобы воплотить эту благодать. На протяжении всего ее дневника мы сталкиваемся с необычайно страстным призывом, с заветом Милосердия перед наступлением Судного часа. Мы не способны рассчитать и взвесить ни то, ни другое, мы можем только верить, и это доверие может добиться чего угодно от сердца человеческого, и притом на земле. Цивилизация любви есть плод Милосердия. Избыток зла вызвал первый потоп, водный; второй потоп, потоп милосердия, будет огненным. Видимые политические и социальные структуры цивилизаций неотделимы от внутренней жизни духовного универсума, который представляет собой всякая личность. Когда мы говорим о цивилизации любви, мы имеем в виду и великолепие, сотворенное Святым Духом, Духом Милосердия. Это таинственное соответствие между духовностью и чувствами связано с воплощением. Цивилизация любви взывает к Милосердию, вестником которого стала, вместе с другими, сестра Фаустина. К тому же, заявляя, все вместе, об ожидании цивилизации любви, мы обретаем то высочайшее выражение человеколюбия, которое включает и саму политическую жизнь. Человечество едино, Церковь едина, и всё собрано в Теле Христовом, поскольку Сын Божий обручился с человечеством: Вы берете на себя смелость называть Меня своим супругом, — слышит голос Мари де Валле. — Это вовсе не смелость, — отвечает она. — Погодите немного, я мигом покажу Вам, как Вы обручились со мной на кресте: удары молотка были звуками свадебных скрипок; желчная горечь была вином брачного пира; богохульства были приветственными речами... Итак, разве не правда, что Вы — мой Супруг? — Вы правы, именно там Я обручился с вами и со всем человечеством¹¹. Духовный аспект цивилизации любви с трудом поддается описанию. В самом законченном виде он выражен в жизни святых. Но каждый святой — это целый расширяющийся мир, не знающий меры. Достаточно взять одного из них, пусть даже самого известного, чтобы отмести любые сравнения и разрушить самые смелые типологические модели. Однако в этой расточительности благодати есть свой порядок, и эту упорядоченность можно разглядеть благодаря Церкви, где святые являются полноправными членами, а те, чье членство менее полно, имеют к ней частичное или же чисто внешнее отношение. За тысячу лет (993—1992 гг.) 3501 человек были причислены к лику святых или блаженных¹² и примерно одна треть из них (1164) — при Иоанне Павле II, который словно спешит набрать армию заступников накануне великих духовных трудов. Как следует говорить о святых? Перечисление апостолом Павлом даров свыше подсказало типологию, которая различает апостолов (пап, епископов), учителей (всего их 3213), пророков (миссионеров), святых деятельной любви (чудотворцев), основателей (орденов и конгрегаций) и мирян (в том числе политических деятелей). Эта попытка классификации, основанная на Писании, к сожалению, не способна принять во внимание религиозных гениев, явленных в стольких мужчинах и женщинах, которые нередко обладали сразу несколькими дарами. Мы можем, однако, попробовать отметить самое характерное в том или ином избрании: Франциск Сальский, например, является одновременно учителем, епископом, основателем ордена и миссионером (Шабле); предпочтение отдано его званию учителя в силу его редкости, но в прочих случаях разобраться нелегко. Святые, признанные Церковью, были, как правило, священниками или монахами. В современном календаре из 143 святых, не бывших мучениками, насчитывается лишь 11 мирян; однако миряне составляют значительную часть святых мучеников. Но разве святость предназначена только для одной категории народа Божьего? Ответ, разумеется, отрицательный, а Святое семейство, состоящее из трех мирян, уже дало и продолжает давать духовных наследников, не учтенных ни в одном литургическом календаре, но реально существующих. Каноническое признание святости следует церковным, социальным и социологическим требованиям, которые никто и не пытается отрицать, хотя они ограничивают духовную значимость такого признания. Для того чтобы войти в Царство Божье, все должны быть святые. В Откровении апостол Иоанн созерцает великое множество людей, которого никто не мог перечислить, из всех племен и колен, и народов и языков (Откр 7:9), — это

соответствует тому множеству друзей Бога, что остались незамеченными. 144 000 спутников Агнца, описанные ниже (14:1-5), возможно, и являются теми святыми, которые составляют честь и отраду избранных, ибо на небе всё разделяется в таинственном единстве любви. Цивилизация любви предвосхищает вечную жизнь в земном существовании, а поразительная духовная плодovitость, отличающая святых, дает представление о том, какую творческую силу может пробудить наступление мира на земле. Время необратимо и речь не идет о воссоздании земного рая, однако присутствие (Парусия) Нового Адама и Новой Евы позволяет наилучшим образом восстановить то, что было окончательно утрачено. В духовном плане цивилизация любви будет основана на молитве и таинствах, особенно на присутствии (Парусии) Евхаристии, которая должна стать всем доступна в церквях и, по возможности, даже в семьях, когда будут выполнены все необходимые условия. Сегодня большинство приходских церквей в промежутках между службами пусты. Случается даже, что во избежание краж их запирают. Без верующих скинии становятся похожи на тюрьмы. Цивилизация любви охватывает эти места поклонения и даже требует новых. Внешнее действие и наука, оторванные от духовных основ, приводят к смерти и становятся обрядами идолопоклонства. Техника, предоставленная сама себе, является грандиозной магической практикой, которая служит нашим страстям, ведущим к саморазрушению. Пророки присланы к нам в большом количестве и с разными миссиями. Их послания составляют поразительную симфонию, которая возвещает о том, что увидел старый Товит после испытания: Яркий свет прольется во все края земли; многие народы издалека придут к имени Господа Бога (Тов 13:11). Именно новое поклонение, предсказанное пророками, и те, кто ему себя посвятит, откроют путь цивилизации любви. Можно даже сказать, что духовная сторона цивилизации любви представляет собой страстное влечение людей, семей и целых сообществ к Евхаристии. Это становится очевидным, когда мы понимаем, что такое Евхаристия, т.е. Парусия (присутствие), увиденная благодаря вере. Чтобы это приобщение через веру было более доступным, можно обратиться к Той, что поверила. На наших глазах множатся движения, общины и отдельные люди, которые приходят к поклонению Богу благодаря Богоматери. Страдание, которого многие не в состоянии вынести, перестанет быть причиной смерти, когда Бог будет восприниматься в образе Матери: Бог — наша Мать, и это так же верно, как то, что Он — наш Отец¹⁴. «В наши дни общее благо всего человечества ставит проблемы мирового масштаба. Решить их может только такая власть, чьи полномочия, основания и средства имеют также мировой масштаб и которая может действовать на всей Земле. Так что сама нравственность требует учреждения власти с планетарными полномочиями».

Перевод Л. Торчинского

1 Подробнее см. на стр. журнала² Милленаризм, или хилиазм — учение о наступлении тысячелетнего земного царства Христа перед концом мира. (Ред.)³ Marie Sevray, nee Guillemin (1872—1966). *Divins appels. Precedee d'une lettre du cardinal Jean Guyot, archeveque de Toulouse* (1974) et de Msgr A. Le Bourgeois, eveque d'Autun, 1982.⁴ K. Barth. *Der Romerbrief*, 1933.⁵ Dom Jean Leclercq. *L'idee de la royauté du Christ au Moyen-age*. 1959, p. 466 Dante. *De monarchia*, III, 167 *Vie et oeuvres de Ste Marguerite-Marie*, t. 2, 1991, p. 336—337.⁸ J. Maritain. *L'humanisme integral*, ch.V, I.9 *Dominium et vivificantem* (1986), 18, § 60.¹⁰ *Le petit journal de soeur Faustina* (Hovine, 1985); Maria Winowska. *L'icone du Christ misericordieux. Message de Soeur Faustine*. 1973.¹¹ *Vie admirable de Marie de Valleees*. In P. Milcent. St Jean Eudes. Paris, Cerf, 1985, p. 155.¹² *Sociologie de l'Eglise catholique*. Paris, Mame, 1993.¹³ Католическая церковь знает особый чин учителей церкви, который на сегодняшний день включает 32 святых. (Ред.)¹⁴ Julienne de Norwich. *Le livre des revelations*, 1373. Paris, Cerf, 1992, p. 199.

: Семен Зайденберг. ТРИ СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ. Впечатления от поездки в Женеву 15.11.99-14.12.99

Духовные размышления

В прошлом году, как и два года назад, студенты Свято-Филаретовской школы были приглашены участвовать в очередной сессии Международного христианского образовательного центра, организованной профессором социологии Женевского университета католиком Патриком де Лобье. Цель этих сессий - помочь молодым российским православным людям понять, что такое социальная доктрина современной Католической церкви, для того чтобы Русская церковь могла более активно участвовать в жизни общества. В течение месяца с середины ноября до середины декабря группа из восьми человек, в которую, помимо двух студентов нашего института, входили студенты и преподаватели МГУ, Библейско-Богословского и Свято-Тихоновского институтов и Российского православного университета, жила в Женеве и слушала лекции православных, католических и протестантских преподавателей по разным вопросам, касающимся социальной доктрины церкви. Кроме того, программа предполагала знакомство с реальной жизнью западной церкви и общества - той, которую не всегда увидишь в туристических поездках и на официальных мероприятиях. Поэтому редакцией журнала было решено, что нашему читателю будет небезынтересен рассказ одного из участников этой сессии.

Семен Зайденберг

ТРИ СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ

Впечатления от поездки в Женеву 15.11.99-14.12.99

Каждое поколение русских людей вновь и по-своему встречается и знакомится с Западом и его духовными поисками и устремлениями. Встретиться же с ним «живьем» тем более интересно, что у каждого русского человека есть, как правило, и «свой» Запад - плод книжных впечатлений и неизбежных размышлений на тему «Восток - Запад». Как ни утверждай достоинства восточной традиции, а «страна святых чудес», как писал о Европе любивший ее славянофил А.С. Хомяков, по-прежнему интересует и привлекает. Тем более это актуально для человека верующего, православного: разделение церквей, по-прежнему воспринимающееся в контексте «Запад-Восток», как к нему ни относишься, всегда мучает, как мучает судьба друга, с которым поссорился, или супруга, с которым развелся. Ведь не могла же исчезнуть любовь, которая от Бога, и где-то там, за завалами взаимных отречений, предательств и обид она все-таки живет... Но разделение церквей - не только трагедия, но и загадка, и задача: в чем его смысл, какой урок мы можем и должны из него извлечь и что мы должны с этим сделать? Поэтому возможность поездки в Европу именно для знакомства с жизнью и мыслью ее церкви, открывшаяся нам со студентом VII курса нашей Школы Владимиром Якунцевым в прошлом году, не могла не обрадовать и не вдохновить на новое познание, «лицом к лицу», того, что давно знал «по письмам и фотографиям».

Патрик де Лобье и «Цивилизация любви»

Когда на вопрос одного кальвиниста о моих женевских впечатлениях я ответил, что это встреча и общение с живыми католиками, он не без иронии заметил: «Если Вы имеете в виду Патрика де Лобье, то учтите: я двух таких католиков не знаю». И действительно, это человек особенный, человек мистической и эсхатологической настроенности, вдохновленный идеей «Цивилизации любви».

Идея эта, впервые сформулированная папой Павлом VI, но находящаяся в русле всей католической традиции, представляет собой одну из всегда актуальных попыток ответить на вопрос, как нам понимать то загадочное «тысячелетнее царство» Христа на земле, о котором говорит Апокалипсис. В основе ответа, предлагаемого сегодня Католической церковью, лежит представление о том, что Церковь, как мистическое Тело Христово, в своей истории должна мистически повторить путь Самого Христа. Как у Христа, так и у Церкви, которая, согласно мысли прп. Максима Исповедника, есть продолжение Его Воплощения, было неизвестное рождение, гонения, скрытно протекшие годы, выход на открытое общественное служение, время пустыни и т.п. Все это приближает время Страстей, время последнего испытания для Церкви, за которым придет Конец. Но в жизни Христа перед Его последним отвержением начальниками и возбужденным ими народом, отречением учеников и Страстями был один краткий, но крайне важный эпизод: Вход Господень в Иерусалим, триумфальная встреча Его народом как Царя, как Сына Давидова... Вот нечто подобное, согласно этому мистическому видению, должно произойти и в истории Церкви: перед временем последних испытаний должно прийти это краткое время триумфа, «Осанна в истории», время всеобщего признания Христа Царем и обращения к Его Церкви. После этого триумфа наступит такое же глобальное отпадение, последние гонения и испытания, «страсти» Христовой Церкви, и только затем – конец истории, мистически соответствующие Кресту и Воскресению.

Конечно, эта идея раскрывается на Западе очень по-католически, т.е. с акцентом прежде всего на внешнем, на внешних признаках церковности, к тому же в опоре на такие вещи, как папство и католическая мистика, на очень подчеркнутое и даже жесткое отождествление Церкви и Царства Божьего, невозможное для Православия, и т.п., но все-таки эта идея не может не впечатлять не только глобальностью своего евангельского подхода и мистического видения, но и конкретностью эсхатологических ожиданий, с самых ранних времен очень важной для христианства и христиан, сообщающей особое вдохновение христианской жизни. Подобное эсхатологическое видение конца истории, согласно этой идее, может стать основой и одним из истоков социальной мысли и действия всей современной церкви.

В связи с этим мы с Владимиром вспомнили, что и у нас в Православии есть схожие эсхатологические идеи, в которых акцент, конечно, перенесен на более внутренние вещи. Западным чаяниям «цивилизации любви» как мистического повторения торжественного Входа Иисуса в Иерусалим как Царя на Востоке соответствуют чаяния исполнения слов Евангелия о «знамени Сына Человеческого», которое явится «на небе» прежде конца, что понимается как «явление Самого Сына Человеческого на некоем духовном небосклоне», т.е. «близкую к образу Креста Его Славу, т.е. какое-то, вероятно, кратковременное, явление силы крестной и воскресной Христовой Любви и благодати в сердцах людей перед самым концом этого мира» (Свящ. Георгий Кочетков. Идите, научите все народы. Катехизис для катехизаторов. М., 1999. С. 581–582). То есть это кратковременное прославление Христа в человеческих сердцах через явление в них Его Любви и может пониматься как воцарение в мире Христа перед последними испытаниями и отступничеством.

Нельзя было, конечно, не вспомнить здесь и близкие к этому видению удивительные по глубине и силе веры вдохновенные пророчества о. Сергия (Савельева), недавно

опубликованные на страницах нашего журнала. Видя крайнее внутреннее (а не только внешнее) оскудение окружающей его церковной жизни, он, тем не менее, писал:

"Если бы не Бог, то уныние было бы уделом человека, и это уныние стало бы признаком наступления вечной смерти души. Но если для человека что-то невозможно, то для Бога все возможно. И верится мне, что в душах людей, и не только верующих, но и неверующих (sic!), таинственно ткется настоящая основа для возрождения любви и веры в Бога.

В наше время происходит невидимый для человеческого глаза отбор клеток настоящей духовной жизни. Эти клетки во тьме ищут друг друга, соединяются и оплодотворяются благодатью Святого Духа. Это происходит невидимо для человеческого глаза, и только в ночной тиши безмолвствующий и внимающий своей душе слышит легкие, благодатные дуновения, которые свидетельствуют, что хотя человек и стынет в греховной мгле, но Господь видит все, и прежде всего, слышит воздыхания людей, взывающих Его сердцем..."

Вспомнили мы и то, что сам о. Сергей неоднократно указывал, что такому удивительному пророческому видению научила его «родная святая любовь», т.е. любовь Христова, связывающая членов его общины.

В результате всех этих размышлений я решил добавить к своей итоговой работе (каждый из участников должен был представить такую работу к концу сессии) «Общины и общество в современной России», посвященной общинам как основе именно социального действия церкви, еще одну главу – об общинах как эсхатологической реальности в контексте идеи «цивилизации любви»¹.

Таким образом, мы можем сказать, что наступление того, что на Западе называют «цивилизацией любви», должно совмещать в себе две реальности. Во-первых, ту, что соответствует торжеству Входа Господня в Иерусалим, т.е. кратковременному воцарению Христа в сердцах людей через явление в них любви, соответствующей «двум главным заповедям в Законе» – о любви к Богу и к ближнему; не случайно же это явление, будучи по сути своей ветхозаветным (ведь и Христа во время Его входа признали царем, скорее, в ветхозаветном смысле), заканчивается отступничеством (разочарованием в возможности ожидаемого Его земного царства). Во-вторых же – ту, что соответствует в сердцах избранных учеников явлению Его Любви как новой, т.е. новозаветной заповеди, данной именно на Тайной вечере: «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас». Явление такой Любви поможет этому избранному остатку устоять во время испытаний, но самой этой любви человек научается в христианской общине. Такое явление церкви как избранного остатка также вполне соответствует пророчествам Владимира Соловьева в «Трех разговорах».

Вообще же мы, может быть впервые, опытно осознали, что именно наши эсхатологические чаяния могут быть почвой для экуменической деятельности, вдохновением для совместной работы и сближения разделенных церквей. Конечно, именно идея «цивилизации любви» движет Патриком де Лобье в его деятельности в России. Но она связана еще и с тем, что, как известно, множество современных пророчеств Католической церкви говорят, что именно в России, в ее реальной посвященности Христу лежит ключ к дальнейшим судьбам мира и человечества. Патрик же истолковывает эти пророчества еще и в том смысле, что духовное возрождение России мистически соответствует воскрешению четверодневного Лазаря перед Входом в Иерусалим. И здесь можно засвидетельствовать, что при всей разнице наших взглядов в лице Патрика мы имели счастье общения с настоящим христианином. Умом, как известно, Россию не понять, и в этом приходится убедиться всякому, кто хочет в России работать. Патрик же работает в России 10 лет, все эти годы – с огромным трудом и искушениями: все знают, как легко на наших просторах пропадают самые благородные усилия

и, особенно, деньги... Но он не унывает и продолжает идти вперед, рождая и осуществляя все новые и новые проекты, несмотря ни на что. А это и есть признак истинного служения: когда не столько видимый плод (которого человек при жизни может и не увидеть), сколько Сам Господь и Его благодать является опорой и наградой служащему...

Одна из последних идей Патрика - организовать в связи с 2000-летием христианства паломничество в Новый Иерусалим, в котором приняла бы участие молодежь из православных школ и приходов самых разных церковных направлений. По его мнению, такое паломничество могло бы стать шагом к примирению и взаимопониманию столь разделенных сейчас между собой православных. Он уже говорил об этом с кем-то из патриархии и, кажется, идея понравилась (посмотрим, впрочем, будет ли она воплощена в жизнь).

Вообще же, встреча с католиками, действительно, стала для меня событием. Раньше я по наивности думал, что какие-то одиозные вещи, например, приверженность Аристотелю и Фоме Аквинскому, или несерьезная, на наш православный взгляд, мариология - давно преодолены, по крайней мере, у серьезных людей, но не тут-то было, и это для меня было некоторым шоком. Я уже не говорю о папе Римском: подчас можно было подумать, что для моих собеседников всего православного богословия на эту тему просто не существует, и это было еще более неожиданно. Вообще, я почувствовал: папа на Западе действительно часто переживается как нечто таинственное (как бы к нему ни относились), что уже почти выходит за границы моего понимания (как, впрочем, и многотысячные мессы на городских площадях). Через все это я буквально кожей почувствовал тот характерный для католицизма внутренний раскол, который хорошо знал еще по книгам и фотографиям: с одной стороны - интеллектуальная и иерархическая жесткость, с другой же - компенсирующая ее несколько психологизированная «мистическая» экзальтация. Очень часто я убеждался, как трудно понять друг друга даже при самой большой доброжелательности сторон. Так, с одним французским священником, который любит и знает Россию и Православие настолько, что у него есть с виду совершенно православная часовня, где в шкафу висит несколько комплектов православных облачений (из чего можно сделать вывод, что это не только часовня), мы долго спорили о расхождениях в догматике. Выяснилось, что он свято верит в то, что мы не принимаем мариологические догматы только потому, что они были приняты единолично папой, из-за чего мы «обиделись», - и разубедить его оказалось невозможно!

Что же касается самих мариологических «догматов», то они уже превращаются, скорее, в керигму. Складывается даже впечатление, что «весть» о Вознесении Марии порой едва ли не подменяет собой весть о Воскресении Христа. Но надо сказать, что Юнг, выступавший за принятие этого догмата с чисто психологической точки зрения, кажется, оказался прав: для Католической церкви их принятие действительно стало новым вдохновением. Оказалось, это «работает», будучи психологически очень действенным (но духовно, по-моему, все-таки разрушает).

Удивляет меня и резко отрицательное отношение, например, к кальвинизму, т.е. как бы непонимание того, какие недостатки католицизма привели к Кальвину.

При всей моей изначальной открытости к западной традиции и желании как можно лучше и глубже ее понять, иногда от всего этого я буквально задыхался. Тогда я возвращался в общежитие и ночью читал «Истину и Откровение» Бердяева. Производит впечатление открытой форточки.

Лекции, которые нам читали, были разного достоинства. В Москве на большинство из них я, наверное, не пошел бы - скорее, это было важно именно в контексте общего знакомства с Западом. Запомнились известный славист Жорж Нива, который рассказывал о проблемах

единой Европы, парижский профессор Бернар Маршадье, говоривший, в основном, о русско-французских связях первой половины века: Бердяев-Маритен и т.п. (Кстати, что очень для них характерно, Бердяева он, в общем, не понимает и не принимает, не считая серьезным христианским мыслителем и церковным человеком, но так или иначе все время цитирует: «А вот это он очень верно подметил» и т.п.). Маршадье сетовал на духовную ситуацию в Европе: молодежь все больше увлекается традициями созерцательных орденов, а иезуиты, действующие через культуру, находятся в некотором упадке. «Впрочем, – осекся он, – может быть, вас это, наоборот, радует?»

Запомнился профессор Фрибургского университета Жан Гальперин, читающий там курс еврейской мысли XX века. Иудей, сын беженцев из России, прекрасно говорит по-русски и знает русскую культуру. (Рассказал в связи с этим анекдот из эмигрантской жизни своего отца: где-то он неожиданно слышит русскую речь и обращается к говорящему: «Вы тоже – русский?» – и получает ответ: «Да, я – русский, но не тоже!») Очень открыт к христианству, особенно, по понятным причинам, любит Соловьева. Читал нам лекцию по этике, о значении ответственности в обществе, причем это было больше похоже на семинар: ему, скорее, было интересно и важно узнать, что мы, молодые верующие люди в России, об этом думаем. Поняв это, мы подарили ему «Православную общину» со статьей о Георгия Кочеткова «Всемирная отзывчивость или изоляционизм», он прочел в тот же день и остался, по его словам, очень доволен. Мы пытались взять у него интервью, но чтобы раскрутить иудея на откровенный разговор о христианстве, нужны, видимо, другие, более опытные люди. Кажется, немного лучше получилось интервью с Жоржем Нива, который тоже отнесся к нам очень тепло и просил называть Георгием Ивановичем и т.п. Интересно его мнение о России сегодня: «Нет трезвости. У всех – истерика».

Очень милый и интересный человек – Михаил Ельчанинов (очень молодой), он читал у нас лекцию о философии и этике, и потом мы еще вместе молились в Париже в храме РСХД.

Читал у нас лекцию проф. Франс Альтинг фон Гейзау, который имеет какое-то отношение к финансированию «Русской мысли». Он спрашивал, что мы думаем об этом издании, стоит ли продолжать давать им деньги. Мы говорили, что газета, конечно, необходимая, но хотелось бы, чтобы ее церковная позиция была более конструктивной, – не в смысле того, о чем говорить, а как это говорить, что в России и без того не много здоровых церковных сил, и их надо собирать, а «Русская мысль» иногда забывает, что бороться надо со злом в церкви, а не с плотью и кровью, и поэтому часто не собирает, а наоборот, скорее расточает...

Конечно, большое впечатление произвела сама Женева. Мы видели в местном музее макет города до 1815 г., – и это страшновато, что-то вроде средневекового Нью-Йорка: закрытая крепость, узкие улицы и серые дома, растущие вверх. Нужен был Наполеон, чтобы в 1815 г. открыть эту «консервную банку» – снаружи. Ощущается отсутствие культуры, замкнутость, закрытость. У общин остается реальная власть, но такое впечатление, что это все-таки больше власть коллектива, что индивидуализм протестантизма обернулся в них и другой своей стороной – коллективизмом. Стабильность оборачивается закрытостью и неспособностью меняться. И это в самом центре Европы, в окружении Франции, Австрии и Италии!

Невольно задумываешься о причинах этого, ведь если мы хотим всерьез возродить в церкви общинную жизнь, то должны иметь в виду все ее исторические модели, весь мировой христианский опыт, как и все совершённые в этом отношении ошибки (кстати, в приверженности кальвинистской, пресвитерианской модели церковного устройства нас уже пытались обвинить). Мне показалось, что коллективизм возник от того, что Кальвин (как и вообще протестантизм) захотел внешним образом решить какие-то глубокие и внутренние вещи, которые так не решаются. Например, понятно, что доктрина о предопределении в его

варианте избавляет человека от одержимости вопросом о собственном спасении, иногда характерной для католицизма: ты знаешь, что этот вопрос уже как-то решен, только не знаешь – как, но это и избавляет тебя от необходимости об этом заботиться, а освободившиеся силы ты можешь отдать попечению о ближнем и преображению мира. Но при этом из жизни человека почти исчезает, за ненадобностью, весь мистериальный, символический пласт религиозной жизни, искусство и т.п. Поэтому доктрина Кальвина звучит заманчиво, но нельзя человека механически «преобразить», он постоянно нуждается в сакраментальном освящении, в таинственном переживании искупления и спасения, в духовном переживании раскрытия своего сердца навстречу любящему и спасающему, прощающему и освящающему (т.е. делающему тебя Своим) Искупителю. Без этого сердце человека постепенно засыхает, религиозная жизнь подменяется нравственным императивом, община – коллективом, а творческое преображение мира – просто его благоустройством ради собственного комфорта.

Из-за этого проявляются и все очевидные достоинства, и все менее очевидные недостатки. С одной стороны, Швейцария – воплощение стабильности, основанной на местной соборности. Хрестоматийный пример, характеризующий эту страну. Швейцария – это конфедерация из 23-х кантонов, и имени президента всей конфедерации, как правило, никто не помнит, в отличие от главы своего кантона.

С другой стороны, эта же стабильность оборачивается невозможностью, неспособностью меняться, менять свою жизнь. Меняться страшно (как, например, сегодня швейцарцам страшно открыть свои границы единой Европе), а при прямой демократии есть все возможности не делать этого, да вот только жить без этих изменений – подчас невыносимо. Из-за этого в Швейцарии – самый высокий процент самоубийств и, соответственно, самый высокий процент психиатров на душу населения. Юнг, как известно, считал, что это как раз от того, что они лишили себя священных таинственных символов. Нельзя с ним не согласиться: если ты теряешь опыт раскрытия сердца навстречу тому всегда новому таинственному духу и смыслу, к которому зовет тебя символ и образ таинства, ты теряешь способность открывать для этого нового и свою реальную жизнь.

Из этого возник удивительный феномен Женевы. Женева – крупнейший международный центр: ООН, Красный крест, ВСЦ, масса других международных организаций, плюс один из крупнейших университетов, где учатся, в основном, студенты-иностранцы со всего мира. При этом сами швейцарцы живут, практически никак со всем этим шумным и пестрым миром не взаимодействуя. У них свой мир, очень консервативный, домоседный, который не очень виден снаружи. Впрочем, надо сказать, традиции общинной жизни есть традиции общинной жизни: сами студенты-швейцарцы, с которыми нам удалось пообщаться, производят очень приятное впечатление – куда более приятное, нежели вся шумная интернациональная компания из их же университета: есть в них какая-то домашность, простота, спокойствие, и я бы сказал, меньшая развращенность, что ли.

И вообще Женева – город очень домашний. Через две недели пребывания там мы пошли на благотворительный концерт в кальвинистский собор св. Петра (центральное и главное здание города; первый христианский храм на этом месте был построен еще веке в четвертом), представляющий из себя диковатое сооружение: ранний готический собор, к которому кальвинисты ради строгости пристроили классический портал! Студенты Женевской и Лозаннской консерваторий давали «Магнификат» Баха и еще что-то рождественское, но современное, кажется, Оливье Мессиаана (для нас это было особенно радостно, так как по юлианскому календарю это было заговенье на Рождественский пост). Так вот, войдя в собор и оглядевшись, мы с удивлением выяснили, что живя в городе всего две недели, мы уже знаем довольно многих людей – причем не только в зале, но и на сцене.

Дела церковные

В первое же воскресенье мы всей группой отправились в храм Московской патриархии. Надо сказать, что до Наполеона в Женеве почти не было никаких храмов, кроме кальвинистских, да и сейчас в черте города до 1815 г. их практически нет (есть лютеранская кирха, но снаружи она намеренно «замаскирована» под жилой дом). Потом, когда Женева стала превращаться в международный центр, стали появляться и храмы других конфессий. (Сейчас в Женеве ок. 1% населения - практикующие кальвинисты, и ок. 12% - практикующие католики. Это соотношение на все накладывает свой отпечаток. Например, в Лозанне огромный готический собор, возвышающийся над всем городом, принадлежит кальвинистам, и по вечерам он совершенно пуст, хотя рядом, внизу - современный католический храм, заполненный людьми и очень живой.)

В XX веке было решено завести и православный храм, и в качестве полномочного представителя православия сейчас выступает Русская зарубежная церковь. Так что теперь почти в центре Женевы красуется великолепная карловацкая стилизация, а патриархийный храм ютится в небольшом одноэтажном домике на самой окраине. Впрочем, как мы потом узнали, священник РПЦЗ относится к нашей церкви очень хорошо и старается поддерживать с ней общение. В храме МП служит о. Михаил Гундяев, но когда мы там были, служил о. Валентин Чаплин, гостивший в Женеве у дочери. Мы обрадовались, увидев его, он нас тоже узнал и после службы много с нами говорил. Мы, конечно, вспомнили «дела давно минувших дней» - конференцию «Единство церкви» и его смелое выступление на ней, а также дела менее отдаленные по времени, но не менее удручающие. Сам о. Михаил, как нам говорили, старается служить, максимально делая что-то для народа, например, читает «тайные» молитвы вслух, но людей в храме все равно немного, причащается же и того меньше - человек пять-семь (к нашему с Владимиром огромному сожалению, в тот день не причащался и никто из членов нашей группы). После литургии обычно бывает небольшое застолье, которое, кажется, занимает центральное место: у меня сложилось впечатление, что это, скорее, русскоязычный клуб, нежели община или даже приход. Тем не менее, побыть и причаститься в храме, освященном именами знаменитых иерархов и богословов, лучших участников экуменического движения, было для нас очень важно.

В следующее воскресенье в православный храм мы не ходили, так как была поездка в католический женский монастырь Вифлеемской Божьей Матери на горе Вуарон, где мы были приглашены присутствовать на Мессе. Сначала я воспринял это для себя как некоторую проблему: как можно присутствовать на Литургии, которую я, согласно традиции своей церкви, признаю действительной, и при этом не подходить к Чаше? Признаюсь, года три назад эта проблема поставила бы меня в тупик, но теперь, после двухлетнего опыта жизни в церкви отлученных членов нашего Братства и частых случаев произвольного отлучения от причастия в некоторых храмах многих других братьев и сестер, все было гораздо легче. Я вспомнил слова Николая Кавасилы о том, что никто и ничто не может помешать Господу причастить человека, если Он того хочет, положился на Его волю, «которая есть освящение наше», и, мне кажется, и на этот раз не остался без причастности Христу).

Вместе с другими паломниками мы приехали в горы на машине и, поднявшись над облаками, еще шесть километров шли пешком в полном молчании, размышляя и созерцая потрясающей красоты залитые солнцем зимние Альпы. Иногда только делали остановки - для общей молитвы и пения гимнов. Тут я оценил возможности латинского языка в Католической церкви: ни французского, ни итальянского я не знаю, а вот когда запели «*Laudamus omnes gentes, laudamus Dominus*»², можно было даже присоединиться! Кстати, эта «секуляризованная

западная молодежь» поет церковные гимны потрясающе. Мы же с нашей хваленой «духовностью», к сожалению, часто выглядим на этом фоне просто жалко.

Монастырь, в который мы в конце концов пришли (один из монастырей «монашеской семьи» внутри картезианского ордена, объединенной двумя названиями: «Вифлеем» и «Вознесение Девы Марии»), по-своему очень интересное, одновременно исключительное и характерное для поисков современного католицизма место. Он был создан католической монахиней, влюбленной в Православие и даже, кажется, проведшей какое-то время в православном греческом монастыре. Цель монастырской общины – «дышать двумя легкими» (выражение одного из Римских пап), т.е. в полноте этих двух традиций. Служат они по православному чину, читают восточных отцов, везде – православные иконы и т.п. Это вообще характерная черта современной Европы: православные иконы можно видеть во многих католических и даже протестантских храмах на самых литургически важных местах. В апсиде храма, куда мы были приглашены на Мессу, – копия «Троицы» Феофана Грека из Новгорода. Выглядит, на мой взгляд, великолепно, куда лучше рублевской... Но «полнота двух традиций» выходит несколько эклектичной. То есть нельзя сказать, что это совсем бесплодная попытка, нет, но во многом это, как мне показалось, – психологическая стилизация, и поэтому исихастская «тихость», молчание у них есть, а вот исихастской «энергии» – не хватает. Впрочем, я подумал, что они там имеют то, о чем мечтают русские девушки, когда уходят в монастырь: потрясающей красоты природу, уединение и т.п. Живут сестры всю седмицу по отдельности, в молитве и труде (при этом каждый день приходя рано утром в храм на Евхаристию и причащаясь), в Воскресенье же проводят время вместе. Насельницы в основном молодые, веселые, глаза светятся. Насколько этот свет духовный, насколько – психологический, это уже другой вопрос, но все-таки видно, что именно духовная ситуация в монастыре довольно здоровая, чего у нас так часто не хватает.

Принимали нас очень тепло, после Мессы устроили специальный чай у камина и т.п. Просили сказать, что мы лично думаем о проблеме единства христиан. Я сказал, в общем, то, что и думаю, без особого «политеса» (ситуация располагала говорить по-христиански, т.е. прямо): для меня в очередной раз стало очевидно, что две разделенные традиции никогда не жили, да и не могли жить друг без друга, что на разных уровнях (богословском, философском, обрядовом и т.п.) общение и взаимовлияние было всегда, но поскольку нет общения в Чаше, то все это выходит достаточно эклектично, и так и будет, пока мы к этому общению не придем. Поэтому надо как можно скорее восстанавливать евхаристическое общение, оговорив лишь какие-то совсем необходимые вещи: папский догмат и т.п.

В такие моменты особенно ощущаешь значение Евхаристии. Как ученики после Воскресения не узнавали воскресшего Христа в непривычном для них внешнем облике, узнавали же только в «преломлении хлеба», т.е. в евхаристическом приобщении к Его непрестанной жизни в Любви и Истине, так и мы, чтобы узнавать Христа в чужой традиции, должны жить силой Воскресения, а для этого, прежде всего, – в полноте своей собственной традиции, в том числе – евхаристической. В связи с этим я для себя вдруг с ужасом понял, что при теперешнем состоянии православия мы никак не можем идти на соединение: они нас просто раздавят. Я смотрел на своих спутников и думал: если людям, много думающим о единении церквей, настроенным на такое общение, все-таки оказывается безумно трудно преодолеть то, что нас действительно разделяет, то что же большинству остальных членов нашей церкви, которые даже не каждую неделю причащаются (в то время как принимавшие нас монахини подходят к Чаше каждый день)... В очередной раз мне пришлось на опыте понять, что ключ к решению проблемы восстановления единства лежит не столько в области разрешения канонических и догматических вопросов, сколько во внутренней миссии и катехизации, в устройстве общинной и братской жизни, во вхождении в полноту духа и смысла своей собственной традиции. Если

мы сумеем «победить ненавистную рознь мира сего» в своем сердце и в своей церкви, то и этот вопрос решится.

На следующий день мы были в гостях у Анатолия Николаевича Афанасьева, сына о. Николая Афанасьева, который живет недалеко от Женевы во французском городке Бонвиль, которого мы, впрочем, не увидели из-за густого тумана. Мы привезли ему наши журналы с впервые опубликованными работами его отца, а Анатолий Николаевич передал нам еще кое-что из своего архива. Его супруга, Женевьева, расспрашивала нас о том, как мы пришли к Богу и в Церковь. А на обратном пути мы вспоминали необычайные обстоятельства единственного приезда Анатолия Николаевича в Москву на устроенные нашим институтом «Афанасьевские чтения», посвященные памяти его отца. Это были дни парламентского кризиса 1993 г...

Еще через неделю, 3 декабря мы отъехали на уик-энд в Париж. Надо сказать, это особое чувство для русского: приехать в Париж, предварительно пожив в Женеве. Женева – город, в котором нет ни нищеты и бедности, ни показной роскоши и богатства. Напротив, Париж – город, где бьющая в глаза роскошь соседствует с нищетой клошаров-бомжей, распивающих в метро дешевое вино, и т.п. В общем, первая мысль: ну, мы – дома!

Преподаватель русской философии Петр Борисович Роснянский устроил нам небольшую экскурсию по «русскому Парижу», главным местом которого для нас оказалось, конечно, Свято-Сергиевское подворье: православный храм, устроенный в здании бывшей лютеранской кирхи, Богословский институт и убогий двухэтажный дом, где в «золотые времена» жили преподаватели.

На литургию нас пригласила в свой храм наша бывшая оглашаемая Оксана Устинова. Это был храм РСХД на ул. Оливье де Сер (храм – это просто переделанный небольшой дом). Отмечали престольный праздник, поэтому было архиерейское служение, служил архиепископ Сергий. Удивительным было сочетание архиерейской службы и абсолютной домашности, возвращающее одновременно и к совсем ранним христианским временам, когда епископ был и старшим братом и отцом, а не только владыкой, и к обстановке русского Парижа его лучших времен. Характерный эпизод: во время архиерейской проповеди после Евангелия к амвону выбегает девочка лет пяти, папа бросается за ней и пытается водворить ее на место. Архиерей останавливает проповедь и говорит: «Нет, не надо, не мешайте ей, пусть наши дети в наших храмах чувствуют себя свободно и радостно, как дома!» После службы мы, конечно, подошли к архиепископу, представились, подарили ему наш журнал. Потом была общая трапеза. Оксана познакомила нас с одной местной читательницей «Православной общины». Та поругивала современный русский церковный Париж. Говорит, что многие новые священники не имеют богословского образования и поэтому всего боятся, так что портреты деятелей РСХД еще висят, но больше не осталось ничего. Один только о. Борис Бобринский и есть. Я сказал, что мне понравился архиепископ. Она ответила словами патриарха Алексия (Симанского) о митрополите Суражском Антонии: «Да какой он епископ, он хороший приходской батюшка».

Подходил к нашему столику и настоятель, о. Николай Ребиндер, спросил, откуда мы, вел себя приветливо, но несколько отстраненно: мол, «ситуация неоднозначная». Впрочем, когда прощались, приглашал приходить еще. Нам надо было довольно быстро уходить, но мы еще поговорили с Михаилом Ельчаниновым и некоторыми другими прихожанами, рассказали о ситуации в церкви и нашем братстве (толком ведь никто не знает ничего). Все выражали сочувствие.

Тем же вечером, после небольшой экскурсии по центру Парижа, мы были у о. Михаила Евдокимова на воскресной вечерне. В этот день у о. Михаила заболел и второй священник и регент, так что он сам и предстоял, и регентовал, и пел. Служение его удивительное – очень

какое-то тихое и в то же время глубокое, без стилизации, – в России я такого не встречал.

Утром в воскресенье мы отправились на литургию в крипту собора на ул. Дарю. Служил о. Алексей Струве, рукоположенный за неделю до этого, а настоятель о. Борис Бобринский проповедовал. Обстановка в храме очень близка к тому, что было в храмах нашего братства, к тому же мы там встретили нашего давнего прихожанина Всеволода Всеволодовича Гусева и еще несколько «заочных» знакомых и друзей нашего Братства. После службы мы подошли к о. Борису, поблагодарили за службу. «Откуда вы?» Мы сказали, он обрадовался и улыбнулся: «Ну, тогда давайте я Вас обниму и поцелую». «О. Георгий просил передать Вам поклон», – рассмеялся: «Ну, давайте, передавайте». Мы поклонились. Рассказали ему о ситуации, о «пресловутом »Радонеже"», он согласился: «Да-да, вот именно, пресловутый »Радонеж"!". «А вы что тут делаете?» «Да мы, вот, о. Борис, изучаем социальную доктрину церкви в Женеве, в Париж приехали на выходные». «А, хотите быть социологами, – и подмигнул, – может, лучше все-таки богословами?» Вообще, честно скажу, он произвел на меня сильное впечатление. Я о нем много слышал еще до своего крещения от своего восприемника, но со временем это заочное впечатление как-то забылось за всякими церковными делами, так что я благодарен Богу, что Он позволил мне увидеть о. Бориса при жизни и именно на Евхаристии, вне контекста церковной политики.

Затем в приходском доме был традиционный кофе (в Москве эту характерную парижскую традицию можно видеть в храме св. Екатерины на Всполье, куда она попала через Америку), там мы говорили с основателем православного информационного бюллетеня «SOP» Иваном Александровичем Чеканом, рассказывали ему о братских и общецерковных делах.

Кроме того, в Париже мы встретились с католической общиной «Эммануэль». Впечатление у меня осталось неоднозначное: та же характерная смесь жесткости и экзальтированности, хотя, конечно, и эти люди делают много нужного и хорошего.

Был еще обед в парижском Соловьевском обществе, организованном упоминавшимся выше Бернаром Маршадье. Это русско-французское общество людей, совместно изучающих русскую религиозно-философскую мысль. Нас постарались принять максимально «по-русски», так что пришлось закусывать селедкой, запивая ее, естественно, водкой.

К сожалению, времени на сам Париж почти не осталось, и я успел посмотреть только одну картину в Лувре и Сен-Шапель, что, впрочем, оказалось достаточно важно. Эта двухэтажная часовня, построенная в середине XIII в. Людовиком Святым для купленного им в Венеции Тернового венца Спасителя (украденного, в свою очередь, в Константинополе), – один из самых известных памятников высокой готики, выстроенный в виде огромного реликвария. На втором этаже стен практически нет, они заменены витражами, что в солнечный день выглядит весьма эффектно. Надо сказать, французская готика как нельзя лучше выражает уже упомянутые свойства западной традиции: очень жесткая и рассудочная внутренняя структура компенсируется и скрывается за счет экзальтации форм, жестов, цветов, узоров, к тому же в солнечный день не видно каркаса витража: одни горящие стекла. В готике нет пространства как такового, вернее, оно как бы составлено из однообразных «кубиков», и это отсутствие пространственного напряжения компенсируется за счет напряжения архитектоники стены. К тому же и оно не настоящее: в готике все несущие конструкции вынесены наружу, так что зритель их не видит. Мне в связи с этим вспомнилась одна статья С.С. Аверинцева, где он сравнивал описание посещения Св. Софии послами князя Владимира и описание крещения одного из французских королей: в первом случае «объекты миссии» были приглашены на обычное богослужение, во втором – для варваров устраивались спецэффекты. Поскольку все готические спецэффекты я знал, а признавать себя варваром не хотелось, Сен-Шапель показалась мне впечатляющим, но довольно скучным зрелищем. Утешило то, что, как нам

рассказали, в Страстную пятницу католики и православные устраивают там совместные молебны. (Другое подобное место – храм св. Стефана около Пантеона (Сен-Этьен-дю-Мон), где находятся мощи св. Женевиевы, покровительницы Парижа. Дело в том, что согласно древнему преданию прп. Симеон Столпник, узнав о ее подвиге, послал ей с паломниками поклон, и эта духовная дружба двух святых символизирует взаимное признание Западной и Восточной традиций.) Важно же было еще раз воочию убедиться, насколько то, что происходило во Франции в XIII веке и вокруг него, до сих пор оказывается определяющим для всего католического предания.

Перед самым отъездом обратно в Женеву мы все собрались в парижской квартире Патрика де Лобье. Он живет в самом сердце Парижа – на острове св. Людовика (это остров прямо перед островом Сите, на котором стоит Нотр-Дам; остров св. Людовика – искусственный, устроенный специально, чтобы течение Сены не разрушило Сите). И вот с вечерней улицы св. Людовика, где расположены самые дорогие, наверное, в мире магазины и отели, ты оказываешься в крохотном дворике, а затем – в убогой холостяцкой, даже не комнатке, а настоящей келье, с потолком, держащимся на черных деревянных балках, и с ничем не прикрытой каменной стеной. Надо сказать, это впечатляет. У нас еще оставалось немного времени до поезда, и Патрик отвел нас в находящийся здесь же барочный храм св. Людовика. Местный кюре по просьбе Патрика показал нам храм, рассказал о жизни прихода. Интересно, что в приходе есть «пастырский совет», состоящий не только из клира, но и из мирян, которые выбираются от различных групп прихожан, объединенных по принципу служения. На прощание Патрик попросил что-нибудь спеть. Поскольку был конец воскресного дня, мы спели в центре храма «Воскресение Христово видевшие...». К сожалению, пели только мы с Владимиром, но Патрик был, кажется, очень рад. Вообще же, в этом отношении было чрезвычайно неловко, ибо некоторые из наших спутников совсем отказывались молиться и петь вместе с католиками (или в их храмах). Зачем же тогда было ехать на их деньги?

Была у нас в Женеве и встреча с православными сотрудниками Всемирного совета церквей (ВСЦ). Нам показывали разные любопытные документы начала девяностых годов: проекты помощи со стороны ВСЦ «Радонежу», Свято-Тихоновскому институту, т.е. всем тем, кто сейчас больше всего на ВСЦ нападает... Мы рассказали о жизни нашего Сретенско-Преображенского братства, деятельности Высшей школы, Огласительного училища, познакомили их с нашими изданиями. Потом был разговор о сегодняшней церковной ситуации в России. В связи с тем, что мы много говорили об опыте новомучеников и исповедников Российских, который мы стараемся собирать, был интересный вопрос: правда ли то, что опыт новомучеников и исповедников сейчас как бы противостоит опыту «официального» экуменизма нашей церкви? Мы отвечали, что поскольку экуменизм этот, конечно, был во многом делом политическим, то определенное напряжение тут, естественно, есть, но надо понимать, что оно искусственно раздувается, причем те, кто, например, сейчас пытается очернить имя митр. Никодима (Ротова), делают это не из-за декларируемой приверженности опыту новомучеников и исповедников, а из-за собственных политических игр, куда менее церковно оправданных, нежели деятельность митр. Никодима. Настоящая же наша беда в том, что реального опыта новомучеников и исповедников никто толком не знает. «Может быть, моя мысль покажется вам парадоксальной, – добавил я, – но если мы хотим сейчас найти новую парадигму и новое основание экуменического движения, то их надо искать а) в опыте русской эмиграции, б) как раз в опыте новомучеников и исповедников, – и именно поэтому очень важно собирать этот опыт». Мы привели пример о. Тавриона (Батозского), сослались на статью архим. Августина (Никитина) о св. Иоанне Кронштадтском, где он рассказывает о его общении с англиканами и т.п. Кажется, эта мысль показалась перспективной.

По поводу положения нашего Братства и, вообще, сегодняшнего разгула фундаментализма и

канонического произвола одна сестра из Антиохийской церкви, в свое время много занимавшаяся молодежным движением, утешала нас, говоря, что у них в церкви такая ситуация, связанная, по ее мнению, с невежеством духовенства, была несколько десятилетий назад, но ее удалось преодолеть благодаря молодежному движению. Мы сказали, что в нашем Братстве есть молодежные группы, и мы были бы рады иметь прямые контакты с молодежным движением в их церкви, для чего, может быть, были бы нужны какие-то их поездки друг к другу и т.п.

На одной вечеринке, которую для нас устроили изучающие русский язык швейцарцы, мы познакомимся со студентом богословского факультета Женевского университета Жаном-Даниэлем Струбом. Он спросил нас, будет ли нам интересно встретиться с другими студентами. Мы, конечно, ответили утвердительно. К нашему удивлению, из 6 человек на этой встрече было 3 православных – румынский священник, поляк и болгарка. Оказалось, что они учатся в Шамбези, в недавно созданной там богословской школе, действующей в сотрудничестве с Женевским и Фрибургским университетами. (Это то, что называется post-graduate, т.е. школа типа аспирантуры для людей уже с высшим богословским образованием. Кроме образования, поступающим нужно еще благословение своего архиерея. Желательно, конечно, знание французского. Обучение бесплатное, длится 2 года. Диплом и звания выдает Фрибургский университет.) Нас попросили рассказать, как в нашем Братстве ведется миссия и катехизация. Православные на все кивали, но через час ушли (им нужно было на поезд). Оставшиеся задавали вопросы. В основном они касались взаимоотношения церкви и государства в России и межконфессиональных отношений (им все закон о вероисповеданиях покоя не дает).

Потом мы еще раз встретились с этими православными студентами в Шамбези после литургии. Там в крипте греческой церкви есть франкофонный приход, куда нас пригласил один из сотрудников ВСЦ, и мы решили в последнее воскресенье отправиться туда. Местный настоятель, о. Иоанн, француз, закончил Свято-Сергиевский институт, а староста, адвокат Тихон Траянов, – двоюродный брат о. Александра Шмемана, так что в храме царит «парижско-русский» дух. Вообще очень чувствуется любовь именно к русскому православию, что нам, конечно, было очень радостно. Народу в храме было довольно много, куда больше, чем в храме Московской патриархии; все, конечно, причащались. В храме мы еще раз встретились с матушкой о. Михаила Евдокимова (она приехала на день рождения внука), которая, кажется, была очень рада снова нас видеть, обняла и расцеловала. Так что мы опять почувствовали себя немного как дома, к тому же богослужение и вообще обстановка в храме опять заставили нас вспомнить наши потерянные храмы... После службы был традиционный «парижский» кофе, там мы немного поговорили с г. Траяновым, он рассказал нам о приходе, о местном митрополите Константинопольского патриархата Дамаскине (именно митр. Дамаскин ведет столь, к сожалению, часто пререкаемую у нас работу по объединению с древневосточными церквами). Редкий, говорит, епископ: помогает, но ни во что не вмешивается, а ведь обычно все бывает наоборот! (Мы, конечно, не могли не оценить юмор.) Потом студенты накормили нас обедом, и мы еще пообщались.

Смерть в Венеции

Эта часть путешествия – «за скобками», в том смысле, что об этом никто не знал. Почему я решил поехать в Венецию, хотя у меня на это был всего один день? Дело в том, что Венеция, бывшая до Парижа столицей Европы, это вообще место, в котором слишком многое сошлось, а

для меня как для историка искусства Венеция – это еще и место, где две церковные традиции – западная и восточная – были как никогда и нигде более близки друг ко другу. Поэтому и без того давнее и постоянное сильное желание оказаться там в этой поездке стало только сильнее и отчетливее: после моих свежих западных впечатлений (и некоторого, честно скажу, уныния в отношении перспективы соединения церквей) хотелось проверить, верны ли они или я все это себе придумал.

Надо сказать, Наполеон сыграл в судьбе Венеции ту же роль, что и в судьбе Женевы. Венеция – место популярное, о ней много сказано и написано: сосредоточение на небольшом островке земли такого количества красоты, а также имена ее сынов, изменивших лицо земли, не могут не притягивать: без Палладио, Тициана, Веронезе, Тинторетто, Вивальди, Гоцци, Гольдони, Казановы наконец, мы бы жили, по крайней мере внешне, в сильно другом мире. При этом часто забывают главный феномен этого места: республику, которая и породила на свет всех этих людей. В этом отношении Венеция и похожа на Женеву, и в то же время прямо противоположна ей. Венецианская республика – тоже своего рода община, место, где люди умели жить, работать и служить вместе. Как и в Женеве, Большой совет республики регламентировал всю жизнь до мелочей, но он умел делать это так, что жизнь эта не затухала, а расцветала. Один историк писал, что в Венеции «умели служить отечеству даже прелестью женщин и красотой жизни». Только на этой почве и могли вырасти и та уникальная венецианская культура, которая и наследует остальному итальянскому Ренессансу и, в то же время, качественно от него отличается. Республика давала каждому ее члену жить не только на пределе возможного усилия, но и в раскрытии предельной глубины духа, и граждане с радостью принимали эту возможность. Может быть, и сама красота Венеции – лишь окаменелость этой живой красоты совместной жизни, того, о чем мечтают утописты, но что, как правило, никогда не получается?

Мы приехали на вокзал Санта-Лючия в 8 утра, вышли на набережную Большого канала и, увидев прямо напротив нас храм св. Симеона Малого, возблагодарили Бога, перешли через Понте-дельи-Скальци ("мост Босоногих") и пошли по городу, заходя во все встречающиеся храмы. Первые впечатления были удивительны: например, я прекрасно знал храм Санта-Мария-деи-Мираколи, построенный Пьетро Ломбарди, но не мог представить себе, что это настолько красиво! (В очередной раз пришлось отметить, что туристические маршруты не совпадают с реальностью: мы просидели там полчаса, не в состоянии покинуть это место тихого света, ясной радости и покоя, и за это время не появилось почти ни одного человека!) Неожиданно я понял одно важное свойство этого города, которое не поймешь по книгам. Большинство его улиц – не больше метра шириной, и в какое-то реальное пространство ты попадаешь только входя внутрь очередного храма (некоторые венецианские храмы просто огромны). То есть пространство рукотворно, оно не дано сразу, за него надо бороться, его надо отвоевать у тесноты. И эти бесчисленные храмы, в каждом из которых свое неповторимое пространство, – наглядный образ воплощения евангельских слов: «В доме Отца Моего обителей много»...

Конечно, немного расстраивает, что в этих храмах наиболее чтимыми подчас оказываются не ренессансные шедевры, а какие-нибудь слащавые богородичные бюсты XIX века...

Путешествие по Венеции может быть уподоблено рассматриванию богато украшенной книги, в которой первое, что привлекает внимание, – дорогой узор, обрамляющий все ее страницы. Большинство туристов, кажется, и принимают этот готико-мавританский узор за все ее содержание. Но это далеко не так: на каждой ее странице есть еще особая картинка и свой текст, который надо уметь прочесть. Текст этот повествует о том, как семя византийской традиции, попавшее на северную, готико-ренессансную почву, постепенно дает свои всходы и

приносит плод. Греческое пространство и мозаики собора Сан-Марко – вот что оказывало свое постоянное влияние на ум и душу жителей Венеции, и именно здесь, на этом небольшом клочке отвоеванной у моря земли, искания Ренессанса дали то решение, которое стало универсальным для всей Европы и чуть ли не всего мира – архитектура Палладио и живопись Тициана. Именно Палладио сумел окончательно вернуть архитектуру к античным формам и классической ясности, но только теперь она стала внутренне прозрачной, легкой, по слову Мандельштама «воздушно-каменной», христианской, вобравшей в себя и ясную пространственную глубину византийского храма, и каменное напряжение западной готики...

Когда мы дошли до Сан-Марко, выяснилось, что из правила внутреннего пространства есть одно грандиозное исключение – огромная площадь морской лагуны между набережной Сан-Марко, Кампо-делла-Салюте, островом Сан-Джорджо-Маджоре и Джудеккой. Это как бы огромная многокилометровая площадь, на которую выходят фасады прекраснейших в мире зданий. Но в том-то и дело, что пройти по этой «площади» – невозможно. Поэтому исключение воспринимается как подтверждение правила: не огромное пространство, а скорее, разрыв в пространстве – постоянно присутствующая граница с потусторонним, метафора смерти (непреодолимость этого разрыва обретает особую весомость, когда узнаешь цены на билеты на катер, чтобы это пространство пересечь). Вообще, два соседствующих, противоположных, но время от времени пересекающихся способа перемещения по городу, – пешком и по воде – уже рождают это уникальное ощущение соседства, близости, постоянной встречи двух миров, жизни и смерти. Не случайно предельное, почти невозможное в этом мире совершенство красоты Венеции у многих ее почитателей ассоциируется со смертью: через эту прекраснейшую в мире «площадь» пешком уже не перейдешь. Многие поэтому пишут даже о «двух Венециях» – Венеции пышного праздника жизни и Венеции мистической глубины, глубины темных венецианских вод, которые ассоциируются то с Летейскими водами сна и забвения, то с крещенской водой Прощения и Участия...

Когда мы вышли из Сан-Марко, вода была уже везде: пошел сильнейший дождь, просто ливень. И хотя приятно было стоять в нартексе собора под знаменитыми мозаиками цикла «Сотворение мира» в абсолютном окружении воды, идти дальше было невозможно. Делать было нечего, и мы отправились смотреть расположенный по соседству дворец Дожей, о чем я впоследствии пожалел: когда у тебя один день в Венеции зимой, тратить два светлых часа на все эти бесконечные погонные метры Веронезе-Тинторетто-Тьеполо мне показалось расточительным, не говоря уже о бешеной цене на билет. Потом все-таки поехали в Сан-Джорджо-Маджоре (где по понятным причинам присутствует особая благодать молитвы о нашем Братстве), посмотрели «Тайную вечерю» Тинторетто, но были уже почти сумерки, а мрамор требует света, поэтому собственно храма почти не увидели. Сплавали и на Джудекку, но мой любимый храм дель-Реденторе (Христа-Искупителя), который я, собственно говоря, больше всего и хотел увидеть в Венеции, оказался на реставрации до февраля...

Я расстроился... Холодно, сыро, серо, отовсюду течет, ржавчина и потеки особенно бросаются в глаза. Город как будто бы тот, что ты знаешь по книгам, картинам и фотографиям, но в то же время ты как бы его и не видишь, краски ушли под серую пелену дождя и тумана... Венеция как бы потеряла для меня все свое экзистенциальное очарование и превратилась в объект, остывшее тело, в котором различаешь любимые черты, но больше не находишь жизни. Что происходит, – думал я, – почему я ничего не вижу? Неужели я все-таки ошибся и никакого благословения свыше приехать сюда сейчас у меня, в действительности, нет? Да и правда, подумал я, с чего это я решил поехать в Венецию сейчас, в нашей церковной ситуации, когда не до разглядывания красот?..

Когда мы вернулись с островов, было уже совсем темно. Поплыли обратно по Большому каналу

и вдруг увидели, что в открытых дверях музея Академии горит свет (это было неожиданно, так как мы привыкли, что в Европе все закрывается очень рано). Мы зашли, я стал читать своей спутнице (нашей переводчице) что-то вроде лекции о венецианской живописи и чувствовал себя по-прежнему неуютно, – до того момента, как мы добрались до одного из четырех, кажется, работ Тициана, там находящихся. Это была его последняя «Пьета». Надо сказать, что впечатления от встречи с подлинниками Тициана всегда неожиданны. Так было и в этот раз. «Пьета» эта для Тициана – что-то вроде Реквиема у Моцарта: он писал ее в последние несколько лет жизни для церкви Санта-Мария-Глорियोза-деи-Фрари, где хотел быть похоронен, но так и не смог закончить (как и «Реквием», она закончена учеником). Не смог, поскольку хотел, видимо, большего, чем можно вообще сделать в живописи: все известные возможности его уже не удовлетворяли, он даже практически оставил кисть и клал краску голыми руками, пальцами. Все, включая ближайших учеников и поклонников, считали, что он выжил из ума, и скорбели, что он губит свой талант. Все это, конечно, по книгам я довольно хорошо знал, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

Первое, что поразило, – полное совпадение с тем, что было в этот день снаружи. Вечер пятницы, и та же серость, поглощающая все обычно столь интенсивные тициановские венецианские краски... Люди, начиная с Самого Иисуса, как бы «земленеют», теряют жар, цвет, тепло, жизнь, превращаются в объекты, сливаются со стеной, на фоне которой все происходит... Сам исходящий от Христа свет становится резким и холодным, как бы черным. Львиные маски с их жутким оскалом словно говорят: «Наше время и власть тьмы»... Но это только первое впечатление. Через какое-то время начинаешь понимать, что этот свет не просто поглощается стеной, он продолжает жить в ней, и что хотя люди, действительно, поглощаются смертью, застывают и холодеют, статуи на заднем плане (Моисей и ангел с крестом) начинают оживать: «Если они замолчат, камни возопиют». Я как бы увидел оживающие «похвалы» Страстной субботы: «Как света светильник, ныне плоть Божия под землю, как под спуд, сокрывается и рассеивает адскую тьму»... Львиные маски тоже получают долю этого света жизни, и их оскал превращается в выражение гнева Божьего: «И земля потряслась, и камни расселись, и гробницы открылись, и многие тела усопших святых восстали». «Под землю сошел Ты, Светоносец правды, и мертвых воздвиг как от сна, рассеяв всякую адскую тьму». (Конечно, нельзя было не вспомнить здесь и некоторые поздние стихи Мандельштама, прежде всего «Тайную вечерю», где во многом то же ощущение света, продолжающего жить в «стене» (и в Церкви): «Небо вечера в стену влюбилось,/ Все изранено светом рубцов./ Провалилось в нее, осветилось/ Превратилось в тринадцать голов»...)

Причем все это написано с редкой даже для Тициана, последней, предсмертной свободой и силой, почти страстью. Потом что-то подобное можно будет найти у Рембрандта, но тот уже зависит от Тициана, и потом он все-таки северянин, ему в смысле темперамента до Тициана далеко (до голых рук он, кажется, не доходил). Я могу сопровождать свои впечатления евангельскими и богослужебными цитатами, но замечательно, что Тициан действительно достигает всего этого без всяких цитат, просто живописью, просто давая звучать самой краске! Здесь западная сосредоточенность на Страстях, и на Страстной пятнице (т.е. Пасхе крестной) в особенности (тут я вспомнил и свое недавнее посещение Сен-Шапели, и особую мистическую связь со Страстной пятницей, например, Петрарки), достигает своего апогея: нельзя сильнее изобразить Смерть, и в то же время, когда она так изображена, проступает ее неотделимость от Воскресения, и наоборот. «Смертию смерть поправ...»

Мне стало ясно, почему я впервые увидел Венецию, которая вообще-то ассоциировалась у меня прежде всего с Воскресением (и отчасти – с Преображением), именно дождливой зимней пятницей...

Мы просидели перед этой «Пьетой» до самого закрытия Академии. Уходить не хотелось: это был поистине конечный пункт нашего путешествия, сердце Венеции, где не было больше «двух Венеций» – жизни и смерти, но одна непостижимая и всеобъемлющая реальность этого замечательного западного города, где подспудно «работает» восточная традиция. Не было больше и двух традиций – объективирующей западной и более внутренней восточной: смерть, как крайняя точка объективации, неожиданно стала своей противоположностью, жизнью... Так может быть не случайно, что одно из первых напряжений между двумя церковными полюсами касалось именно дня празднования Пасхи: шестой день недели или первый (восьмой), пятница или воскресенье, Пасха крестная или Пасха воскресная? Тогда, правда, было наоборот: Восток стоял за Пятницу, а Запад – за Воскресенье, что само по себе о многом говорит. Может быть, и все наши сегодняшние разделения от того, что мы не умеем вместить этой неразрывной связи, взаимопроникновения Креста и Воскресения? И не прав ли Андрей Тарковский в последних кадрах «Ностальгии»: если мы хотим нести свет, который может рассеять мрак разделения, мы, чтобы что-то соединилось, должны иметь в виду, что при этом должно будет разорваться наше сердце?

Конечно, это равновесие было очень хрупко (даже для самого Тициана эта его предсмертная «Пьета» уникальна), да и длилось оно недолго, быстро распавшись на Тинторетто, в лучших работах которого можно видеть продолжение того же трагического света, мистически пронизывающего все пространство священной истории, и Веронезе, в свою очередь продолжившего тициановскую же традицию изображения полноты и насыщенности бытия при свете солнечном, дневном, внешнем. Предтечу многих веронезевских композиций можно видеть здесь же, в Академии, в тициановском «Введении во храм». Русскому человеку это может быть особенно понятно, поскольку у нас точно так же из Пушкина (а вовсе не из «Гоголевской шинели») вышли Достоевский и Толстой, взаимодополняющие друг друга, но все-таки и вместе не достигающие уникальной целостности пушкинского видения.

И все же, несмотря на историческую неизбежность подобных распадов, я уезжал из Венеции в Женеву и потом, через несколько дней, из Женевы – в Москву, с ясным ощущением как бы даров пережитого таинства. Я вспомнил недавний рассказ о Георгия о его последней поездке в Италию – о леонардовской «Тайной вечере» и видном в ней уходящем свете Ренессанса, и радовался, что мои предположения относительно места Венеции во всей этой истории не оказались надуманными: я видел свет, который уходил, но оставался, и понимал, что как бы ни было потом трудно, я всегда буду знать, что этот свет, подобно свету Крещения, всегда светит и просвещает тьму.

[1] Эта тема в современном православном богословии блестяще разрабатывалась митр. Иоанном (Зизиуласом).

2 Хвалите <Господа>, все народы, хвалите Господа! (лат.)